

НИКОЛАЙ БАБИЛУНГА

БЕССАРАБИЯ ПОД РУМЫНСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ

ИСТОРИЯ КРАЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИИ
ЕГО ОККУПАЦИОННЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Infiintarea ghetto-ului pentru jidanii din Chişinău

Basarabia noastră românească, răsturnată în urma complotului războiului de desrobire națională, a suferit violență în timpul celui de-al doilea război mondial, în special în timpul ocupării ei de către forțele naziste și germane. În Chișinău, autoritățile au creat un cartier special, în partea de jos a orașului, pentru jidani, numit „ghetto”. Nimeni dintr-un oraș nu are voie să părăsească acest ghetto, decât cu aprobarea comandanților respectivi și numai pentru procurarea de alimente.

Pentru soluționarea definitivă a problemei jidani în Basarabia, decretul, această măsură este cunoscută de la început și se cere extindă peste întregul teritoriu al statelor românești, care au avut de suferit de pe urma persecuțiilor lor. Într-o zi, în luna iulie din Chișinău se rămasă alți cu nepoții ei, de a cărei ca și alăută la temerile autorităților statului nostru național.

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ТИРАСПОЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ОБРАЗОВАНИЯ,
ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ И ПОЛИТОЛОГОВ
“PRO MOLDOVA”

Николай БАБИЛУНГА

БЕССАРАБИЯ ПОД РУМЫНСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ

**История края в жизнеописании
его оккупационных правителей
в первой половине XX в.**

Тирасполь
2020

Научный редактор – В.Я. Гросул,
доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:

С.М. Назария, доктор политических наук, профессор;
В.А. Содоль, кандидат исторических наук, доцент;
И.П. Шорников, кандидат исторических наук, доцент.

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Бабилунга, Николай.

Бессарабия под румынским правлением : История края в жизне-
описании его оккупационных правителей в первой половине XX в.
/ Николай Бабилунга ; научный редактор: В. Я. Гросул ; Институт
социально-политических исследований и регионального развития,
Тираспольское отделение Международной славянской академии
наук, образования, искусств и культуры, Ассоциация историков и
политологов «Pro Moldova». – Тираспол : Б. и., 2020 (Бендерская
типография «Полиграфист»). – 184 p.: fig., fot.

Referințe bibliogr.: p. 177-178 (25 tit.). – 100 ex.

ISBN 978-9975-3431-1-4.

[94(478)+94(498)]«19»(092)

Б 125

В книге освещаются биографии всех руководителей Бессарабии со времен создания здесь Молдавской Народной Республики в 1917 г. и начала оккупации ее королевской Румынией до последних румынских владык покоренных земель в 1944 г. Жизнеописания всех высших руководителей края в наиболее трагический период его истории позволяют оценить роль политики Румынии в истории молдавского народа за двадцатидвухлетнее пребывание края в составе Румынского королевства, а затем в составе фашистского государства. Какую роль каждый из правителей лично и вся насаждаемая ими система сыграла в исторических судьбах народов нашего края, попытается выявить и представить читателю автор.

Оккупанты во времена своего правления прилагали немалые усилия, чтобы исказить молдавский менталитет, заменить идентичность народа с молдавской на румынскую. Наперекор всему молдавский этнос на территории Бессарабии и Левобережного Приднестровья сумел сохранить свою самобытную культуру, язык, менталитет, неповторимый психологический склад. Эта книга адресуется не только специалистам-историкам, преподавателям и студентам, учителям и ученикам, но и всем любителям истории родного края, истории нашего Отечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения: МОЛДАВАНЕ И РУМЫНЫ	4
ИВАН (ИОН) КОНСТАНТИНОВИЧ ИНКУЛЕЦ (21 ноября 1917 г. – 2 апреля 1918 г.)	35
КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ СТЕРЕ (2 апреля 1918 г. – 25 ноября 1918 г.)	56
ПАНТЕЛЕЙМОН (ПАН) НИКОЛАЕВИЧ ХАЛИППА (25 ноября 1918 г. – 27 ноября 1918 г.)	77
АРТУР ВЭЙТОЯНУ (13 июня 1918 г. – 27 ноября 1918 г.)	97
БЕССАРАБИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОРОЛЕВСКОЙ РУМЫНИИ (27 ноября 1918 г. – 28 июня 1940 г.)	106
КОНСТАНТИН ВОЙКУЛЕСКУ (13 июля 1941 г. – 22 апреля 1943 г.)	118
ОЛИМПИУ СТАВРАТ (22 апреля 1943 г. – 22 августа 1944 г.)	132
ГЕОРГЕ АЛЕКСЯНУ (19 августа 1941 г. – 26 января 1944 г.)	145
Эпилог, или Вместо заключения: СОСТОЯЛОСЬ ЛИ НАКАЗАНИЕ РУМЫНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ?	163

Вместо введения: МОЛДАВАНЕ И РУМЫНЫ

Восточно-романские народы, издревле проживавшие на Юго-Востоке Европы, к северу и югу от Дуная, в Карпатах и на Балканах, имели общего предка – пастушеские племена волохов. Сами волохи сформировались в первом тысячелетии новой эры в данном регионе в результате смешения романизированных фракийских и, возможно, иллирийских племен со славянскими племенами. На их основе возникли затем многие близкородственные восточно-романские народы – молдаване, валахи (румыны), аромуны, морлаки, истрорумыны, мегленские румыны и др.

Но из них только два народа создали свою государственность – это валахи и молдаване. В 1324 г. на территории между Карпатами и Дунаем полуполюгендарный валахский воевода Басараб I Основатель объединяет под своей властью жителей Мунтении и Олтении, создает княжество Валахия. Через несколько десятилетий на северо-востоке Карпат, в бассейне реки Сирет и ее притока речки Молдова, воевода Богдан I Основатель выходит из-под власти венгерского короля и в 1359 г. провозглашает независимость другого княжества – Молдавии.

Рис. 1. Дунайские княжества в конце XVI в.

Народы обоих княжеств говорили на понятном для всех языке, исповедовали православие, но имели свои отличительные особенности в культуре, обычаях, нравах, менталитете, а также в государственных интересах и обустройстве. Константинопольский патриарх и вообще деятели церкви называли в Средние века Валахское княжество Угровлахийей, а Молдавское княжество – Русовлахийей, иногда и Молдославией. Турки называли Молдавию Богданиемей.

В XV в. эти Дунайские княжества попадают под турецкую зависимость, а в XVI в. они становятся частью Османской империи и, сохраняя независимость друг от друга, ведут долгую трехвековую борьбу с общими поработителями – турками. Очень часто и между обоими княжествами вспыхивали кровопролитные войны. Османы видели выгоду для себя в том, чтобы препятствовать их соединению, сохранять внешние формы государственности Молдавии и Валахии, сдавая на время за большие финансовые суммы их престолы местным боярам или грекам-фанариотам.

Рис. 2. Дунайские княжества в начале XVIII в.
Прутский поход Петра I.

Рис. 3. Дунайские княжества после Ясского мира 1793 г.

В русско-турецких войнах XVIII в. решалась историческая судьба народов этих государств. В Петербурге при дворе Екатерины даже вынашивали проект освобождения этих православных княжеств от турецкого ига и объединения их в единое государство Дакия под протекторатом России. Но сил для освобождения дружественных народов, несмотря на все их мольбы об избавлении от «ига басурман», и присоединения к России не хватало ни во время Прутского похода Петра Великого 1711 г., ни в период войн 1734–1739 и 1769–1774 гг., несмотря на реки пролитой крови и блестящие победы русского оружия на суше и на море.

Наконец, завершивший последнюю в XVIII в. русско-турецкую войну Ясский мир 1791 г., а затем и Бухарестский мир 1812 г. сыграли спасительную роль в исторических судьбах молдаван Пруто-Днестровья, открывая перед ними перспективы национальной консолидации и развития в составе сильной мировой державы, идущей по пути исторического прогресса, – России. К стране сначала были присоединены земли Северного Причерноморья до Днестра, так называемое Дикое поле, где господствовали кочевники. А в начале XIX в. от турок была

освобождена и восточная часть Молдавского княжества между Днестром и Прутом, названная в 1813 г. Бессарабией.

В этот регион, население которого было истощено и устало от постоянных войн, грабительских набегов и кровопролитных сражений, пришел долгожданный мир (о судьбе населения западной части княжества, т.н. Запрутской Молдовы, мы поговорим ниже). На протяжении более чем 100 лет в Бессарабии не велось никаких военных действий, а ее жители даже были освобождены от военной повинности и шесть десятилетий не призывались в армию.

Из отсталой колониальной провинции Османской империи Бессарабия в считанные десятилетия превращается в густонаселенную и достаточно развитую экономически область империи, капиталистическое развитие которой во многих отношениях превышало аналогичные показатели даже самой России. И русское правление Бессарабией в XIX начале – XX вв. было осторожным и щадящим. Бессарабия не испытывала со стороны центра ни налогового пресса, ни экономического подавления, ни национально-культурной дискриминации. Молдавское население, православное в своем подавляющем большинстве, не испытывало никаких особых проблем в духовно-религиозной жизни, как и получении высшего образования в любом из высших учебных заведений империи или за границей.

В таких благоприятных, но в то же время сложных и противоречивых условиях российской действительности протекали процессы формирования молдавской нации. Особенностью исторической судьбы молдаван стало то обстоятельство, что на базе некогда единой молдавской феодальной народности шли параллельные процессы формирования двух независимых, хотя и близкородственных наций, – молдавской нации в составе России и румынской нации в составе сначала Османской империи, а затем и Румынии после объединения Запрутской Молдавии и Валахии (Мунтении) в 1859 г.

И это само по себе стало определять дальнейшие исторические судьбы молдаван в XX и XXI вв. Все особенности новейшей молдавской истории и даже драматичность нынешней политической ситуации в регионе закладывались во времена, когда молдавская народность консолидировалась в нацию, существующую и по сей день. Как это все происходило и какими путями осуществлялась консолидация молдаван в современную европейскую нацию, мы в настоящее время видим достаточно отчетливо, со всеми уникальными особенностями и своеобразием этих путей.

Зарождение и развитие капиталистического способа производства в Пруто-Днестровском регионе после его присоединения к России сыграли определяющую роль в процессе трансформации молдавской народности в буржуазную нацию. Территориальная общность – один из главнейших признаков нации – сложилась в XIX в. в районах компактного проживания молдаван в регионе, включающем Бессарабию и левобережное Поднестровье. В этих же пределах у молдаван складывалась определенная экономическая общность, формировался местный рынок, который носил черты рынка национального со своими характерными особенностями и одновременно являлся частью рынка общероссийского.

Молдавская аграрная и торговая буржуазия, в меньшей степени – промышленная и финансовая, постепенно набирала силу и активизировала борьбу за свое монопольное владение этим рынком, вытесняя своих главных конкурентов – предпринимателей из евреев, армян, греков, немцев, хотя эти попытки и не приносили желаемого результата. Бессарабия складывалась как многонациональная территория, в которой армянские, русские, немецкие капиталы занимали достаточно сильные позиции, а черта оседлости и запрещение евреям проживать и арендовать землю в сельской местности сосредотачивали еврейское население в городах и местечках, буквально принуждая его к занятию торговлей и ремеслом.

Наряду со становлением территориальной и экономической общности молдаван на данной территории в XIX – начале XX вв. усиливаются процессы рождения и развития молдавского литературного языка. Формирование национального самосознания молдаван в связи с этим усиливается, дает толчок развитию молдавской культуры и ее самобытных черт, которые позволяли молдаванам выделять себя из среды других народов, в том числе и родственных. В этом смысле складывание молдавской нации шло естественным путем как объективное и закономерное явление.

Ведь нация в современном европейском понимании этого термина представляется как этносоциальный организм, связанный с теми или иными формами государственности, и формируется тогда, когда становится возможной интенсификация социально-экономических и культурных связей внутри феодальной народности в пределах территориально-государственных и административных границ ее обитания. Это приводит к сглаживанию местных языково-культурных различий в данном этносоциальном организме, его консолидации территори-

ально-политического, экономического и культурного характера, появлению особого слоя людей – интеллигенции, способной осознать и сформулировать интересы национального развития своих народов.

Молдавская буржуазная нация формировалась, как и многие другие европейские этносы, путем перерастания феодальной народности, сложившейся к XV в. и создавшей свою государственность, в капиталистическую нацию. Этот путь был очень непростым и отличался многими характерными, а подчас уникальными поворотами и особенностями, которые оказали и продолжают оказывать сильнейшее влияние на культуру, самосознание, общественно-политические устремления молдаван. Рассмотрим их более подробно.

Прежде всего, очевидно, что один из наиболее важных факторов складывающейся нации – территориальная общность феодальной народности – не оставался постоянным и претерпел серьезные изменения. Историческая территория Молдавского княжества – от Карпат до Дуная и Днестра – уже в XVIII в. была фактически расчленена между землями, с одной стороны, подчинявшимися номинально молдавским господарям (грекам-фанариотам), а с другой, – турецким райям, находившимся под юрисдикцией султана и его наместников. Эти земли управлялись по законам шариата, как и территории, заселенные татарскими ордами.

Процесс формирования молдавской нации берет свое начало в конце XVIII в., когда в результате ослабления турецкого ига после Кючук-Кайнарджийского мира в княжестве появляются первые признаки выхода из кризиса и ростки капиталистических отношений. Понятно, что этот процесс не мог иметь одинаковой силы в различных регионах княжества и проявлялся более интенсивно главным образом в центре государства, в районах рек Сирет, Молдова, Бистрица, Бырлад. Восточная часть княжества, Пруто-Днестровское междуречье, где обитали татары и располагались турецкие гарнизоны, оставалось наименее экономически развитой и заселенной территорией Молдавии.

Когда в 1812 г. эта часть Молдавского княжества – Бессарабия – была освобождена от турецкого ига и присоединена к России, молдавская феодальная народность была рассечена. Молдавский этнос в Пруто-Днестровском междуречье продолжал трансформироваться в нацию в составе Российской империи. Население Запрутской Молдавии имело иную историческую судьбу.

Акт 1812 г., это надо подчеркнуть специально, вовсе не играл для современников ту трагическую и катастрофическую роль, которую ему

придают в наше время некоторые круги из чисто политических соображений. Этническая сепарация, т.е. отделение от народа одной его части, которая со временем превращается в самостоятельный этнос, сама по себе не уникальна в истории. Исландцы, например, происходят от группы норвежцев, переселившихся когда-то в Исландию. Валлоны в 1830 г., отделившись от французов, создают Бельгийское государство вместе с фламандцами. Англичане, переселившиеся в Австралию, на протяжении десятилетий и столетий сформировали там австралийскую нацию, которая никакого отношения к местным аборигенам не имела, и т.д.

Интересной особенностью в данном случае является как раз другое: обычно этническая сепарация этнотрансформационна лишь для той части исходного этноса, которая обособляется в отдельный народ и вырабатывает новое этническое самосознание (например, американцы и австралийцы, сохранившие язык, но изменившие свое самосознание). Что же касается молдавского самосознания, то оно сохранилось в основном у обособившейся части народа в 1812 г., т.е. у молдаван Пруто-Днестровья. А вот главная часть исходного этноса (молдаване) после объединения двух Дунайских княжеств в единое Румынское королевство претерпела в течение нескольких десятилетий довольно существенную этнотрансформацию. Она потеряла свое молдавское национальное самосознание и стала отождествлять себя вместе с валахами с единым румынским народом.

Следовательно, этническая сепарация 1812 г. привела к тому, что основным ареалом превращения молдавской феодальной народности в молдавскую буржуазную нацию стали территории между Прутом и Днестром, а также его Левобережье, заселенное молдаванами в XIX в. При этом земли Бессарабии, как уже было сказано, издревле являлись наименее развитыми районами Молдавского княжества, основной экономический, демографический, культурный потенциал которого сосредотачивался между Прутом и Карпатами. Впоследствии именно эта территория вошла в состав Румынского королевства. Поэтому исходным моментом формирования молдавской нации было то обстоятельство, что ареал его включал не все Молдавское средневековое княжество, а лишь его часть, к тому же часть меньшую, пустынную, слабозаселенную и экономически абсолютно неразвитую.

Бросается в глаза и другой важный момент. Формирующаяся молдавская нация не имела своей государственности в составе Российской империи. И это тоже накладывало свой отпечаток на характер проте-

кавших процессов. Кстати, в многонациональной Российской империи почти все этносы находились в подобном положении, ибо своей государственности не имели также украинцы, белорусы, латыши, казахи и др. По большому счету, своей государственности не было и у русских, так как центрально-русские губернии по своим законам и положению ничем не отличались от, например, малороссийских губерний.

Россия не знала национально-государственного деления, и «чисто» русские губернии (центр) не выступали и не могли выступать в качестве метрополии по отношению к национальным окраинам. В отличие, например, от Британской империи, где метрополия и колонии очень четко различались во всех отношениях, а житель Папуа или Индии находился юридически в абсолютно ином положении, чем житель собственно Англии. Поэтому известная фраза французского путешественника Кюстина о России как о «тюрьме народов» носит не этнический, а исключительно социально-политический характер*. В отношении Бессарабии, как мы знаем, центральным правительством никогда не проводилась какая-либо особая дискриминационная финансово-налоговая политика, что имело место в ряде случаев по отношению к Сибири, Дальнему Востоку, Кавказу и Туркестану. Молдаване, как православные, никогда не испытывали религиозных притеснений. Дети из молдавских семей без всяких ограничений принимались в вузы страны. Что же касается низших форм образования, то народное просвещение находилось здесь в плачевном состоянии, точно так же, как и в других губерниях страны. При этом Бессарабия по числу грамотных людей входила в первую десятку всех губерний России.

Необходимо помнить, что в имперском правительстве и высших органах государственной власти было много молдаван, выходцев из Бессарабии, так или иначе связанных с ней. Это совершенно было исключено в Британской империи – даже сказочно богатый и влиятельный у себя на родине папуас, китаец или индеец в принципе не мог стать в

* В своей книге «Россия в 1839» Адольф де Кюстин писал: «Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой находится у императора». Крылатость формулировке «тюрьма народов» придали частые высказывания В.И. Ленина, затем она была закреплена в качестве официального постулата в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Англии министром, членом парламента, пэром или приближенным ко двору политическим деятелем. Другое положение было в Российской империи, в ее правительстве, армии, государственном аппарате, высшем правящем слое.

Министром финансов России в 1880–1881 гг. был потомок переселенцев из Молдавии А.А. Абаза. Выпускником кишиневской гимназии был известный политический деятель, министр финансов России в 1892–1903 гг. С.Ю. Витте. Бессарабский помещик Л.А. Кассо был министром просвещения России в 1910–1914 гг., как и потомок бессарабских армян И.Д. Делянов (министр с 1882 по 1897 г.). Крупными политическими фигурами были депутаты Государственной думы России от Бессарабии П.А. Крушеван, В.М. Пуришкевич, П.В. Синадино, П.Н. Крупенский, Н.Д. Крупенский, члены Государственного совета П.В. Дическул, Д.Н. Семигратов и др. Большой вес в русском правительстве и при дворе имели такие связанные с Бессарабией семейства, как князья Кантакузины, Гагарины-Стурдзы, Мурузи, Святополк-Мирские, Волконские, графы Канкрины, Бенкендорфы, Нессельроде. Все они входили в правящую элиту страны.

Таким образом, отсутствие молдавской государственности в составе Российской империи (исключая период бессарабской автономии 1812–1828 гг.) не являлось фатальным препятствием на пути складывания молдавской буржуазной нации, хотя во многом изменяло эти условия. Формирование различных наций в пределах одного многонационального государства, когда развивающиеся этносы не были разделены национальными границами, наложило отпечаток взаимосвязанности и взаимозависимости на каждую из них, в том числе и молдаван. Свободное передвижение и обращение грузов, товаров, культурных ценностей, общение людей, их контакты, отношения облегчали взаимоассимиляцию и укрепляли внутреннюю интеграцию складывавшихся наций, притягивали их друг к другу миллионами связей – семейных, бытовых, торговых, экономических, культурных и т.д.

Нельзя не отметить и следующую важную особенность формирования молдавской буржуазной нации. Она состоит в том, что единство нации складывалось на базе одной народности (точнее, части ее) – молдаван, в чрезвычайно разбавленной интернациональной среде. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., молдаване в многонациональной и поликультурной Бессарабии не составляли и половины населения (47,6%).

Рис. 4. Бессарабская губерния в XIX в.

Как известно, в одних случаях нации развиваются на основе сплочения, слияния двух или нескольких народов, обычно близких по языку, культуре, религии и пр. Французы, например, сложились в нацию путем слияния северофранцузской и провансальской народностей, которое протекало на протяжении XVI–XVIII вв. Аналогично складывалась и румынская нация на основе сплочения валахов и запрутских молдаван, близкородственных и, тем не менее, различных народов с похожей, но разной историей и культурой. После революционных событий в Европе 1848 г., и особенно после образования единого Румынского государства, отцы-основатели румынской государственности стали подчеркивать близость и даже идентичность этих народностей, объединяя их единым термином – румыны. В течение полутора-двух столетий термин «молдаване» в румынском государстве был вытеснен и стал применяться в лучшем случае в качестве понятия местного, географического, а не этнического, подобно «провансальцам» во Франции.

Но нации не обязательно ассимилируют и вбирают в себя близкородственные этносы. Во многих других случаях нации формируются в результате трансформации только одной феодальной народности в буржуазную нацию. Таким путем шли русские, англичане, шведы и другие европейские народы.

Таким путем консолидировались в нацию и молдаване в составе России. Однако, развиваясь на собственной основе из народности в нацию, молдаване не имели четких национальных границ и подверглись мощному влиянию народов, рядом и вместе с которыми они жили, одновременно вовлекая их в процессы формирования молдавской нации. Впоследствии эта объективная особенность генезиса молдаван в нацию послужила поводом для румынизаторов называть молдаван «второсортными румынами, попорченными русификацией», а программу их национального возрождения разрабатывать и осуществлять как быструю и насильственную румынизацию, что на деле означало уничтожение молдавского самосознания и молдавского этноса как такового.

Несомненной характерной чертой складывавшейся нации молдаван являлась ее аграрная окраска. Основные силы буржуазного общества, выводящие нацию на новую ступень развития и внутреннего противостояния, формировались у молдаван не в среде городской буржуазии и городского промышленного пролетариата, а в аграрной сфере, в сельском хозяйстве, где капиталистические отношения развивались доста-

точно широко и интенсивно. Более 25% крестьянских хозяйств Бессарабии в начале XX в. были безземельными, а потому их владельцы работали по найму. В то же время 13% хозяйств являлись фермами, на которых использовался наемный труд. Молдаван среди городского населения было вообще немного – 14,2%, в том числе в Кишиневе – 17%, Бендерах – 8%, Бельцах – 17%, Сороках – 21%, Белграде – 5%, Оргееве – 28%, Аккермане – 0,8%, Хотине – 0,3% от общего числа жителей.

Практически к концу XIX в. молдаване являлись нацией сельской, почти не урбанизированной. Из 921 тыс. бессарабцев, говоривших на молдавском языке, согласно Всеобщей переписи 1897 г. только 4,5% проживали в городах, а остальные 95,5% – в сельской местности. Но эту черту нельзя признать чем-то уникальным и невиданным. Слабой степенью урбанизированности отличались многие нации Юго-Восточной Европы и практически все нации, складывавшиеся в пределах Российской империи. К примеру, в Казани татары составляли 19% горожан. По переписи 1920 г. украинцев в Одессе насчитывалось всего 3%, в Киеве – 14%. А вообще в городах юга Украины в конце XIX в. проживало 18% украинцев, около 5% русских, 37% евреев, а также множество греков, армян, молдаван, немцев и лиц других национальностей. Такое же положение можно было наблюдать в Латвии, Эстонии и других регионах империи.

Процессы урбанизации молдавской нации широко развернулись уже в последующие исторические эпохи, в 50–70-е годы XX века, когда форсированная подготовка кадров национальной интеллигенции и строительство мощной городской индустрии привлекли в города значительную часть сельской молодежи. Конечно, сельская молодежь несла с собой в городскую среду присущую этим слоям свою специфическую культуру, мировоззрение, традиции. Навыки толерантного общежития, социальной адаптации и традиции поликультурного и многонационального городского сообщества осваивались этими неопитами городского образа жизни не без труда. Но это отдельный разговор. Мы вернемся к рассмотрению исторической судьбы той части молдавского феодального этноса, которая проживала на большей части территории Молдавского княжества – от Карпат до Прута.

Бухарестский мир, как отмечалось, освободил от турецкого ига не все Молдавское княжество, а лишь его восточную часть. А его часть до Прута оставалась под пятой фанариотского режима. На таком же положении находилось и другое Дунайское княжество – Валахия, где без-

раздельно хозяйничали фанариоты. Трансильвания же с конца XVII в. подчинялась по решению Карловицкого конгресса Габсбургам.

Именно там, в Трансильвании (по-румынски – Ардял), где зарождалась молодая румынская буржуазия, в конце XVIII – начале XIX вв. возникает просветительское движение, так называемая Ардяльская школа. Ее основатели повели борьбу за развитие национальной культуры молдаван, валахов и трансильванцев как культуры общерумынской. Они выступали за утверждение единого для всех Дунайских княжеств румынского литературного языка, за «очищение» его от архаизмов, диалектизмов, а также славянского, греческого и турецкого влияния, за обогащение румынского языка словарным фондом других романских языков и перевод его на латинский шрифт. Самуил Мику-Клайн, Георгий Шинкой, Петру Майор и другие деятели этой школы, как и их последователи Г. Лазарь, И. Элиаде-Рэдулеску, Е. Потека, П. Поэнару, восхваляли славное прошлое и «латинское происхождение» румын, формируя единое национальное самосознание и патриотические чувства населения Дунайских княжеств. Они призывали заимствовать опыт «цивилизованных народов» у «наших братьев европейцев» западных стран, применяя его на местной почве. Они распространяли просветительские идеи «румынской свободы», понимая ее как освобождение княжеств от османского ига и объединение их под скипетром единого румынского короля.

Объединительные (унионистские) идеи получали определенное распространение в среде образованной части общества и привилегированных слоев Валахии, Трансильвании и Запрутской части Молдавии. Основная масса населения достаточно равнодушно относилась к объединительным призывам образованных слоев общества всех Дунайских княжеств. Крестьянство вело упорную национально-освободительную борьбу не только против чужеземного гнета, но и против притеснений «своих» феодалов, как бы они себя не называли, – молдаване, валахи, мунтяне, олтяне или румыны.

Что касается самой Молдавии, то в период Средневековья, а тем более в Новое время, уровень развития национального самосознания ее населения был чрезвычайно высок и молдаване вовсе не стремились называть себя каким-то иным словом, кроме как «молдаване». С древних времен, с момента образования Молдавского княжества, на протяжении более четырех сотен лет молдаване проживали в составе единого государства от Днестра до Карпат, от Покутья до Дуная и Черного моря. В сложных взаимоотношениях с культурами окружающих

народов, в тяжелых условиях многовековой борьбы за сохранение своей независимости, за освобождение от иноземного ига формировались самобытные черты духовной культуры молдавского народа, складывалось его этническое самосознание.

Молдавским книжникам, летописцам, ученым и писателям была очень близка идея независимости молдавского государства, молдавского народа. Создавая «Летопись земли Молдавской», они никогда не сомневались в правомерности данного этнонима, а летописец Г. Уреке даже специально возражал против попыток некоторых зарубежных авторов распространить на Ардял, Молдавию и Мунтению один термин: «А мы это имя не принимаем, да и не можем его присвоить нашей стране Молдавии, а только стране Мунтянской, ибо они* не желают разграничить, показать, что речь идет о двух странах, и пишут об одной местности и об одной стране, а мы знаем, что Молдавия была основана позже, а мунтяне раньше, хотя и произошли от одного корня...».

В середине XVIII в., особенно после Кючук-Кайнарджийского мира, начинается новый этап в развитии молдавского самосознания, когда со старославянского на молдавский язык переводятся богослужебные книги, древние господарские грамоты, издаются государственные документы, законы, а также светская литература, учебники и т.д. Молдавский язык утверждается в школе, зарождается новая молдавская литература. В официальных документах, в художественных произведениях и публицистике чувство национального самосознания молдаван закрепляется понятием «молдавский народ» (нямул, нородул молдовенеск). Так, например, в марте 1821 г. молдавские бояре, жалуюсь султану на притеснения фанариотов, взывали к нему: «...Услышай, всемогущий и всемилостивейший повелитель, плач **народа Молдавии...** Да будет нам оказана милость в назначении господаря властителя земли... из среды самого **молдавского народа...** Мы просим, всемогущий и великий повелитель, одарить таким благом, **народ земли Молдавии**».**

Однако в этот период все более заметное влияние приобретает и другая тенденция, связанная с подавлением молдавской самобытности и слиянием двух этносов – молдавского и валашского – в единый румынский этнос. Термин «румын» появляется в XVI в. к западу от

* То есть, зарубежные авторы.

** Выделено нами. – авт.

границы Молдавского княжества, в Северной Трансильвании и Марамуреше, где валахи-католики из рода Драгфи, разрабатывая нормы письменного языка восточных романцев, называли его «румынским языком».

Одновременно в 40-х гг. под сильным влиянием протестантизма в другом центре (Сибиу-Брашов) возникает книгопечатание. Первая молдавская печатная книга «Казания» («Учительное Евангелие») митрополита Варлаама была напечатана в монастыре Трех Святителей в Яссах, причем имелось указание, что это перевод со славянского языка на румынский. Произошло это в 1643 г., и с этого времени в Молдавии термин «румынский язык» все чаще стал применяться для обозначения письменного языка, а молдавский использовался как народный, разговорный. Уложение господаря Василия Лупу, изданное в Яссах в 1646 г., называется «Карте ромыняскэ де ынвэцэтурэ».

Популярность среди книжников и образованных людей версии о происхождении молдаван из среды римских колонистов первых веков новой эры можно объяснить распространением все большего влияния католичества в связи с активной политикой Польши в Молдавском княжестве и ее войнами с Турцией в XVII в. Папские эмиссары даже предпринимали попытки перевода веры молдавского народа из православной в католическую. Несмотря на полную безнадежность этих попыток, молдавская церковь в XVII в. переходит из подчинения Охридской епископии – центра Болгарской автокефальной архиепископии – в подчинение Константинополю, что резко ослабило славянское влияние в церкви и светской жизни, привело к переходу официального делопроизводства и богослужения со славянского языка на молдавский, за которым все больше закреплялось название «румынский»; при этом его кириллическая графика оставалась и сохранялась без изменений.

Сами термины «румын» и «румынский» с начала своего появления никоим образом не были связаны с Римом и древними римлянами. Они имели различное смысловое наполнение, использовались в различных планах, их содержание изменялось во времени. В период Средневековья, вплоть почти до середины XVIII в., эти термины имели социально-этническое происхождение.

Поначалу так (румыны) называли крепостных крестьян, главным образом из цыган, которые не жили по волошскому праву, а принадлежали почти всецело своим владельцам как дворовые слуги. Даже само название цыган – ромы – восходит к византийскому греческому названию еретиков (секты манихеев). Ромы, румыны составляли некую

этническую общность, группы которой проживали в разных странах Европы, в том числе Валахии, Молдавии, Болгарии, Венгрии и др. На территориях, некогда входивших в зону влияния Западной Римской империи, такие термины вызвали соответствующие ассоциации в сознании жителей. Это название созвучно с восточно-романским обозначением древних римлян. Термины «ромэн», «румын» в древности означали «крепостной цыган», но постепенно они стали использоваться в несколько ином смысле, обозначая принадлежность романскому миру вообще, потомкам древних римлян, восточнороманской этнической общности, румынскому народу как единой нации, сформированной на основе валахов и части («запрутских») молдаван.

Разделение Молдавского княжества в 1812 г. государственной границей на Бессарабию в составе России и Запрутскую Молдавию внесло существенные особенности в развитие культуры обеих частей. Западная часть территории некогда единого государства испытывала социально-политические и культурные тенденции объединительного характера в ходе совместной борьбы молдаван и валахов против султанской Турции. Призывы к объединению «румын» с целью завоевания независимости и суверенитета близкородственных народов приобретали все более громкое звучание в устах политиков и общественных деятелей.

На Валахию, как и на Молдавию, обрушилась целая волна исторических, литературных, лингвистических сочинений, целью которых была борьба за «очищение» языка от славянских влияний; они доказывали полную идентичность молдаван и валахов, отказывая, таким образом, молдаванам в праве на этническое самосознание. Поэтому в отличие от культурных процессов в Днестровско-Прутском междуречье, где в сближении с культурами народов России формировались новые ценности молдавской культуры, за Прутом в Молдавском княжестве шли интенсивные объединительные процессы и выкристаллизовывалась единая румынская культура, особенно после 1859 г., когда было создано Румынское государство.

Вместе с тем процесс развития молдавской культуры не раздвоился сразу после образования Румынии, и тем более после Бухарестского мира. Совместное проживание и развитие в составе одного государства на протяжении многих веков, общность традиций, обычаев, духовных идеалов и, конечно же, общность языка обусловили единый на первых порах после 1812 г. и во многом общий даже после 1859 г. вектор развития молдавской культуры в XIX в. Развитие национальной культуры

молдавского народа базируется, таким образом, не только на сочинениях древних книжников и летописцев Средневековья – Азария, Макария, Г. Уреке, Варлаама, Досифея, Н. Милеску-Спафария, М. Костина, Д. Кантемира, И. Некулче, но и на творчестве общих классиков новой литературы – В. Александри, Г. Асаки, А. Донича, М. Когэлничану, И. Крянгэ, К. Негруци, Б.П. Хашдеу, М. Эминеску.

Эти и многие другие авторы являлись продолжателями древних фольклорных традиций и были изначально близки к устному народному творчеству, черпали вдохновение в песнях, легендах, балладах, народных преданиях исторического содержания. Обращение к народным истокам – характерная черта и отличительная особенность молдавской культуры, прежде всего литературы и искусства XIX в. С ними тесно связана и та борьба, которую вели наиболее видные представители молдавского искусства против «латинистов», «пуристов», «итальянистов» и прочих антимолдавских течений, которые зарождались в Трансильвании и Валахии.

Характерно и то, что классики молдавской культуры, постоянно возвращаясь в своих произведениях к эпохам и личностям Стефана III Великого, Александра Доброго, Петра Рареша, Александра Лэпушняна, Иоанна Лютого, Богдана Основателя, практически не разрабатывали сюжеты из истории Валахии. Со своей стороны, валашские писатели обращались чаще всего к деятелям истории Валахии, ограничиваясь сюжетами из жизни Мирчи Старого, Михая Храброго, Влада Цепеша. Однако румынские (валашские) деятели культуры весьма охотно прибегали и к истории Молдавии, многие моменты которой были воспеты в молдавских фольклорных традициях, в художественной литературе, летописании и искусстве гораздо более подробно, более детализированно и шире, чем в традициях, науке и культуре Валахии.

Обращение к общим моментам истории принимает все более активный характер в XIX в., когда национально-освободительное движение против турок усиливается в обоих Дунайских княжествах. Ослабевшая в русско-турецких войнах Османская империя в первых десятилетиях XIX в. уже не могла столь жестко, как прежде, утверждать и контролировать господство на своих северо-восточных окраинах.

Это стимулировало антиосманскую борьбу в Молдавии и Валахии, которая, в свою очередь, сближала их народы. Высшим проявлением этой борьбы в первые десятилетия XIX в. стало Валашское восстание 1821 г. под руководством Тудора Владимиреску. И хотя это восстание было жестоко подавлено турками, оно положило конец фанариотскому господству – как Валахия, так и Молдавия получили право выби-

рать господарей из числа местных бояр. Это подкреплялось авторитетом и военной мощью России. Аккерманская конвенция 1826 г. между Турцией и Россией, подтвердившая условия Бухарестского мира, установила порядок назначения и смены господарей, которые могли быть избраны только из бояр княжеств, а смещены турками только с согласия России.

Адрианопольский мирный договор 2 сентября 1829 г., завершивший очередную русско-турецкую войну 1828–1829 гг., обеспечивал автономию Молдавского и Валашского княжеств, гарантом которой опять же выступала Россия. Этот договор заложил основы независимости Молдавии и Валахии, которые фактически почти полностью выходили из-под власти султана. Княжества лишь продолжали выплачивать Стамбулу ежегодную дань. Интересно, что суверенитет Турции при этом не нарушался, хотя султан лишался всяких прав на вмешательство во внутренние дела княжеств, не мог строить крепости на левом берегу Дуная и не имел практически никакой возможности принуждать княжества к уплате дани. Такую же степень независимости, кроме Дунайских княжеств, получала Греция и некоторые другие православные территории.

Лишив султана всяческих возможностей вмешиваться во внутренние дела княжеств, предоставив туземным господарям (из местных молдаван и валахов) право самостоятельно набирать войско, охранять и укреплять границы, запретив мусульманам вообще селиться и проживать на территории обоих княжеств, император Николай I считал, что теперь в интересах России будет сохранение слабой и зависимой от русского правительства Османской империи. Это ему казалось выгоднее, чем ее окончательное разрушение с неизбежным возникновением новых жизнеспособных государств и возможным усилением французского влияния на Балканах. Эта новая политическая линия России в русско-турецких отношениях привела к заключению в 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора, который устанавливал, что между двумя империями «мир, дружба и союз будут навеки существовать». Конечно же, союзнические отношения России и Турции продолжались недолго, до начала 40-х годов XIX в., когда европейские державы заключили Лондонскую конвенцию 1841 г., установившую международную регламентацию режима проливов.

После подписания Адрианопольского мира экономическое положение Молдавии и Валахии заметно улучшилось. Дело было не только в том, что ликвидация турецкой монополии, введение автономии и права свободной торговли увеличили экспорт зерна из княжеств и стиму-

лировали развитие торговли и земледелия. Управление Молдавией и Валахией после окончания войны в 1829–1834 гг. было поручено русскому генералу графу П.Д. Киселеву, при котором были разработаны и введены конституционные акты для Валахии – в 1831 г. и Молдавии – в 1832 г., практически идентичные, максимально сближавшие эти государства, их экономические и политические системы, культурную жизнь. Россия в лице генерала Киселева вводит идентичные законы в Молдавии и Валахии, делая тем самым важнейший шаг на пути объединения этих столь же различных, сколь и близких государств.

Органический регламент, определяя общественно-политическое устройство обоих княжеств, закреплял права и привилегии крупного боярства и высшего духовенства как господствующего сословия. В то же время данный конституционный акт осуществил целый ряд крупных преобразований в государственном строе и общественной жизни княжеств. Согласно этому документу вся законодательная власть в Молдавии и Валахии отдавалась собранию депутатов, избираемых крупными землевладельцами. Господари наделялись лишь функциями исполнительной власти.

Органический регламент создал в Молдавии и Валахии армию, отделил суд от администрации, запретил пытки, отменил внутренние пошлины и таможи, ликвидировал продажу должностей и т.д. Проведение реформ одновременно в обоих княжествах в период шестилетнего русского управления ими и принятие одинакового законодательства (причем регламенты Молдавии и Валахии содержали специальные статьи об укреплении связей между княжествами) способствовали перестройке политических систем княжеств по европейскому образцу и стали важнейшим этапом на пути объединения этих государств в единую страну – Румынское королевство.

Несмотря на то что Органический регламент формально сохранил за молдавскими и валашскими крестьянами право перехода с одних земель на другие и сократил государственные налоги с крестьян, их наделы были уменьшены, а налоги в пользу помещиков увеличены. Это, естественно, вызвало волну недовольства низших сословий, опасавшихся укрепления крепостнических отношений. Борьба крестьян против усиления крепостничества, антифеодальное движение в стране достигли своего накала в период европейских революций 1848–1849 гг. Оппозиционно настроенные помещики Молдавии в марте 1848 г. попытались провести некоторые робкие буржуазные реформы, но их попытки были подавлены, как и антифеодальные выступления крестьян

и горожан в марте – мае 1848 г. А в июне 1848 г. в Молдавское княжество вошли царские войска.

Более драматично развивались события в Валахии. В мае 1848 г. здесь оформился революционный комитет, члены которого в июне того же года публично зачитали в селении Ислаз проект конституции, составленный прогрессивно мыслящим историком и писателем Николае Бэлческу. Этот румынский революционный демократ за участие в 1840 г. в заговоре с целью объединения Валахии и Молдавии несколько лет отсидел в тюрьме, а затем был одним из основателей тайного общества «Фрэция», которое преследовало аналогичные цели. Ислазская конституция объявляла Валахию республикой с политическим равноправием всех граждан, провозглашала основные свободы, а также отмену смертной казни, телесных наказаний, барщины и крепостного права, декларировала наделение крестьян землей за выкуп и отмену преследований национальных меньшинств. Когда 11 июня 1848 г. началось восстание в Бухаресте, господарь Георге Бибеску вынужден был подписать эту программу, а затем отречься от престола.

Созданное в Валахии правительство пыталось лавировать между Россией и Турцией, однако все эти попытки окончились неудачей. 13 сентября 1848 г. турецкие войска вошли в Бухарест, арестовали и

Рис. 5. Революция 1848 г. в Дунайских княжествах

выслали из страны министров, многие из которых, впрочем, разбежались, как только в Бухаресте начались разговоры о вступлении в Валахию русских войск. Эти фальшивые слухи породили в среде лидеров революции «панический страх», как с удовлетворением отмечал русский канцлер граф К.В. Нессельроде. Робкие капитулянты, вроде главы революционного правительства И. Элиаде, бежали из страны, а революционные демократы Молдавии, Валахии, Трансильвании не сумели договориться о совместных действиях по защите революции и ограничились лавированием между Турцией и Россией, что позволило Н. Бэлческу впоследствии назвать революцию «провинциальным движением».

Начавшаяся весной 1848 г. революция в Венгрии была сочувственно встречена романоязычным населением Трансильвании и оказала большое влияние на его этническое самосознание. Именно здесь, в Трансильвании, раздались настойчивые требования исключить из официальных документов термин «Олах» («влах») и заменить его на «румын». В многонациональной Трансильвании в это время из 2 млн жителей румыны составляли 1,3 млн человек (мадьяр насчитывалось 0,6 млн, немцев – 0,2 млн) и были наиболее бесправным и угнетаемым слоем населения. Части венгерской революционной армии, вступившие в Трансильванию в декабре 1848 г., разгромили габсбургские войска и отряды повстанцев-румын.

Вражда между революционерами-венграми и революционерами-румынами была настолько велика, что они никак не могли объединить силы для борьбы со своими общими врагами. Когда же Николае Бэлческу и венгерский революционный лидер Лайош Кошут наконец-то договорились в июне 1849 г. о совместных действиях на основе признания равноправия румын, было уже поздно. В августе 1849 г. венгерская армия сложила оружие перед войсками царской России, вступившими в Трансильванию.

Еще ранее, в сентябре 1848 г., русская армия вошла в Валахию. Правительство России опасалось, что присутствие турецких войск в Бухаресте, подавивших революцию, может вновь привести к усилению турецкого влияния на Балканах, тем более что тексты Органического регламента были сожжены в Бухаресте 6 сентября при большом стечении народа.

Подавление революционного движения в Молдавии и Валахии привело к заключению нового русско-турецкого договора. Балта-Лиманская конвенция 13 апреля 1849 г. была подписана в небольшой деревне близ Стамбула Балта-Лимане сроком на 7 лет. Это соглаше-

ние восстанавливало действие Органического регламента, но в то же время значительно урезало права княжеств. Была отменена система выборов господарей боярами и возродилось их назначение турецким султаном по согласованию с Россией. При этом общие боярские собрания упразднились и заменялись законодательными советами, члены которых назначались господарями. Государственная жизнь княжеств контролировалась турецкими и русскими комиссарами. Оккупация Молдавии и Валахии продолжалась до 1851 г.

В начале 50-х годов XIX в. борьба вокруг Восточного вопроса вновь обострилась. Турция вопреки интересам и воле России дала согласие на вхождение в Дарданеллы англо-французской эскадры. Тогда в июне 1853 г. Николай I ввел русские войска в Молдавию и Валахию. В ответ на это в октябре того же года султан объявил России войну, которая продолжалась до 1856 г. На стороне Турции в составе антирусской коалиции воевали Англия и Франция, а также Сардиния. Их поддерживали Австрия, Пруссия и Швеция – практически вся Европа.

Война носила захватнический характер с каждой из сторон. Однако важно то, что она обнажила социально-экономическую и военно-техническую отсталость самодержавной крепостнической России по сравнению с буржуазными странами Западной Европы. На конгрессе в Париже 18 марта 1856 г. был подписан мирный договор, который подвел неутешительные для России итоги войны.

Российская империя была вынуждена согласиться на нейтрализацию Черного моря с запрещением иметь свои базы и военный флот. Россия также дала согласие на признание коллективного протектората («ручательство» семи держав) над Молдавией, Валахией и Сербией, который заменил существовавший до того русский протекторат. Эти страны оставались в составе Османской империи под суверенитетом султана. Более того, часть Южной Бессарабии была отторгнута от России и присоединена к Молдавскому княжеству «под верховной властью Блистательной Порты». Подписавшие Парижский договор стороны предусмотрели созыв в Дунайских княжествах чрезвычайных законодательных собраний, которые должны были высказать свои предложения о будущем государственном устройстве Молдавии и Валахии.

Вопрос об объединении двух княжеств и создании независимого государства с единым рынком, единым законодательством и единым правительством выдвинулся в центр общественно-политической жизни Дунайских княжеств. За исключением крупного боярства того и другого государства, большинство населения высказывало симпатии объединению и скорейшему его осуществлению. Прежде всего, такое

Рис. 6. Дунайские княжества после Крымской войны и до их соединения

объединение было в интересах нарождающейся национальной румынской буржуазии, а также среднего и мелкого боярства, втянутого в товарно-денежные отношения.

Полная независимость Дунайских княжеств и последующая консолидация румынской нации на основе близкородственных народов (валахов, молдаван, трансильванских олахов, аромун и прочих) в границах единого государства отвечала интересам широких слоев общества. Унионистское движение набирало силу и развернуло широкую пропагандистскую кампанию, направляемую из двух центров — Бухареста и Ясс. Впрочем, унионистские комитеты, собиравшие шумные собрания и митинги, постоянно выступавшие со всевозможными петициями, требованиями и просьбами, умело избегали вопросов, связанных с насущными интересами крестьянства и, прежде всего, с необходимостью аграрной реформы, справедливым перераспределением земли.

Международная обстановка в целом благоприятствовала вспыхнувшему унионистскому движению близкородственных народностей. Резко против объединения выступала султанская Турция при поддержке Австрии и Англии. Россия, наоборот, желая после своего поражения

в Крымской войне ослабить усиление на Балканах Австрии и Турции, поддерживала сторонников объединения. Резкая смена политики на Балканах, которую совершило правительство Николая I, прервав политическую линию, в основание которой еще Петр Великий закладывал борьбу за освобождение единоверных балканских народов, привела к очевидным поражениям петербургской дипломатии в Восточном вопросе. Теперь же русские дипломаты попытались столкнуть своих врагов. Столкнуть бывших союзников по антирусской коалиции времен Крымской войны, чтобы тем самым обеспечить скорейший пересмотр условий Парижского мира, унижительного для России.

Франция, к которой румынские унионисты питали особые симпатии и перед правительством которой всячески заискивали, рассчитывала, что объединенная Румыния не только станет хорошим заслоном Балкан от русского продвижения к проливам, но и доставит в будущем большие беспокойства Австрии. Кроме того, объединение княжеств создавало дополнительные трудности для Англии, которая начинала рассматривать султана как своего ставленника и выступала за «целостность» его империи. Антирусские настроения унионистов, их услужливая готовность прийти на помощь Порте во время Крымской войны и даже требование предоставить им оружие для борьбы против «москалей» должны были убедить правительство Наполеона III Бонапарта в том, что Франция, как заявлял один из унионистских деятелей Ион Брэтиану, получит в объединенных княжествах «все преимущества колониальной державы без связанных с этим затрат».

В конечном итоге 7 августа 1858 г. между европейскими державами была подписана «Конвенция относительно устройства Дунайских княжеств», которая стала компромиссом между непримиримыми противоречиями сильных государств и предусматривала наличие самостоятельных правительств в каждом из княжеств с созданием определенных общих для них органов управления. Предполагаемое государство получало название «Соединенные княжества Молдавия и Валахия». Однако это официальное название не прижилось и осталось только на бумаге. Унионисты, окрыленные успехом, пошли на нарушение данной компромиссной конвенции.

5 января 1859 г. на господарский престол Молдавии был избран активный сторонник объединения, изгнанный за участие в революции 1848 г. из княжества, молдавский боярин, полковник Александр Ион Куза. Менее чем через три недели, 24 января 1859 г., он стал господарем и Валахии, соединив, таким образом, в своем лице, личной уни-

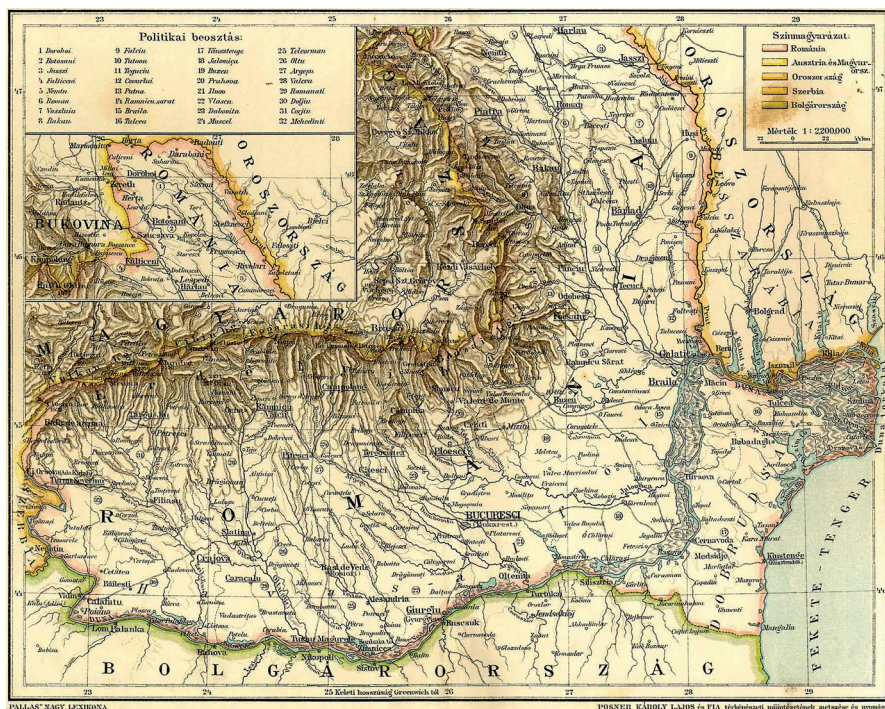

Рис. 7. Карта Соединенных княжеств Молдавии и Валахии

ей оба княжества. Началась бурная деятельность унионистских сил по превращению личной унии в единое румынское государство.

Весной 1859 г. послы европейских держав обсуждали на конференции в Париже вопрос об объединении княжеств. Унионисты явно пошли на нарушение достигнутого компромисса и демонстративно провозгласили не предусмотренное европейскими державами новое государство. Но был ли смысл его так же демонстративно разрушить? Как Россия, так и Франция, Пруссия, Сардиния, а затем и Англия решили признать свершившийся факт двойного избрания Кузы.

В ноябре 1861 г. гарантирующие державы окончательно согласились на объединение княжеств, а в январе 1862 г. было завершено политическое объединение Дунайских княжеств вместе с созывом в Бухаресте единого Национального собрания и создания единого правительства нового государства – Румынии. Но еще за месяц до этих событий Александр Куза обратился с воззванием «к вновь образованной нации», в котором провозгласил: «Объединение исполнилось, румын-

ская нация основана». С политической карты мира исчезли названия «Молдавия» и «Валахия», появилось новое государство – Румыния, столицей которого стала столица бывшей Валахии город Бухарест.

Окончательное признание полной независимости Румыния получила только после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Берлинский конгресс 1878 г. передал в состав Румынии Северную Добруджу с черноморским портом Констанца, а Южная Бессарабия была возвращена России. С 1881 г. Румыния провозгласила себя королевством. Ее границы включали в себя Запрутскую Молдову (основную часть бывшего Молдавского княжества), Валахию, Добруджу. Они проходили на востоке по Пруту и Дунаю, на юге – по Дунаю, на западе – в Восточном Банате в Карпатах, на севере – по Карпатским горам до верховьев Прута. Господарем объединенного княжества был выходец из католической династии Гогенцоллернов-Зигмаригенов Карл, который в 1881 г. стал первым королем независимого Королевства Румыния.

Рис. 8. Исторические области Румынии, Молдавии, Украины

Объединение Молдавии и Валахии в единое Румынское государство сыграло решающую роль в исторических судьбах запрутских молда-

ван. Создание и развитие общего законодательства, одного правительства, формирование единого рынка, единой национальной культуры на протяжении многих десятилетий капиталистического развития страны вело к консолидации румынской буржуазной нации, которая основывалась на взаимовлиянии и взаимодействии валахов и молдаван, а впоследствии и трансильванских румын.

После образования Румынии молдавская национальная культура стала постепенно терять в этом конгломерате свою оригинальность и самостоятельность, сливаясь с валашской и образуя новую культуру румынской нации. Конечно, этот процесс не был одномоментным, и в течение еще долгого времени она продолжала сохранять отдельные самобытные черты. Поэтому ряд писателей, поэтов, деятелей культуры, проживавших по разные стороны Прута, являются классиками как молдавской, так и румынской культуры (М. Еминеску, Г. Асаки, А. Руссо, В. Александри, К. Негруци, И. Крянгэ, М. Когэлничану и др.).

Однако ареал формирования молдавской буржуазной нации во второй половине XIX в. сузился до пределов Бессарабии и Приднестровья, ибо за Прутом в это время шли процессы консолидации румынской нации. Духовная среда в Румынии все более и более отличалась от той атмосферы, в которой происходила консолидация молдавской нации в составе России. И если патриотическое, а подчас и экзальтированно шовинистическое самосознание основывалось в Румынии на культивации антиславянских, антирусских настроений, то формирующееся молдавское самосознание, сохраняя свою самобытность, приобщалось к ценностям мировой цивилизации под серьезным воздействием передовой русской культуры.

Коренные молдаване, которые во второй половине XIX в. волею судеб оказывались в Румынии, к своему большому удивлению, обнаруживали, что они попали в совершенно чуждую им культурно-этническую среду. Один из политических деятелей Бессарабии, революционер-народник, выходец из молдавских бояр Замфир Арбуре, бежавший от преследований самодержавия в Румынию, писал после нескольких лет жизни в Бухаресте: «Проживая в румынском обществе, я одинок и никак не могу влиться в него... дружеские связи меня ни с кем не связывают... В Бессарабии и России окружение было совсем иным. Там для нас, молодежи, существовали общие проблемы и общие духовные интересы». Духовная атмосфера молдавского образованного общества все больше и больше расходилась и отдалялась от духовной атмосферы румынского.

Особую роль в консолидации румынской нации стали играть «латинисты», «итальянисты», «пуристы» и многие другие «очистители» румынского языка и культуры, которые навязчиво убеждали всех и каждого в том, что они являются прямыми и непосредственными потомками якобы античных римлян. Закладывая в себе и других основы особого румынского национализма (румынизма), они избрала в качестве идеологического и политического средства самоутверждения патологические формы русофобии и славянофобии в целом. Считая общенародный молдавский и отчасти валашский языки «испорченными», они начали массированную кампанию за «очищение» языка от славянских слов, пытаясь втиснуть живой язык в соответствующие первоосновы и формы мертвого латинского языка, придавая даже исконно молдавским словам формы, присущие законам итальянского языка. Они потребовали перевести румынский язык с кириллической графики, на которой в течение многих сотен лет существовали и развивались как молдавский, так и валашский языки, на графику латинскую.

Проблема состояла в том, что в латинском алфавите отсутствовали знаки для передачи многочисленных фонем, которые были издавна присущи молдавскому языку и являлись совершенно чуждыми латинской графике (например, ь, ы, ч, щ и др.). Это вызвало многочисленные трудности, когда в феврале 1860 г. румынский язык был в приказном порядке переведен на латинскую графику и латинизация перестала быть одним из течений общественно-просветительской мысли, получив статус официозной доктрины, краеугольного камня внутренней и даже внешней политики государства.

Сущностью этой политики стали насилие, агрессивность, а господствующим – антирусский, антивенгерский, антиеврейский смысл. В общественной, политической и, тем более, в государственной жизни термины «румын», «румыны», «румынский» очень быстро вытеснили этнонимы «молдаванин», «молдаване», глотоним «молдавский язык». Даже в среде многих запрутских молдаван этот агрессивный румынский национализм как инструмент политического давления вызвал неудовольствие и протесты.

Классик молдавской литературы Алеку Руссо, отмечая нарастающее обесценивание всего молдавского национального (в языке, обычаях, одежде и т.д.), грустно заметил, что меняется и имя народа: «Мы уже не молдаване, а румыны». Подвергая жестокой и уничтожающей критике абсурдные идеи латинизаторов языка, А. Руссо сравнивает их с необъезженными лошадьми: им чужды логика и естественный ход развития языка, они в погоне за редкими словами вносят в язык напы-

ценные фразы, пустословие, они готовы исписать целые тома, чтобы откопать какое-либо правило латинской грамматики и затем внедрить его в родной язык, обязывая людей не говорить более «татэ» (отец), а только “pater”, да и вообще готовы уничтожить весь мир лишь только потому, что он не понимает «красоты» и «патриотизма» их новых лингвистических теорий.

Под агрессивным натиском воинствующего румынизма язык за-прутских молдаван приобретал все больше и больше черт, отличающих его от языка молдаван бессарабских и приднестровских. Уже в конце XIX в. это различие отчетливо видели представители молдавской интеллигенции формирующейся в пределах России нации. Истинные патриоты молдавской культуры, носители молдавского языка и молдавского менталитета, наблюдая за разрушением за Прутом молдавского самосознания ради формирования румынского, приходили к выводу, что лишь Россия гарантирует молдаванам самосохранение. В союзе или в составе православной братской России молдаване имеют единственный шанс сохранить себя как нацию, сохранить свою культуру и свой язык.

Один из этих людей, известный молдавский писатель и публицист Алексей Матеевич, отмечал: «Присоединение Бессарабии к России оказалось спасительным актом как для молдавского языка, так и для молдавского богослужения. К началу девятнадцатого века за Прутом началось «пробуждение национального самосознания», которое, неся на своем знамени ту идею, что румыны являются потомками римлян и преемниками их доблести, – приняло, благодаря увлечению этой идеей, крайне странные выражения, приведшие в конце концов к уничтожению национальных особенностей жизни и языка. Стремясь создать из румынского какой-то новолатинский язык, латинизаторы беспощадно выбрасывали из него все веками укоренившиеся и получившие право гражданства славянские и греческие элементы, заменяя их латинскими, а в случае невозможности – итальянскими и, в особенности, французскими». Далее Матеевич заключил: «И причиной этому были сами румыны, которые в своем неразумном увлечении националистической идеей из области влияний, сослуживших языку службу, попали в сферу ими же созданного латинизаторского течения, подписавшего ему смертный приговор. От этой традиции национального быта и богослужения Бессарабия была избавлена Россией, к которой она перешла в 1812 году». А. Матеевич специально подчеркивает: «Понятно, что за Прутом (т.е. в Румынии. – *авт.*) не могло быть такой устойчивости в

отстаивании национальных основ, а с ними и языка, какую мы замечаем в Бессарабии...».

Таким образом, уже к концу XIX в. разделение исторических судеб некогда единой феодальной народности – молдаван – воспринималось обществом и его лучшими представителями как закономерная данность исторической судьбы. Запрутские молдаване влились в состав румынской нации и стали одним из важнейших образующих ее компонентов в единой стране – Румынии. И это несмотря на то, что отдельные представители запрутских молдаван до сих пор, даже в начале XXI в., предпочитают называть себя не румынами, а молдаванами.

Но главное состоит в том, что молдаване Бессарабии и Приднестровья в составе России, не имея почти никаких связей с Румынией, никак не могли стать частью создаваемой в Румынии нации. Эти молдаване формировали свою, не зависимую от румын, молдавскую нацию в своеобразных условиях российской многонациональной империи. Здесь они консолидировались в оригинальный и самобытный молдавский этнос. Этот факт никак не может быть опровергнут тем, что отдельные представители этого этноса предпочитали когда-то или предпочитают сейчас называть себя не молдаванами, а румынами.

Национальная самоидентификация человека имеет сугубо индивидуальный характер и многоуровневую структуру. Нет ничего необычного, если один и тот же человек считает себя русским, славянином, донским казаком одновременно. А другой человек также считает себя славянином, но украинцем и, скажем, гуцулом или одесситом. Так же и молдаванин может одновременно чувствовать свою принадлежность к молдавскому субэтносу Левобережья Днестра, к молдавской нации как таковой, и к восточно-романскому суперэтносу, который в быту часто именуется «румынским».

Иерархическое построение этнического самосознания – явление распространенное и, можно сказать, обычное в современном цивилизованном обществе. Проблемы возникают лишь там, где появляются попытки возвысить, или, наоборот, принизить какой-либо из существующих этносов, суперэтносов или субэтносов (а могут быть еще и субсубэтносы – на уровне жителя Молдаванки, Черноморки или Пересыпи в Одессе; Рышкановки, Боюкан, Ботаники в Кишиневе и т.д.). Эти проблемы при попытках насильственного изменения или принижения этнической идентификации человека, казалось бы, такие далекие от насущных потребностей сиюминутного существования, могут восприниматься очень болезненно и даже высекать искры гражданских конфликтов и войн.

Рис. 9. Провинции Румынского королевства в 30-е гг. XX в.

Трагедия исторического пути молдаван в XX в. во многом определялась тем, что власти несколько раз пытались насильно лишить этот народ национального самосознания, переделать его на самосознание румынское. Трагедия других этносов этого многонационального региона состояла в том, что власти считали их здесь «пришельцами», «оккупантами», «мигрантами» и «чужаками». Этих людей не считали полноправными гражданами земли, на которой они родились, на которой жили, работали, растили своих детей. Их изгоняли с этой земли, а подчас собирали в гетто и концлагеря, массово уничтожали. Их имущество, как и все богатства края, разграблялось и вывозилось оккупантами.

Как это происходило, кто организовывал эти ужасающие преступления, кто руководил ими, мы выясним в ходе дальнейшего изложения.

ИВАН (ИОН) КОНСТАНТИНОВИЧ ИНКУЛЕЦ (21 ноября 1917 г. – 2 апреля 1918 г.)

Рис. 10. И.К. Инкулец

Вступление в августе 1916 г. королевской Румынии в войну на стороне Антанты почти сразу привело к поражению ее армии в ходе двухнедельных боев и оккупации большей части страны немецкими и австро-венгерскими войсками. Возникла опасность полного разгрома и потери Румынией своей государственности. Это вынудило Россию остановить успешное наступление в Карпатах (Брусиловский прорыв) и развернуть Румынский фронт, который вскоре включил в свой состав более 1,1 млн солдат и офицеров.

Бессарабия оказалась непосредственно в прифронтовой зоне и была наводнена солдатами, матросами и рабочими из

разных районов державы, уставшими от войны и настроенными против буржуазных властей. Они мечтали о скорейшем свержении власти «буржуев» и устранении всех бедствий и несчастий своего тяжелого существования. Да и экономическое положение местного населения постоянно ухудшалось.

Мобилизация в армию трудоспособных мужчин оставила многие семьи в Бессарабии без кормильцев. К тому же в массовом порядке проводились реквизиции скота, лошадей. Гражданское население насильно выводилось на оборонные работы. В результате пахотная земля оставалась необработанной. Бремя войны ложилось на плечи всех слоев населения, в городах и селах ощущался острый недостаток продуктов и товаров первой необходимости: хлеб, сахар, керосин, спички, мыло, дрова – все было в дефиците. Конечно, это порождало всеобщее недовольство гражданского населения края. В условиях прифронтовой зоны оно даже выливалось в открытый протест против политики правительства в виде экономических стачек рабочих в городах и крестьянских волнений в деревне.

В этой ситуации новый импульс получила революционно-освободительная борьба трудящихся масс края, молдавское национально-освободительное движение. Ведь власти не спешили удовлетворить ожидания широких слоев населения в решении и национального вопроса. В декрете Временного правительства от 20 марта 1917 г. провозглашалось равенство всех граждан страны независимо от национальной принадлежности. А вопросы открытия национальных школ, развития языка и культуры оставались все на том же уровне, что и при старом режиме. Никак не решались власти и открыто обсуждать право народов на самоопределение, приступить к созданию национально-территориальных образований различных этносов среди населения России. По словам В.И. Ленина, Временное буржуазное правительство в национальном вопросе продолжало «ту же самую политику», что и царизм, только «более тонко, более прикрито».

Вместе с тем национально-освободительное движение в крае оказалось под неусыпным влиянием секретных служб соседней страны. Ведь в этом движении принимали участие представители рабочих и крестьян (через Советы рабочих и крестьянских депутатов), демократической интеллигенции, студенчества, солдат и офицеров-молдаван местных гарнизонов и частей Румынского фронта. А потому агенты Румынии попытались возглавить это движение и направить его в нужное им русло.

Эти попытки имели свою предысторию. Румыны еще в годы Первой русской революции пытались создать в Бессарабии сепаратистскую партию, которая должна была бы пропагандировать в народе идеи ее выхода из России и включения края в состав королевской Румынии. Для реализации этой цели в Бессарабию тогда прибыл бывший народник, уроженец края Константин Стере, румынский писатель и политический деятель (о нем мы поговорим позже). Его затея с изданием в Кишиневе газеты на румынском языке провалилась: ее никто не покупал и не читал. Провалились и попытки разжечь среди молдаван антирусские настроения. Тем не менее Стере сумел завербовать несколько местных уроженцев, чтобы воспитать из них перспективных агентов. Среди них был и Ион Инкулец.

Инкулец родился в селе Резены Кишиневского уезда в семье зажиточных крестьян Константина Георгиевича и Марии Николаевны Инкулец в 1884 г. К началу Первой русской революции закончил Кишиневскую духовную семинарию и стал сотрудником принадлежащей К. Стере газеты «Basarabia». Затем уехал учиться медицине в Импера-

торский Юрьевский университет в Дерпте (ныне Тартуский университет в Эстонии), один из старейших университетов в России.

Однако, как выяснилось, медицина не привлекала молдавского студента, и он переезжает в столицу империи, где поступает в Санкт-Петербургский университет, на физико-математический факультет. Продолжая свою осторожную политическую деятельность, И.К. Инкулец собирает единомышленников из уроженцев края и создает в Петербурге бессарабское землячество. В 1915 г. он заканчивает учебу в университете и поступает работать в метеорологическую обсерваторию. Затем преподает астрономию и математику в частных школах, становится приват-доцентом Петербургского университета.

Рис. 11. Императорский Дерптский университет

Отречение царя от престола и крутые революционные перемены в столице вовлекли преподавателя из Бессарабии в бурную политическую жизнь. Вскоре после Февральской буржуазно-демократической революции он вместе с П.Е. Ерханом и другими единомышленниками создает Общество петроградских бессарабцев, которое проповедовало идеи создания Российской Федеративной Демократической Республики, в состав которой должна была входить и Бессарабия. Как член Партии социалистов-революционеров (эсеров), Инкулец становится проповедником левых идей справедливого распределения зем-

ли между крестьянами, избирается депутатом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, сближается с А.Ф. Керенским. Тогда, в самом начале Февральской революции, Керенский состоял в руководстве Петросовета и одновременно как депутат Государственной думы создавал Временное правительство в качестве министра юстиции, военного и морского министра.

С одобрения Временного правительства России И.К. Инкулец возглавил группу пропагандистов в составе 40 человек, которая выехала из Петрограда и прибыла в Бессарабию в начале июня 1917 г., чтобы проводить работу по «углублению революции». Для осуществления своих целей члены этой группы разъехались по всему краю. К этому времени в Бессарабии развертывала свою деятельность Молдавская национальная партия, в программе которой фигурировал основной вопрос о территориальной автономии Бессарабии. То, что автономия Бессарабии предполагает ее последующий отрыв от Российской республики и присоединение к Румынии, тщательно маскировалось и завушевывалось руководством МНП.

Несколько слов об истории Молдавской национальной партии. После Февральской революции, в марте 1917 года, в Кишинев прибыл новый резидент румынской секретной службы – Онисифор Гибу. Опираясь на агентуру Стере и располагая средствами, он учредил МНП, чтобы от ее имени попытаться инициировать движение за автономию Бессарабии. В начале апреля 1917 г. группа интеллигентов и крупных земельных собственников (В. Строеску, Н. Горе, В. Херца, П. Халиппа, Г. Пынтя, П. Казаку, И. Пеливан и др.) объявили о создании МНП. Ее программа была опубликована в газете «Кувынт молдовенеск» от 9 апреля 1917 г. Секретарем партии и редактором газеты стал П. Халиппа.

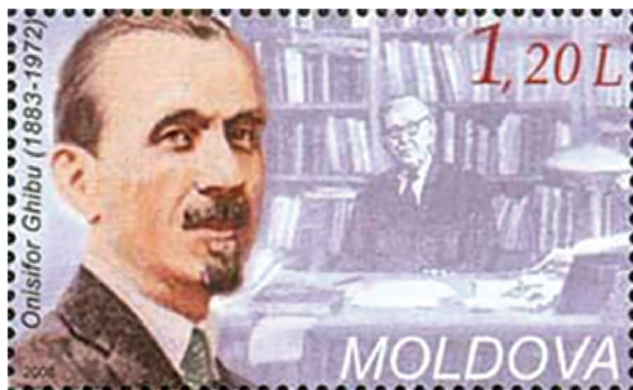

Рис. 12. Почтовая марка в честь О. Гибу

В программе этой партии провозглашалось, что Молдавская национальная партия пойдет по пути «завоевания гражданских и национальных прав для молдаван Бессарабии и за Днестром», будет бороться за свободу слова, печати, избирательные права граждан, за широкую административную и экономическую автономию Бессарабии, оставаясь «и в будущем связанной с Россией законами общегосударственного характера». Программа предусматривала также, что все законы об организации внутренней жизни должны составляться провинциальными властями «в соответствии со старыми обычаями». В органах местного самоуправления и судах должны быть представлены служащие – выходцы из основного народа (этнические молдаване) и выполнять свои функции на языке этого народа (молдавском). В программе Молдавской национальной партии нашли отражение и утверждения о создании молдавских военных формирований (когорт), о прохождении службы только на территории Бессарабии, о запрещении колонизации бессарабской территории инородцами, о наделении малоземельных и безземельных крестьян землей, без конкретизации, каким образом и за счет кого. Отмечалось также, что заднестровские молдаване будут пользоваться культурными, церковными, политическими и экономическими правами наравне с жителями Бессарабии.

Практическая деятельность Молдавской национальной партии по осуществлению своей программы на протяжении 1917 – начала 1918 гг. сводилась лишь к разжиганию национальной розни в молдавском национальном движении, пропаганде национальной исключительности и носила ярко выраженный националистический характер. Лидеры этой партии неоднократно заявляли о стремлении к созданию молдавской государственности. На деле же многие из них были настроены прорумынски. Они сознательно и обдуманно ставили своей конечной целью не создание молдавской государственности, а объединение Бессарабии с Румынией.

Поначалу лидеры молдавского национального движения попытались привлечь на свою сторону Инкульца и других руководителей петроградской группы, эmissаров Керенского. Однако последние заявили, что они «приехали в Бессарабию не для борьбы за автономию, а для углубления революции». Со временем, однако, И. Инкулец и другие «агитаторы», не имея связи с Петроградом, изменили свое отношение к сепаратистскому движению. Падение Временного правительства и большевистский переворот в центре убеждают Инкульца в необходимости взятия власти в Кишиневе для поддержки Временного правительства и недопущения большевизации края.

Вместе с тем в Бессарабии к этому времени развивалось революционное движение трудового населения, солдат и учащейся молодежи под непосредственным влиянием победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Весть об установлении Советской власти и образовании Советского правительства – Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным – трудящимися Бессарабии была встречена с радостью. В городах края проходили митинги и собрания рабочих, на которых восторженно одобрялись декреты II Всероссийского съезда Советов. 29 октября 1917 г. состоялись митинги рабочих железнодорожных станций Ларга и Бессарабка совместно с революционными солдатами, 6 ноября – в Бельцах и других местах края. В принятых резолюциях выражались требования «немедленной передачи власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», установления «рабочего контроля над производством и распределением...», «безвозмездной передачи земли земельным комитетам», организации вооруженного сопротивления врагам революции. На II губернском съезде партии эсеров 18 ноября представитель этой партии из Бендер отмечал, что в городе «заметно сильное влияние большевиков, особенно среди железнодорожников и воинских частей».

Большой размах приобрело крестьянское движение за проведение в жизнь «Декрета о земле». Крестьяне повсеместно захватывали помещичьи земли, брали на учет инвентарь, скот, помещичье имущество, устанавливали народный контроль над имениями, лесами, мельницами. Конфискация земель и раздел ее между крестьянами в ноябре 1917 г. имели место в десятках сел Бендерского, Измаильского уездов.

Но были и трудности в углублении революционного движения, связанные с тем, что в руководстве Советов преобладали меньшевики, эсеры, бундовцы. Их партии были категорически против углубления революции и захвата всей власти в центре и на местах вооруженным народом. Отсутствовала губернская большевистская организация, которая могла бы координировать деятельность созданных большевистских организаций в Измаиле, Унгенах, Окнице, Ларге, Бричанах и ряде армейских частей на территории края. Не было самостоятельной большевистской организации и в Кишиневе – губернском центре. Однако страх перед «большевизмом», перед утверждением народовластия застилал глаза имущим слоям.

В 20-х числах октября 1917 г. лидеры МНП созывают в Кишиневе военно-молдавский съезд, на который сами же выбирают делегатов из числа военных и националистически настроенных своих единомышленников. И. Инкулец, как и его соратники П. Халиппа, И. Пеливан,

контрреволюционное офицерство Румынского фронта, демонстрируют на съезде яркую ненависть к петроградскому перевороту, выступают против установления мира и даже против передачи земли крестьянам. Для поддержки Временного правительства они решили создать нечто вроде парламента под названием «Сфатул цэрий», который должен был взять власть в свои руки, что вполне согласовывалось с планами Румынии по захвату края и нанесению удара ножом в спину революционной России, своему союзнику по Антанте и спасителю румынской государственности от ее полного разгрома немцами.

Председателем «Сфатул цэрий» стал И.К. Инкулец. Он же вместе с другими «вождями» МНП П. Халиппой, П. Ерханом, И. Буздуганом и Т. Ионку вошел в специальную комиссию по подбору членов этого органа из числа наиболее «надежных» людей. Список был составлен к 20 ноября 1917 г., когда большинство местных советов Молдавии уже признали власть Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным. Создалась угроза, что группа самозванных вершителей судеб края и политических интриганов останется вообще не у дел и о ней просто все позабудут. Как признался потом сам Инкулец, «если бы не выступления большевиков, с открытием «Сфатул цэрий» не спешили бы»...

Рис. 13. Здание 3-й мужской гимназии в Кишиневе, где заседал «Сфатул цэрий»

Поскольку на 22 ноября было назначено заседание Кишиневского совета рабочих депутатов с намечаемым признанием законности решений Второго съезда Советов в Петрограде и переходом всей полноты власти в крае к местным Советам, первое заседание «Сфатул цэрий» националисты созвали 21 ноября 1917 г. Правда, в спешке им не удалось наскрести и двух третей всех назначенных ими самими «депутатов». Тем не менее они приняли обращение к молдавскому народу и всем народам Бессарабии, в котором объявили, что «Сфатул цэрий» является правомочной властью в крае. Таким образом, Инкулец стал правителем молдавского народа, сам себя объявив таковым. Правда, высшим законодательным органом было объявлено будущее Учредительное собрание, которое будет избрано равным, прямым и тайным голосованием. А до тех пор в крае действуют законы и власть Временного правительства, хотя к тому времени уже не существовавшего.

Поведение И. Инкульца после избрания его председателем «Сфатул цэрий» – с ноября 1917 г. до апреля 1918 г. – было противоречивым, зачастую просто двуличным. Как представитель крестьянской партии социалистов-революционеров он мог бы бросить все свои силы на превращение в жизнь эсеровской аграрной программы (взятой, кстати, большевиками на вооружение), обеспечить землей всех, кто ее обрабатывает. Но как политик, волею случая внезапно оказавшийся у власти, он был озабочен другими проблемами – остановить революцию, подавить «анархию».

Рис. 14. Флаг «Сфатул цэрий»

В такой сложной для Бессарабии обстановке Инкулец стремился укрепить власть «Сфатул цэрий». В этих целях он даже взял на вооружение некоторые большевистские установки, несмотря на все свое неприятие большевизма как идеологии и политики. Используя принцип права нации на самоопределение, провозглашенный Октябрьской революцией, 2 декабря 1917 г. «Сфатул цэрий» объявил о создании Молдавской Демократической Республики (МДР). В принятой по этому поводу декларации отмечалось, что Молдавская Демократическая Республика входит в состав единой Российской Демократической Республики. Специальным заявлением подчеркивалось, что Молдавская Демократическая Республика остается в составе Российского государства. В Декларации провозглашались самые широкие обещания для народа, которыми тогда жило и дышало все общество. Они, кстати, полностью вписывались в те цели, которые объявлялись и большевиками:

- передать всю землю крестьянам бесплатно;
- установить на предприятиях 8-часовой рабочий день;
- установить контроль над производством и распределением товаров;
- провести честные демократические выборы в местные органы самоуправления;
- предоставить гражданам свободу слова, печати, совести, союзов, собраний;
- гарантировать неприкосновенность личности и жилища;
- отменить смертную казнь, учредить независимый, равный и гласный для всех суд;
- провести в жизнь принципы равноправия наций для всех жителей республики.

Эти и другие основы построения новой молдавской государственности, будь они осуществлены на деле, могли бы навсегда обессмертить имя И.К. Инкульца в истории. Но этого не случилось. Почему?

С провозглашением Молдавской Демократической Республики исчезло понятие Бессарабская губерния. Но республика создавалась как автономная составная часть Российской Демократической Республики – это судьбоносная веха в истории молдавского народа. К этому акту молдавский народ во главе со своими прогрессивными национальными силами прошел путь от 1812 до 1917 г. Тем более, что Молдавская Демократическая Республика была признана правительством Российской Советской Федеративной Республики – Советом Народных Комиссаров и Петроградским советом после официальной телеграммы в столицу депутатов «Сфатул цэрий» и гарантий Кишиневского совета о признании Декретов СНК.

7 декабря 1917 г. «Сфатул цэрий» образовал правительство республики – Совет генеральных директоров в составе 9 директоратов: внутренних дел (директор В. Кристя), иностранных дел (директор И. Пеливан), военных и морских дел (директор Ф. Кожокарь), юстиции (директор Ю. Савенко), путей сообщения, почты, телеграфа, телефона (директор Н. Босие-Кодряну), народного образования (директор Шт. Чобану), финансов (директор Ф. Ионко), промышленности, торговли и труда (директор В. Гринфельд). Премьером правительства и директором земледелия был назначен П. Ерхан.

Такой состав правительства МДР отражал расклад социально-политических сил в самом «Сфатул цэрий», но отнюдь не чаяния трудящихся масс. Большинство членов Совета генеральных директоров (СГД) были от «Молдавского блока», в который входили все политические группы, чьи интересы сводились к немедленному объединению с Румынией. Крестьянская фракция и социалисты-революционеры (эсеры) – вторая по величине представительства в «Сфатул цэрий» группа, которая занимала более умеренную позицию в вопросе объединения с королевской Румынией, была представлена лишь двумя директорами. От фракции национальных меньшинств было также два директора (глава правых меньшевиков Гринфельд и украинский националист Савенко).

В середине февраля 1918 г. СГД был переименован в Совет Министров, а соответствующие директораты – в министерства. Итак, вторым человеком в руководстве МДР, председателем ее правительства стал Пантелеймон Васильевич Ерхан, уроженец села Танатары Бендерского уезда.

Его политический портрет носит, как и у И.К. Инкульца, противоречивый характер. Он окончил Кишиневскую духовную семинарию, затем – филологический факультет Петроградского университета. Февральская буржуазно-демократическая революция застала его в Петрограде, где будущий премьер-министр работал в первой мужской гимназии преподавателем до мая 1917 г. Член партии эсеров, он стоял на платформе крестьянской идеологии, выступал в защиту интересов средних и зажиточных слоев крестьянства, был против сохранения крупного помещичьего землевладения. В июне 1917 г. вместе с И. Инкульцом и группой бессарабцев (40 человек) возвратился в Кишинев.

Оказавшись в Бессарабии, Ерхан, как и Инкулец, включился в политическую деятельность, избирался председателем исполкома губернского Совета крестьянских депутатов от партии эсеров, членом губернской земской управы. Он разделял интересы молдавского на-

Рис. 15. П.В. Ерхан

ционального движения и в то же время не мог оторваться от российской действительности, совершенно правильно считая, что лишь в союзе с революционными силами России молдавская государственность может иметь перспективы своего исторического развития.

В первое время после возвращения из Петрограда в Кишинев Ерхан стоял на позициях автономии Бессарабии в составе Российской Федеративной Республики и считал, что судьбу Бессарабии должно решать Учредительное собрание. В начале октября 1917 г. по инициативе П. Ерхана был созван губернский крестьянский

съезд, на котором он выдвинул идею создания «Сфатул цэрий», однако делегаты-крестьяне отвергли это предложение и потребовали рассмотреть в первую очередь вопрос о земле. Крестьяне – люди практичные, их мало интересовали политические интриги действующих политиков.

Членом «Сфатул цэрий» П. Ерхан стал по списку от губернского Совета крестьянских депутатов. При открытии 21 ноября 1917 г. «Сфатул цэрий» он сделал заявление о том, что «Совет бессарабских крестьян дал ему наказ представлять интересы этого несчастного класса» и что «крестьяне за русскую федеративную республику и за скорейшее заключение длительного и честного мира», т.е. за окончание войны. В «Сфатул цэрий» П. Ерхан примкнул к крестьянской фракции, от которой и вошел в состав Совета генеральных директоров.

Однако в силу проявившихся то тут, то там прорумынских поползновений ни МНП, ни созданный этой партией «Сфатул цэрий» не имели никакой серьезной поддержки среди молдаван, а тем более, среди многонационального народа Бессарабии. Об этом свидетельствуют результаты выборов в Учредительное собрание, которые проводились в ноябре 1917 г. В Кишиневе, например, за список Молдавской национальной партии было отдано 400 голосов, тогда как большевики получили в 14 раз больше – 5500 голосов. В некоторых городах и селах

Бессарабии за националистов не было подано вообще ни одного голоса, несмотря на внушительные суммы, которые они получали на агитацию из-за Прута.

К этому времени радикально изменилась обстановка на Румынском фронте и в прифронтовой полосе. 28 ноября 1917 г. в Париже на секретном заседании Верховного Совета Антанты было принято новое официальное решение об организации военной интервенции в Россию. 10 декабря 1917 г. Франция и Англия договорились о разделе «сфер влияния» в России. Бессарабия, как и Украина, и Крым, попали во французскую зону. Антанта решила объединить калединскую контрреволюцию на Дону, Центральную Раду на Украине, антисоветски настроенного генерала Д.Г. Щербачева на Румынском фронте и, конечно, королевскую Румынию в единый кулак для расчленения революционной России.

Таким образом, первоначальные планы антисоветской интервенции у Антанты были связаны с Бессарабией, которую она рассчитывала превратить в плацдарм для наступления на Россию. Для этого, заключив в Фокшанах 26 ноября 1917 г. перемирие с австро-германским блоком, румынские войска при содействии генерала Щербачева совершили 4–9 декабря 1917 г. контрреволюционный переворот в русских войсках Румынского фронта, разгромив солдатские Советы и комитеты. Настала очередь навести «порядок» и в Бессарабии. Попытки союзников переправить через ее территорию военное снаряжение на Дон были решительно пресечены местными революционными силами. Невозможной оказалась и переброска на Дон румынской армии, как это предусматривалось планами Антанты. И тогда «союзники» по Антанте принимают решение об интервенции румынских войск в Бессарабию.

Русские солдаты Румынского фронта не могли остановить нашествие захватчиков: их действия были парализованы командованием. Подавляя революционные настроения и большевистские симпатии в среде солдат Румынского фронта, Щербачев позволил войскам Центральной Рады захватить все русские штабы фронта, а румынам – свободно и безнаказанно разоружить русскую армию, фактически ограбить ее. Без оружия, без еды и обмундирования солдаты вынуждены были морозной зимой возвращаться на родину пешком, испытывая голод, холод, лишения, издевательства местных властей. Специальным постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР генерал Щербачев за свое предательство был объявлен «врагом народа» и поставлен вне закона. Иначе расценили его действия враги Советской России:

Рис. 16. Заместитель
командующего Румынским фронтом
генерал Д.Г. Щербачев

румынский король подарил ему имение в Румынии, а французы наградили большим крестом Ордена Почетного легиона. Но главное, теперь ничто не сдерживало румынскую агрессию в Бессарабии, кроме самих бессарабцев.

В начале декабря 1917 г., не дожидаясь приглашения, под предлогом закупки продовольствия подразделения румынской армии перешли Прут, заняли местечко Леоово и несколько приграничных сел. Однако по поводу незаконного вторжения последовал протест Советского правительства и решительный отпор революционных частей. Постепенно власть концентрировалась в руках Советов. Не имея достаточно сил и сторонников, руководство Совета генеральных директоров активизировало контакты с румынским правительством, украинской

Центральной Радой, командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым с целью получить их военную поддержку.

Главной задачей своего правительства Инкулец объявляет мобилизацию всех военно-политических сил на борьбу против установления в крае Советской власти, подавление революционных выступлений крестьянства за справедливое решение аграрного вопроса. Таким образом, как показали дальнейшие события, все широкообещательные обещания, данные в декларации при создании МДР, остались на бумаге. Самопровозглашенное правительство меньше всего заботилось о выполнении своих планов и обещаний по социально-экономическим, правовым и другим преобразованиям в пользу трудового народа. Не случайно, выступая 6 декабря в «Сфатул цэрий», И. Инкулец заявил: «Волна анархии заставила нас объявить республику...» с надеждой на то, что «правительство республики... поведет народ к успокоению и порядку». И «успокоение» это основывалось лишь на силе румынских штыков, как показали последующие события.

В середине декабря 1917 г. Совет генеральных директоров объявил свою программу в виде обращения «Ко всем гражданам Молдавской республики», в которой указывалось, что СГД облачается властью, с подчинением ему государственных и частных учреждений республики. Документ обозначил намерения правительства привести «в порядок все стороны жизни края, устранить анархию». Не менее откровенно обозначил свои планы и председатель СГД Ерхан. 13 декабря на заседании «Сфатул цэрий» он заявил, что в республике нет твердой власти, городское и сельское население отказывается выполнять приказы и указания правительства, а действия уездных комиссаров не дают эффективных результатов. В связи с этим он потребовал «твердой власти, опирающейся на вооруженную силу».

Для достижения этих целей правительство Ерхана направило свои усилия на формирование «национальных вооруженных сил» как атрибута государственности, а главное – для подавления нарастающего революционного движения в крае. К концу декабря 1917 г. в Кишиневе были созданы несколько воинских подразделений из солдат-молдаван, прибывших из Херсона, а также молдавский артиллерийский дивизион в Бендерах. Из состава местного гарнизона в Бельцах были образованы 8 молдавских рот.

Однако наспех сколоченные «национальные» воинские подразделения не оправдали расчеты молдавских правителей. В деревнях продолжались крестьянские волнения, захват помещичьих земель, разгром имений. Солдаты отдельных молдавских воинских частей отказывались участвовать в подавлении аграрного движения. Сам генеральный директор по военным делам Г. Пынтя (на этом посту он был с 15 декабря) вынужден был признать, что «молдавское население, и в особенности солдаты-молдаване, были возбуждены и разгневаны тем, что придут румыны, чтобы отобрать у них землю, добытую в результате революции, и свободы, завоеванные после всех страданий».

Ссылаясь на то, что «анархия» приняла чудовищные размеры и подавить ее местными силами невозможно, П. Ерхан на одном из заседаний «Сфатул цэрий» потребовал от этого органа согласия на ввод иностранных войск, а СГД должен был получить широкие полномочия на этот счет. От Инкульца согласие последовало незамедлительно. Однако правительство собиралось с силами несколько дней подряд. Директора от «Молдавского блока» настаивали на том, чтобы призвать румынские войска, но они встретили резкие возражения со стороны представителей крестьянской фракции. В конечном счете, не было принято никакого решения.

Тогда в секретном порядке за подписью П. Ерхана, В. Кристи, И. Пеливана 22 декабря 1917 г. на имя военного министра Румынии была послана телеграмма с просьбой распорядиться «о присылке в Кишинев как можно скорее полка трансильванцев». Они настаивали, чтобы этот полк находился в «распоряжении Совета генеральных директоров». Интересно, что на закрытом заседании «Сфатул цэрий» Ерхан заявил: «Опирайтесь на молдавские части, которые у нас есть, мы не можем: они большевизированы. Единственный выход – ввод иностранных войск». Но удержать втайне закулисную подготовку оккупации не удалось. Скандал разразился неожиданно.

Публикация текста этой секретной телеграммы руководству Румынии подняла в народе волну негодования и ненависти к «Сфатул цэрий». Члены правительства – представители «Молдавского блока» – подали в отставку. Отбиваясь от обвинений в национальной измене, И. Инкулец выступил 24 декабря с публичными заверениями, что «большинство членов «Сфатул цэрий» стоят за единство с Российской Федеративной республикой», а «свои взгляды за Прут направляет только кучка людей». «Надеемся, – заверил он, – что «Сфатул цэрий» удастся защитить Бессарабию от поползновений со стороны Румынии». Это был ловкий ход. Только так правительственный кризис удалось преодолеть, но недоверие населения к лидерам МДР сохранилось.

Однако уже 28 декабря председатель СГД Ерхан прямо поставил вопрос о вводе румынских войск. Фракция объединенного социалистического блока в знак протеста вышла из состава «Сфатул цэрий». В отсутствие депутатов от крестьянской фракции предложение о присоединении Бессарабии к Румынии было принято 38 головами из числившихся в то время 126 депутатов. Решительный протест против такого решения выразили депутаты от крестьянской секции, солдаты 1-го молдавского полка, 129-й молдавской аэробатарей, севастопольского отряда матросов-бессарабцев и др.

В начале января 1918 г. власть в Кишиневе взяли большевики. Но они допустили несколько роковых ошибок: прежде всего – не арестовали изменников и не разгромили гнездо предателей. «Сфатул цэрий» не был упразднен. Он продолжал формально существовать, хотя оказался органом власти без всякой власти. Расчет на захват Бессарабии мирным путем, вероятно, имевшийся у румынского правительства, рухнул.

Тогда руководство Румынии принимает решение о военном перевороте в Кишиневе и вводе своих войск в Бессарабию. Ранее оно одобрило план Генерального штаба румынской армии о переброске из

Киева на ближайшую к Кишиневу железнодорожную станцию вооруженного отряда в 1000 трансильванцев из бывших военнопленных австро-германских войск, политически подчинив их румынскому агенту Онисифору Гибу. Впоследствии Гибу писал: «В Яссах румынское правительство по соглашению с союзными державами сочло нужным послать в Кишинев как можно быстрее межсоюзную комиссию, которая уведомила бы Совет директоров о том, что союзники вскоре пришлют войска в Бессарабию для наведения порядка».

Рис. 17. Памятник О. Гибу, установленный в г. Кишиневе

В тот же день, 6 января 1918 г., румынские регулярные войска перешли границу в районе Унген и начали интервенцию в Бессарабию. Встречая вооруженное сопротивление, в том числе и со стороны сол-

дат 1-го молдавского запасного пехотного полка, румынские войска продвигались по направлению к Кишиневу. Решительное сопротивление революционных сил румынские агрессоры встретили на станциях Корнешты, Страшены, Гидигич. Ожесточенное сопротивление им было дано и на севере Молдавии. По инициативе Бельцкого уездного Совета крестьянских депутатов 8 января был созван революционный штаб организации отпора захватчикам, который объявил всеобщую мобилизацию трудящегося населения. Однако силы были неравными. Понеся значительные потери в боях на подступах к Кишиневу, румынские войска к вечеру 13 января вошли в город.

Но еще 12 января 1918 г., когда румынские войска были уже в районе Калараш–Страшены, в штаб воинских частей генерала Е. Броштяну явился И. Инкулец во главе делегации от «Сфатул цэрий» и СГД с требованием объяснений о целях вторжения. Вслед за тем Инкулец рассказал об этой встрече своим коллегам. На второй день оккупации Кишинева на заседании «Сфатул цэрий», собравшегося для обсуждения вопроса об официальной встрече командующего румынскими войсками генерала Броштяну, И. Инкулец заверил собравшихся, что генерал «гарантирует все наши свободы» и заявил, что «наших братьев, которые пришли с такой целью, мы принимаем в открытые объятия и от всего сердца говорим: добро пожаловать!».

Несмотря на эти успокаивающие заявления на вышеупомянутом заседании «Сфатул цэрий» группа депутатов потребовала, чтобы румынская армия покинула Бессарабию. Пантелеймон Халиппа, руководивший заседанием, постарался успокоить коллег, заверяя их в том, что румынские войска введены на короткий срок с целью положить конец «анархии» и по стабилизации политического положения они будут выведены. Тем не менее «Сфатул цэрий» в целом занял позицию неприятия румынской оккупации и постановил не участвовать во встрече командования румынских войск.

На этом же заседании был поднят вопрос о кризисе в правительстве республики, вызванном непоследовательным поведением И. Инкульца и П. Ерхана. После шумных дебатов Ерхан был смещен с поста председателя Совета генеральных директоров, но в составе правительства его оставили. Он возглавил директорат народного образования. В конце января председателем правительства был назначен Д. Чутурану, который после присоединения Бессарабии к Румынии, уже в 1919 г., вошел в состав румынского правительства в качестве министра Бессарабии.

С введением в Бессарабию румынских войск ситуация резко изменилась. «Сфатул цэрий», вопреки ожиданиям его руководства, не стал хозяином положения. Вся власть, как и предполагалось, сосредоточилась в руках военного командования румынских войск. Убедительным доказательством бесчеловечной агрессии румын и бессилия лидеров «Сфатул цэрий» явилась судьба III губернского съезда крестьян Бессарабии, проходившего 18 января 1918 г. в Кишиневе.

Узнав, что съезд решительно потребовал вывода румынских войск и реорганизации «Сфатул цэрий» по классовому принципу, румынский комендант, не считаясь даже с тем, что некоторые делегаты были депутатами «Сфатул цэрий», приказал разогнать съезд, а его президиум в составе молдаван В. Рудьева, И. Прахницкого, И. Панцыря, И. Катароса и украинца П. Чумаченко – расстрелять. Их обвинили в «анти-румынизме». Без особых колебаний румыны расстреляли еще двоих членов «Сфатул цэрий» – лидера кишиневских меньшевиков Надежду Гринфельд и редактора газеты «Свободная Бессарабия» либерального журналиста Николая Ковсана.

Тем не менее Инкулец без всякого смущения продолжал утверждать, что «Сфатул цэрий» грудью стоит «за самое тесное объединение с Российской Демократической Федеративной Республикой»

Рис. 18. Флаг «независимой» МДР

и «все слухи о какой-либо румынской ориентации абсурдны и не имеют под собой оснований. Слух о введении румынских частей на территорию Молдавской Республики совершенно абсурден». Неделю спустя, 24 января, под давлением румынского правительства марионеточный «Сфатул цэрий», который уже ничего не решал без согласия новых хозяев, был принужден провозгласить независимость Молдавской Демократической Республики, т.е. ее выход из состава Российского государства. «Декларация о независимости Молдавской Демократической Республики», безусловно, стала первым актом политического оформления законности фарса аннексии МДР Румынией.

После занятия румынами Кишинева сопротивление населения и революционных частей продолжалось до начала марта. Особенно ожесточенные бои шли под Бендерами, в Измаиле, Килие, Аккермане и других местах. Продолжались бои и на севере Бессарабии. Во второй половине февраля, собрав силы в левобережье Днестра, советские войска предприняли наступление на линии Резина–Шолданешты. Румынские части были разбиты.

Правительство Румынии вынуждено было идти на переговоры с представителями Советского правительства и, согласно подписанному 9 марта соглашению, обязалось в течение двух месяцев вывести свои войска из Бессарабии. Однако под натиском белогвардейской армии Деникина, предпринявшей наступление с юга, части Красной Армии отступили от Днестра. Румыния воспользовалась этой ситуацией и не выполнила своих обязательств.

Оккупировавшая всю Бессарабию румынская военщина уже не нуждалась на деле ни в каких туземных органах власти. Однако резких движений в их сторону она не делала. По румынскому сценарию «Сфатул цэрий» еще не окончательно выполнил свою роль и мог понадобиться для придания румынской оккупации Бессарабии вида легитимности и законности. Когда к власти в Румынии пришло правительство Александра Маргиломана, Ион Инкулец и другие руководящие деятели «Сфатул цэрий» (Думитру Чутуряну и Пан Халиппа) были вызваны в Яссы. Премьер-министр Маргиломан стал давать им инструкции и наставления, как велеречивый хозяин своим непонятливым лакеям.

Посетовав, что Бессарабия «слишком слаба, чтобы жить самостоятельно и раздельно», что «у нее нет ни денег, ни армии», что «невозможно маленькому государству сохранить целостность сво-

ей территории между Украиной, Австрией и Румынией», он заявил, что в создавшейся ситуации объединение с Румынией будет для Бессарабии «благом». Следовательно, надо, чтобы «Сфатул цэрий» немедленно принял решение о вхождении Бессарабии в состав Румынии. Но затем «Сфатул цэрий» будет распущен, так как «нацию представляют» румынские депутаты и сенат, в состав которых войдут представители Бессарабии. Тем самым лидеры «Сфатул цэрий» получили вполне прозрачный намек, что Румыния не забудет об их роли в деле осуществления аннексии, если они все сделают так, как необходимо.

26 марта (8 апреля по новому стилю) в Кишинев прибыл сам Маргиломан, возглавлявший румынскую делегацию. И уже на следующий день «Сфатул цэрий» открыл свое поистине историческое заседание. Инкулец сказал несколько проникновенных слов о значимости момента и передал инициативу А. Маргиломану. Премьер-министр Румынии пафосно приветствовал присоединение Бессарабии «к груди родной матери Румынии». Он при этом не случайно отметил главное – ввод румынских войск в Бессарабию произошел по просьбе представителей «независимой Молдавской республики». Следовательно, никакой оккупации: молдаване этого сами захотели...

Затем в зал заседаний вошли румынские солдаты со штыками на винтовках и было объявлено открытое голосование за присоединение края к Румынии. В зале присутствовало 76 запуганных «депутатов», половина из полутора сотен членов списочного состава «Сфатул цэрий». Но даже и в таких условиях шантажа и угроз нашлись три человека, которые сказали – нет!

На этом история существования Молдавской Демократической Республики практически закончилась. Она просуществовала ровно два месяца. Лишь для того только, чтобы облегчить аннексию этого края Румынией. И во главе этой псевдореспублики стоял И.К. Инкулец, который правильно понял свою задачу и действовал в меру сил и возможностей. Началась эпоха 22-летней румынской жестокой оккупации края.

Сам Инкулец впоследствии попытался создать Крестьянскую партию Бессарабии, которая скоро влилась в Национал-либеральную партию Румынии, ибо власти не допускали создания в Бессарабии каких-либо политических партий, пусть даже и полностью лояльных оккупантам. Тем не менее румыны ценили сыгранную им

роль и самого Инкульца не обижали. Он занимал довольно высокие чиновничьи посты: был министром внутренних дел, министром связи и даже вице-председателем Совета министров Румынии. Стал членом Академии наук Румынии.

Умер И. Инкулец в Бухаресте в возрасте 56 лет в ноябре 1940 г. и похоронен на известном и крупнейшем бухарестском кладбище Беллу. Он ушел в мир иной спустя несколько месяцев после освобождения Бессарабии Красной Армией и образования союзной республики Молдавской ССР, в момент возвращения в край сотен тысяч его жителей, разбежавшихся по всему миру от ужасов румынской оккупации. В исторической памяти большинства молдаван имя бывшего революционера и прислужника королевской власти ассоциируется с предательством и установлением горчайшего режима оккупации и колониального подавления национальной жизни молдавского народа.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ СТЕРЕ (2 апреля 1918 г. – 25 ноября 1918 г.)

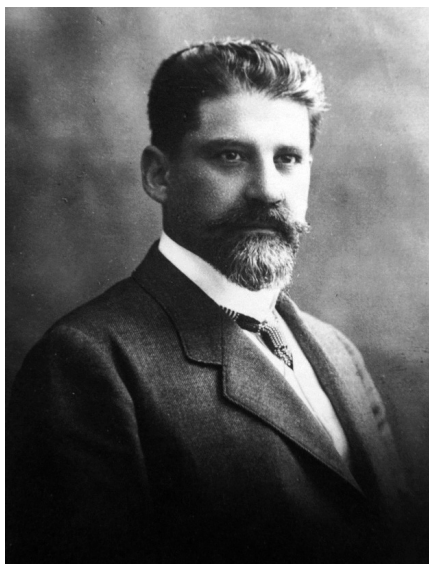

Рис. 19. К.Г. Стере

Румынские власти, задумавшие и осуществлявшие аннексию Бессарабии, действовали последовательно и логично шаг за шагом. Поначалу для расчистки политического поля и облегчения военной оккупации края подходил И.К. Инкулец, который, как мы уже знаем, был приобщен к националистическому движению еще в годы Первой русской революции румынским писателем и политиком Константином Стере. Но когда встал вопрос о юридическом оформлении этого акта, связанного с ликвидацией Молдавской Демократической Республики, Инкулец для этой цели был признан слишком ненадежной

фигурой, без необходимого авторитета и опыта. Его было решено заменить политиком более изощренным и матерым, или, говоря прямо, циничным и прожженным политиканом. На место председателя «Сфатул цэрий» было решено назначить самого К.Г. Стере.

Теперь главной фигурой в Бессарабии становился старый революционер-народник, бессарабец, боровшийся с царизмом и рисковавший своей жизнью за свободу родного края. И Стере, вступая в должность председателя «Сфатул цэрий», в своей тронной речи напомнил о собственных заслугах перед революцией и дал при этом слово «употребить все силы для создания в Бессарабии новой жизни в общих для всей Румынии рамках». Но, усыпив таким образом внимание слушателей, Стере с первых же часов своего правления начал демонтаж структур нарождавшейся молдавской государственности, что от него, собственно, и требовалось. Он заявил, что «в одном государстве не может быть двух военных министерств», как и двух министерств иностранных дел, «ибо у нас теперь с Румынией должны быть общие интересы», ликви-

дировав и создававшуюся молдавскую армию, и ведомство иностранных дел.

Кем же был этот человек, поставленный на полгода во главе только-только возникающей государственности молдавского народа? К тому же вознесенный наверх румынскими властями, да еще с целью ликвидации этой самой государственности?

Константин Стере родился в июне 1865 г. в с. Городище Сорокского уезда в дворянской семье землевладельцев средней руки Георгия (хотя, вернее, Егора) и Пулькерии Стере. Детство свое провел на севере края, в с. Черепково, где у родителей был вполне приличный по тем временам одноэтажный домик (сейчас в с. Чирипкэу Флорештского района открыт дом-музей писателя). В 8 лет мальчика перевозят в Кишинев и отдают в частный дворянский лицей с усиленным изучением немецкого языка. Здесь он близко сдружился с двумя лицеистами – Александром Грозу и Львом Коганом-Бернштейном (через много лет он их вывел в своем романе под именами Саша Лупу и Моисей Ройтман).

Как впоследствии вспоминал Стере, он в те годы не знал румынского алфавита. Зато вместе с друзьями увлекся русскими революционными теориями. Он запоем читал Николая Чернышевского, Александра Герцена, Михаила Бакунина, Петра Лаврова, других представителей русского народничества. Читал с друзьями также западных мыслителей, ученых и революционеров: Чарльза Дарвина, Карла Маркса, Фердинанда Лассалья. Идеи русского утопического социализма так увлекли юношей, что они создают среди учащихся подпольный кружок «для самообразования».

Социал-демократические идеи и марксистская теория революционного переустройства мира силами пролетариата совсем не привлекали юных конспираторов. Зато Стере был очарован и увлечен народническими взглядами на крестьянский социализм. Он налаживает связи своей группы с российской террористической партией «Народная воля». Вдохновленный убийством народовольцами императора Александра Второго 1 марта 1881 г. в Петербурге на Екатерининском канале, Константин организывает размножение и распространение народовольческого манифеста с призывами к крестьянскому бунту и свержению монархии.

Уехав из Кишинева, Стере поступает в Императорский Новороссийский университет, созданный в Одессе по инициативе знаменитого русского хирурга и естествоиспытателя Н.И. Пирогова. Однако Охранное отделение Департамента полиции достаточно быстро обнаружило

и разгромило по всей стране конспирирующих революционеров, так или иначе связанных с «Народной волей» и обвиняемых в причастности к цареубийству. Восемнадцатилетний К. Стере, студент Новороссийского университета, был арестован в Одессе как организатор кишиневского народовольческого кружка. Здесь, в Одессе, он провел несколько лет в заточении.

Рис. 20. Здание
Новороссийского университета

Но и тюремный срок жаждущий познания молодой интеллект Стере использует для самообразования: он много читает, изучает право, юриспруденцию, научную литературу. С тюремными застенками связана и некая романтическая история. К Константину часто приходила на тюремные свидания девушка по имени Мария Грозу, сестра его лицейского товарища Александра. Мария была феминисткой, выступала за полное равенство полов и разделяла народнические взгляды узника. Она любила Константина и попросила его заключить фиктивный брак, чтобы избавиться от опеки родителей (по существовавшим в России законам девушка находилась до замужества под полной защитой отца). Их расписали в тюремной церкви в 1885 г.

В этом же году К. Стере после суда был отправлен на каторгу в Сибирь. Он получил трехлетний срок, который начался в Тюменской тюрьме, затем его выслали в Курган, куда за ним последовала Мария и где родила сына Романа. Переехав в Туринск в ссылку, Стере познакомился с группой революционеров и решил продолжить антиправительственную деятельность. Но снова неудача. Полиция задержала его во время попытки распечатать на самодельном гектографе народнический журнал. Его отправили вниз по Иртышу, затем снова судили в Тобольске в 1888 г. и посадили в тюрьму.

Депрессия, меланхолия и сомнения охватывают душу молодого революционера. Стере попадает в тюремную больницу из-за нервного

срыва и попытки самоубийства. Она была вызвана то ли известием о самоубийстве его родного брата, то ли слухами, что один из лидеров народничества Лев Тихомиров оказался предателем, пошел в услужение властям и стал вполне респектабельным, благополучным общественным деятелем. Стере испытывает разочарование в социалистических идеях и переключает свой интерес на философию, запоем читает произведения немецкого философа Иммануила Канта. К тому же его романтическая душа рвется к творческим порывам. Он берется за перо и начинает писать первые свои произведения.

Правда в числе этих его первых произведений в Тобольске оказалось покаянное письмо директору департамента полиции, в котором автор утверждает, что «искренне и твердо» решил порвать с революционными традициями и со всем этим «подпольем», в котором глубоко раскаивается и клянется никогда не сходить «с пути законности». Вымаливая у властей «пощаду», кающийся ниспровергатель существующего строя решил, что одного обращения будет недостаточно. Подобное письмо К.Г. Стере направил еще и начальнику Тобольского жандармского управления. Вскоре его участь была смягчена.

Но тем самым Стере навсегда вычеркнул себя из когорты российских революционеров. Дело в том, что царизм довольно легко прощал «заблудших», если они каялись в своих «ошибках». Поэтому по нравственному кодексу российской революционной молодежи абсолютно исключалась сама возможность подавать прошения о помиловании, а те, кто обращался с этим к властям, получали презрительное прозвище «подаванцы» и решительно изгонялись с позором из рядов революционеров. Более того, их не принимали даже в среде законопослушных подданных, в порядочном обществе людей чести.

Вспомним, к примеру, поведение другого российского революционера, так же, как и Стере, молдаванина по происхождению, Михаила Васильевича Фрунзе. Он дважды приговаривался судом к смертной казни (в 1909 и 1910 гг.). Адвокат, желая спасти жизнь своему подзащитному, уговаривал арестованного студента-боевика покаяться в «заблуждениях молодости» и отречься от своих идей. Фрунзе категорически отказался просить о помиловании и стать «подаванцем», хотя, в отличие от Стере, ему грозило реальное повешение, а не жалкие два-три года ссылки в отдаленные места империи.

Конечно, К.Г. Стере прекрасно знал кодекс чести российских борцов за свободу и впоследствии помалкивал о своем моральном падении, даже умело пестовал всю жизнь ореол мученика царского режима, лицедействовал и бравировал этим образом бескомпромиссного борца за

свободу. Когда уже после Октябрьской революции историки разыскали в жандармских архивах и издали в журнале «Каторга и ссылка» его покаянные письма, Стере попытался поначалу все отрицать, а потом признал, что это было сделано в минуты «кратковременной слабости».

Но историки могут доказать и в этом эпизоде неискренность и лицемерие «непримиримого борца против царизма». Так, весной 1914 г. в Румынии шла подготовка к визиту в Констанцу русского императора Николая Второго. К.Г. Стере, пользуясь своей близостью к румынскому премьеру Иону К. Брэтиану, добился включения своего имени в список официальных лиц для представления царю. Петербург отклонил имя бывшего каторжника, имевшего отношение к цареубийству, пусть даже и не прямое. Брэтиану вынужден был давать заверения российским дипломатам, что румынский парламентарий Стере давно раскаялся в «грехе молодости», «в коем он бы принес повинную в Констанце». Создается впечатление, что Стере носил в кармане некий переключатель каналов: в одной ситуации он мог включить канал монархиста, преданного румынскому королю или русскому царю, в другой ситуации он мог переключиться на канал «беззаветного борца» против монархий за свободу, а иной раз – и на канал просто свободного художника, независимого либерального философа-вольнодумца.

Много лет спустя К.Г. Стере будет утверждать, что во время своих тюремных мытарств он познакомился в красноярской тюрьме с большевистским лидером Владимиром Лениным. Так это или не так, мы не можем точно утверждать. А вот то, что он был знаком с членом Польской социалистической партии и будущим главой Польши Юзефом Пилсудским, ярким националистом и русофобом, было подтверждено самим польским лидером в 1927 г. В одном из романов писателя будущий польский диктатор Пилсудский был выведен под именем Стадницкий.

Как бы там ни было, на каторге, в тюрьмах и ссылке в Сибири (в том числе и за Полярным кругом), К.Г. Стере находился до 1892 г., почти десять лет. Затем он возвращается на родину, в Бессарабию. Скорее всего, в глубине души он понимал, что в российском обществе ему места не остается. Отец писателя, Егор Степанович, сумел выхлопотать для сына заграничный паспорт, с которым тот пересекает границу и оказывается в Румынии. Начинается новый этап в жизни бывшего каторжанина.

В Яссах его встречает румынский социалист Ион Нэежде, с которым Стере переписывался, еще находясь в сибирском заточении. С его помощью и при его поддержке Стере заканчивает юридический фа-

культет Ясского университета. Он остается в нем преподавать конституционное право, получает звание профессора и, в конце концов, даже становится ректором этого вуза.

Рис. 21. К. Стере с коллегами в Ясском университете
И. Ботезом и Г. Ибрэилян

Обладая ореолом некоего мученика царского режима и борца за счастье народа, Стере быстро завоевывает авторитет в кругах левой молодежи Румынии. Он знакомится с лидерами социалистов Константином Доброджану-Геря, Константином Миллом, Гарабетом Ибрэилян, Софией Нэеде и скоро становится влиятельным деятелем в левых кругах Румынии. Как принципиальный противник марксизма, Стере даже пытается втолковать лидерам зарождавшейся тогда Социал-демократической партии Румынии неприемлемость этого учения для их страны. Он считал, что рабочие, составляя приблизительно одну сотую часть населения Румынии, не имеют никакого значения ни как налогоплательщики, ни как позитивная социальная сила. Ибо Румыния всегда была и всегда будет крестьянской страной. Промышленной революции здесь не произойдет, да она и не нужна.

Исходя из этих взглядов и своего народнического опыта, К.Г. Стере формулирует теорию попоранизма – румынский вариант русского утопического социализма с его «хождением в народ», «теорией малых дел», «просвещением крестьянства» и прочим. Эту теорию он пропо-

ведует в созданном им тогда студенческом обществе «Даториал», на страницах либеральной и социалистической прессы Румынии, в «Эвениментул», «Адевэрул», «Эвениментул литерар» и других газетах и журналах страны.

Большая популярность Стере в левых кругах румынского общества немедленно обозлила и настроила против него правые и консервативные силы. Они стали его всячески оскорблять, навешивать ярлыки и обидные клички, называли «ставленником еврейчиков», который «продал душу евреям». Да и вообще, «румын ли он в действительности», этот «российский еврей из Бессарабии»? Никакого «еврейства» в Константине Стере, чистопородном молдаванине, конечно же, не было. Но, видимо, тогда он почувствовал, что его «молдавское самосознание» воспринимается румынами как бессарабское «еврейство».

Травля в прессе больно задела Стере, и он стал подписывать свои работы псевдонимом Сэркэляну. Неопределенность его положения заставила его просить власти о предоставлении румынского гражданства. В феврале 1895 г. он получает просимую натурализацию через специальный закон как «румын из Бессарабии». Реноме «бессарабец» сопровождало писателя как клеймо на протяжении всей его жизни в Румынии, хотя в ряде случаев он использовал его даже себе на пользу.

Рис. 22. К. Стере,
основатель попоранизма

На некоторое время К.Г. Стере переезжает в Плоешты, начинает заниматься адвокатской деятельностью, оказывает поддержку замечательному румынскому писателю Иону Луке Караджале, интенсивно изучает философию и пишет литературные и философские эссе.

Одновременно Стере разрабатывает и совершенствует свою теорию попоранизма, выступая против Карла Каутского и других марксистов, доказывавших неизбежность развития сельскохозяйственного производства по капиталистическому пути. Он, напротив, полагал, что капитализм вреден и не нужен Румынии, что кооперация может избавить сель-

ское население от неминуемого разорения и прочих язв и трагедий капитализма. Но и социализм не может быть целью для таких стран, как Румыния. Цель же заключается в построении «крестьянского государства». Резкая критика Константином Стере румынских социал-демократов была с удовлетворением замечена правительственными чиновниками. А в 1898 г. бывший российский революционер, отбывавший каторгу за причастность к царевубийству, письменно свидетельствует свою преданность румынскому королю Каролю I.

Как человек, пострадавший от русского царизма и мечтающий о присоединении его родной Бессарабии к Румынскому королевству, К.Г. Стере стал востребованным в румынских политических кругах, особенно в связи с поражением России в русско-японской войне и началом Первой русской революции. Ведь это он, не уставая, предрекал задолго до революционных событий, что «рано или поздно наступит наиболее удобный момент для решительных действий в Бессарабии, и если этим не воспользоваться, то это будет сродни преступлению против румынского народа».

Желая собственными глазами наблюдать гибель ненавистной ему Российской империи, а возможно, и поучаствовать в этом процессе, К.Г. Стере в октябре 1905 г. едет в Кишинев. Едет с ведома и по поручению Министерства внутренних дел королевства. Он был поддержан в своих начинаниях самим премьер-министром Румынии Георге Г. Кантакузино. И вот, оказавшись в октябре в Кишиневе, Стере попадает в самую гущу местного революционного брожения. Но это брожение неожиданно оказалось совершенно чуждо его ожиданиям.

Манифест, подписанный царем 17 октября 1905 г., был восторженно встречен румынским эмиссаром как начало распада страны, а значит, и скорого включения Бессарабии в Румынское королевство. Стере писал в эти дни: «Завершающий этап переходного периода приведет к рождению обновленной России, где каждый народ будет развиваться своим собственным путем. Роль румынской интеллигенции в Бессарабии определяющая».

Однако в то же время сам для себя в глубине души Стере, как человек далеко не глупый, увидел и понял, что «роль румынской интеллигенции» в крае близка к абсолютному нулю. Молдаване о румынской интеллигенции ничего не знали и знать не желали. Они жили своей жизнью и своими проблемами. Они могли выступать за правительство или против правительства России. Но они все как один вдруг оказывались российскими государственниками, как справа, так и слева, если только речь заходила о подготовке скорейшего объеди-

нения с «румынской отчизной». Никто из молдаван о Румынии и не помышлял.

Оторвавшийся в румынском политическом круговороте от местной жизни, Стере с удивлением пишет: «Из их среды, вопреки их молдавскому происхождению, поднялись пламенные русские националисты, именовавшиеся Крушеван, Пуришкевич, Крупенский или Кассо». Стере обнаружил, что и члены «Молдавского культурного общества», выступавшие за развитие и процветание молдавской культуры и языка (П. Дическу, И. Балтаг, Н. Лашку и др.) были чужды не только унионизму, но и румынизму как таковому. Они отказывались сотрудничать с депутатом румынского парламента, работавшим, как они догадывались, по заданию румынских властей.

Понимая, что деньги – аргумент гораздо более весомый, чем романтические идеи «унири», и желая приблизить час объединения, Стере затребовал у румынского правительства крупную по тем временам сумму – 100 тыс. франков – для собирания и консолидации всех сил местных унионистов вокруг печатного издания на румынском языке. Деньги пришли. Но месяц шел за месяцем, а собрать редакцию для выпуска газеты в Кишиневе никак не удавалось. Дело сдвинулось, лишь когда в Бессарабию вернулись из Дерпта студенты закрытого там Юрьевского университета, местные уроженцы и члены тамошнего бессарабского землячества. Они-то под руководством К.Г. Стере и приступили к выпуску газеты «Басарабия», заголовок которой набирался латинским шрифтом, а все материалы печатались на молдавском языке кириллицей.

К. Стере самолично разработал политическую программу издания. Она содержала требование автономии Бессарабии, для управления которой должен быть создан высший орган – «Сфатул цэрий». Наученный горьким опытом, даже слово «Румыния» Стере в программе предпочел не упоминать. Довольно туманно и неясно были сформулированы требования социальных реформ, в том числе и аграрной: перераспределение земли. Под «перераспределением» можно было понимать все, что угодно, поскольку умалчивалось, на каких основаниях и за чей счет. Ближайшими сотрудниками Стере стали И. Инкулец, П. Халиппа, И. Пеливан, Е. Гаврилицэ, В. Оату и другие. Сотрудничал с ними и кишиневский священник, замечательный молдавский поэт Алексей Матеевич.

Но даже и с этими вполне лояльными к нему работниками и энтузиастами возрождения молдавской культуры Стере не смел открыто обсуждать готовящееся им объединение края с Румынией. Приходи-

лось говорить каким-то птичьим языком намеков, не очень-то и понятных окружающим: «Или вы к нам, или мы к вам; иначе жить нельзя!». Однако местные авторы приносили к нему в печать молдавский фольклор, переводы русской классической литературы, пробуждали у молдаван интерес к своей культуре, своему языку. Никаких симпатий к Румынии, на удивление Стере, не проявлялось. Да и язык этот, как заметил румынский историк Бессарабии Шт. Чобану, на каждом шагу выдавал в авторах не румын, а бессарабцев.

Все получалось, к огорчению Стере, совсем не так, как он представлял в своих мечтах. Газета «Басарабия» становилась не центром консолидации прорумынских сил, а центром притяжения бессарабских молдаван, которые писали и рассуждали о своих проблемах, о своей боли и надеждах – о сфере использования молдавского языка, о борьбе молдаван за общегражданские права, о земельном вопросе, о гражданских, церковных проблемах местного молдавского общества.

Но их вовсе не привлекало Румынское королевство. Авторы просто игнорировали Румынию, а то и писали о ней пренебрежительно, иной раз даже в самых черных красках. Проблемы «унири», такие насущные для самого Стере, такие важные для посылавших его румынских властей, бессарабскими молдаванами не обсуждались и даже не ставились. Они никого здесь не интересовали.

Продажа газеты не приносила коммерческого успеха; ее приходилось даже раздавать бесплатно. Приехавший из Ясс на подмогу Константину Стере чиновник румынского финансового ведомства С. Кужбэ, собиравшийся с разбегу придать газете «румынский дух», был еще более далек от реальности. Он лишь усугубил ситуацию и приблизил полный крах газеты.

Румынизм никак не вписывался в актуальные проблемы, волновавшие бессарабское общество, «Басарабию» перестали читать и молдаване. А те газеты, которые Кужбэ стал завозить из Бухареста и Ясс, напечатанные латиницей, – «Диминяца», «Эпока», «Цара» и др. – не продавались и по несколько экземпляров. Закончилась ничем и попытка Кужбэ издать на молдавском языке одновременно кириллицей и латиницей новую газету «Вяца Басарабией». Ее пришлось закрыть на шестом номере.

Разочарованный и подавленный полным крахом своих мечтаний и стремлений, Стере возвращается в Яссы, прихватив с собой «на учебу» команду завербованных им «учеников». Один из них, Пантелеймон Халиппа, впоследствии вспоминал своего учителя добрым словом: «Я познакомился со Стере в 1905 г. Я был еще мальчиком... мы называли

его крестным отцом молдаван... он говорил, что необходимо поднять флаг революции против России, говорил о нашем происхождении, что мы – молдавская интеллигенция – должны «держаться» за народ, беречь язык и традиции».

Однако «мальчик» Халиппа, один из главных действующих лиц последовавшей в 1918 г. «унири» и трагедии молдавского народа, явно переусердствовал с розовыми красками. Другой кишиневский «ученик» Стере и его помощник, Алексей Ноур, совсем по-другому оценивал своего шефа. Он видел главную ошибку румынского эмиссара в его ненависти к России, которую тот пытался навязать молдаванам: «Г-н Стере нигде не нашел отклика в общественном мнении со своим анти-русским тезисом». А румынский философ и историк Онисифор Гибу, который много сил потратил на изучение оптимальных путей включения Бессарабии в состав Румынии, вообще считал, что Стере своими прорумынскими наскоками сумел достигнуть лишь прямо противоположного – раздуть «антирумынизм» молдаван. Тем самым он «запряг молдаван в телегу таких одиозных личностей, как Крупенский».

Дальновидные унионисты в самой Румынии понимали, что их главный враг в Бессарабии не широкое распространение русского языка, а возрождение и утверждение молдавской идентичности, молдавского национального самосознания, молдавского языка и культуры. Против этого нужно было бороться в первую очередь. Задача состояла в том, чтобы заменить в массе молдаван молдавское самосознание на самосознание румынское, заставить их думать по-румынски, говорить по-румынски, поступать по-румынски. А Стере посчитал, что хватит лишь разжигания ненависти к царизму, к России, к русским. Молдаване сами по себе, как он думал, природные румыны. Несмотря на свой печальный собственный опыт, эту идею он проповедовал, он яростно пытался доказать ее верность себе и другим. И ошибся.

Впрочем, особой подавленности от неудач Константин Стере, по-видимому, не испытывал. Он твердо знал, что посеянные им семена еще дадут всходы: подготовленные им кадры продолжают свою подрывную деятельность против молдавского самосознания, дайте только срок! Свои долговременные цели он так и определял: «Мы не должны потерять ни одного сторонника, любого, кто сочувствует нашим идеалам, к тому же необходимо на время успокоить крестьян, для того чтобы подготовить их к организованным выступлениям с требованиями аграрной реформы...». Поражение Первой русской революции неизбежно потянет за собой Вторую, Третью... Отрыв Бессарабии от России и ее объединение с Румынией надо готовить более тщательно, более продуманно.

Тайно покинув Россию и возвратившись в Румынию, К. Стере не теряет показного оптимизма. Он активно продвигает идеи близкой ему Национал-либеральной партии, едет в австро-венгерскую Трансильванию, чтобы в Сибиу встретиться с другим сторонником создания «Великой Румынии» – Октавианом Гогой – и привлечь его к своему делу. Он посылает в Трансильванию и в Бессарабию книги и учебники на румынском языке, создает общества по изучению румынской культуры, организует проезд на учебу в Бухарест и Яссы студентов из тех регионов, которые должны когда-нибудь стать частью Румынии.

Созданный для вербовки жителей края ясский кружок «Бессарабец», посредством которого наладились связи эмигрантов со студентами Юрьевского университета, был реорганизован в «Центральный комитет культурной лиги бессарабских румын». Всю его работу по-прежнему направляли К. Стере, З. Ралли и другие бывшие левые бессарабцы («попоранисты»), бежавшие в Румынию от преследований царского режима. Со стороны румынских властей эти «левые» никаких притеснений не испытывали. Им доверяли. Румынская монархия не видела в деятельности этих «революционеров» никакой для себя опасности.

Основав собственный журнал «Вяца румыняскэ», Стере продолжает полемизировать со своими давними оппонентами, Доброджану-Геря и другими социал-демократами, доказывая, что его идеи попоранизма и отрицания капиталистической модернизации несут благо для населения страны. Он поддерживает либералов, в частности И. Братиану, и требует от них отставить в отставку правительство консерваторов во главе с Георге Г. Кантакузино. Однако, когда по Румынии прокатилась волна крестьянских бунтов и недовольств, Константин Стере поддерживал консерваторов в необходимости самого жесткого пресечения аграрных беспорядков. Он даже получил должность префекта Ясского уезда. Правда, войск для подавления крестьян-бунтовщиков он не использовал, пытался уладить аграрные споры мирно.

Начало мировой войны не прервало кипучую деятельность К.Г. Стере. Румынская политическая элита в августе 1914 г. раскололась на два противостоящих лагеря. Часть правых консервативных кругов (А. Маргилومان, П. Карп и др.) возглавляли прогерманскую группировку. Они были связаны с германскими и австро-венгерскими рынками, пугали общественность своей страны «славянской опасностью» и требовали вступления страны в войну на стороне Германии. При этом рисовали в случае победы перспективы присоединения к Румынии Бессарабии и даже «Транснистрии» до Южного Буга.

Другая часть политиков, антантофилы (И. Брэтиану, Т. Ионеску, Н. Филипеску и др.), требовали вступления Румынии в войну на стороне англо-франко-русского блока. Они соблазняли общественность перспективами в случае победы «освобождения» и присоединения к Румынии территорий Австро-Венгрии, населенных отчасти румынами. Эти силы представляли в основном политики либерально-националистического толка. Но небольшая их часть – группировка румынских либералов-попоранистов – откололась от них и примкнула к германофилам. Этим возглавлял К.Г. Стере. Он был уверен, что только Германия сможет отнять у России Бессарабию и отдать ее румынам. Это убеждение, эта вера и определила его политическую позицию.

Когда немцы оккупировали основную часть Румынии, Стере не бежал из Бухареста в Яссы, как многие другие горожане, а остался и даже стал издавать свою газету, в которой выступал против российского экспансионизма. В захваченной немцами стране! Но после свержения монархии в России в марте 1917 г. он снова оказывается в Кишиневе, уже в качестве представителя правительства Александру Маргиломана. Здесь он встречается со своими бывшими учениками, которые теперь оказались очень близкими к власти. Опираясь на свою близость к А.Ф. Керенскому, И. Инкулец, П. Халиппа и другие бывшие соратники Стере по 1905 году пытались осадить строптивую революционную стихию в крае. Они уже работали в поте лица по подготовке присоединения Бессарабии к Румынии вопреки воле молдаван и всего проживающего здесь населения.

С введением в Бессарабию румынских войск в январе 1918 г. начинается заключительный этап аннексии края – придание видимости законности этому акту аннексии. Стере опять приехал в Кишинев, чтобы своим авторитетом «борца за свободу народа» убедить всех сомневающихся в необходимости «унири». К этому времени правительство Маргиломана уже договорилось с немцами о продолжении ими оккупации Бухареста и большей части Румынии в обмен на согласие Германии на аннексию Бессарабии Румынией. Союзники по Антанте (Англия и Франция) тоже не возражали против нанесения румынами удара в спину Советской России, а сама большевистская держава была слишком слаба, чтобы противостоять открытой и наглой агрессии бывших союзников.

Премьер-министр Молдавской Демократической Республики Дмитрий Чугурану и Председатель «Сфатул цэрий» Ион Инкулец были вызваны в тогдашнюю столицу Румынии Яссы в начале апреля 1918 г. и получили инструкции по немедленному оформлению «народного

волеизъявления». Возвратились в Кишинев они уже вдвоем с Константином Стере. Тут же на заседании «Сфатул цэрий» по предложению Инкульца и Чижевского «мученик царского режима» Стере был избран его председателем.

Само по себе это было решение в абсурдистском духе: никем не уполномоченные депутаты избирают председателя самозванного парламента никем не признанной страны, причем избирают своим руководителем человека, который не является гражданином этой страны и не живет в ней, а постоянно проживает в другой стране и даже является депутатом ее парламента. Неудивительно, что они молча проглотили предупреждение Стере о том, что если господа депутаты не проголосуют «добровольно за объединение», Румыния «будет вынуждена аннексировать Бессарабию без нашего согласия».

Рис. 23. Монета Молдовы в честь 150-летия К. Стере

Неожиданное для многих появление Константина Стере на посту председателя «Сфатул цэрий» объяснялось и некоторыми политическими интригами его предшественника Иона Инкульца. Опасаясь потерять свою должность в случае «унири» (а румыны и не скрывали, что Совет министров, как и сам «Сфатул цэрий» после объединения будут выброшены на свалку), Инкулец стал выставлять различные условия готовящегося объединения: предоставить Бессарабии статус автономии в составе Румынии, сохранить «Сфатул цэрий» как орган региональной власти, сохранить предоставленное русской революцией избирательное право для женщин и др. К тому же, понимая, что скоро Германия будет окончательно разгромлена Антантой и германофил Маргиломан потеряет свой пост, Инкулец попытался затянуть этот

вопрос, прикрываясь необходимостью консультаций с французами и англичанами. Подобная строптивость своего ставленника вызвала у румынских кукловодов понятное недовольство.

Румынский министр иностранных дел К. Арион без обиняков пригрозил интригану: «Если не произойдет объединение, то будет аннексия». Инкулец был отставлен, назначение Стере состоялось. Не без обиды и в то же время с каким-то мало скрываемым превосходством Инкулец по этому поводу говорил впоследствии в парламенте Румынии: «Мы являлись Молдавской республикой, мы были маленькой страной, но страной, которая ощутила радость приобретения всех свобод и завоеваний революции: всеобщее избирательное право, возможность принять аграрный закон, осуществить административную децентрализацию на основе всеобщего избирательного права, обеспечить гарантированными правами все меньшинства и многими, многими другими, в то время как в тогдашнем Старом королевстве всего этого не существовало... Но исторические обстоятельства были таковы, что мы должны были осуществить объединение с правительством малодемократичным». Не забыл напомнить Инкулец и о своих собственных «жертвах», на которые он согласился в апреле 1918 г.: «Я лично из председателя республики стал простым министром...». И. Инкулец и Д. Чугуряну были назначены тогда румынскими министрами без портфелей.

Наконец, 8 апреля с большой свитой сопровождавших в Кишинев прибыл румынский премьер А. Маргилومان, чтобы присутствовать на голосовании «Сфатул цэрий» по «добровольному» присоединению Бессарабии к Румынии. Маргилومان ехал в автомобиле по пустынным улицам Кишинева, а одинокие прохожие даже не смотрели в его сторону. Ожидавший пышной встречи с музыкой, цветами, флагами и торжественными речами, он был поражен их отсутствием, как и отсутствием на улицах города восторженных толп народа. Стере успокаивал патрона, заявляя, что к голосованию все подготовлено.

Циничный политикан, Стере докладывал премьеру: «Я произнес 28 речей, пройдены километры болтовни...», даже пришлось «предстать перед некоторыми революционерами». И, полный энтузиазма, предчувствуя масштабы готовящегося для молдаван исторического лицедейства, он весь дышал оптимизмом: «Это вынужденный шаг (Стере имел в виду общение с революционерами и вообще антирумынски настроенными бессарабцами. – *авт.*), за полгода мы их приведем к общему знаменателю со всей страной».

На следующий день, 9 апреля 1918 г. собралось заседание «Сфатул цэрий», посвященное объединению. Весь город был переполнен

румынскими солдатами. Над крышами домов летали аэропланы. Вооруженные румынские военные и жандармы «охраняли порядок» в зале заседания. Инкулец приветствовал Маргиломана. А румынский премьер-министр заявил, что ввод войск в Бессарабию был ответом на «призыв правительства» в смутное время. Наконец, Маргиломан огласил декларацию правительства Румынии о принятии Бессарабии в состав государства на правах автономии. Правда, в чем эта автономия состояла, оставалось непонятным.

Опытный К. Стере выступил тогда на русском языке, обращаясь к национальным меньшинствам: «Долгий век покорно и безмолвно, в сознании бессилия мы (он имел в виду молдаван, но не решился произнести это слово, вызывавшее у румын зубной скрежет. – *авт.*) несли ярмо, долгий век книга на родном языке была преследуема как революционная отравка. А теперь, когда мы желаем войти хозяевами в наш дом, представители меньшинств не имеют нравственного права закрывать нам двери...». Но, по сути, Стере умело упаковал в красивые фразы то, что его румынское руководство не скрывало от деятелей «Сфатул цэрий»: не захотите сдатьсь добровольно, будет хуже – возьмем силой.

Затем в зале начались дебаты, проводить ли закрытое или поименное голосование. Это имело большое значение, ведь два месяца назад румыны арестовали членов III крестьянского съезда и расстреляли

его президиум, в числе которого были даже депутаты «Сфатул цэрий». Стере и руководство собрания, несмотря на протесты крестьянской фракции, сумели навязать открытое голосование. А это и определило его исход: из 138 депутатов «Сфатул цэрий» за присоединение к Румынии высказались 86, против – 3, воздержались – 36, уклонились – 13 человек.

Так, 9 апреля 1918 г. решением «Сфатул цэрий» под руководством бывшего бессарабца, румынского политика и депутата парламента, профессора К.Г. Стере прекратила свое существование Молдавская Демокра-

Рис. 24. Почтовая марка Республики Молдова в честь К. Стере

тическая Республика, которая сумела прожить всего 61 день. Довольный результатами проведенной работы, Александру Маргиломан поздравил Константина Стере с этим историческим событием и пригласил всех участников в местное казино на «правительственный банкет», накрытый на 220 персон. В своем тосте Маргиломан, очевидно, пожелал выделить в произошедшем акте свой личный вклад, подчеркнуть свое личное значение, а заодно и унижить всю эту суетящуюся вокруг политическую мелочь из «Сфатул цэрий». Поэтому он произнес знаменитую и, в общем-то, верную фразу о том, что присоединение было осуществлено не в Кишиневе, а в Бухаресте. У присутствующих такая бестактность оставила неприятный осадок. Но румын это уже никак не волновало. Теперь они здесь хозяева.

Прошло полгода. 10 декабря 1918 г. собралось последнее заседание «Сфатул цэрий», на котором уже без всякого голосования было принято решение о «безусловном» присоединении Бессарабии к Румынии и ликвидации «автономии». Из 162 членов «Сфатул цэрий» присутствовали лишь 46 человек. Ни тайное, ни открытое голосование просто не имело смысла. Самозванный орган бесславно самоликвидировался и тем самым окончательно похоронил даже иллюзорные признаки ка-

кого-либо подобия молдавской государственности.

О положении Бессарабии в течение 22 лет румынской оккупации мы еще поговорим. А что же К.Г. Стере, как сложилась его судьба?

Поначалу он, возвратившись в Румынию, пытался играть какую-то политическую роль как один из основателей Национал-царанистской партии Румынии. Эта партия разрабатывала всевозможные аграрные инициативы и реформы, а ее популистские руководители позволяли себе появляться даже на королевских приемах в крестьянских нарядах. Но Стере среди них уже не было. Его заставили отойти в сторону и не путаться под ногами.

Рис. 25. К. Стере,
русский революционер,
румынский политик и писатель

Поскольку главное дело своей жизни – присоединение Бессарабии к Румынии – он уже совершил, в его услугах власти больше не нуждались. Константина Стере весьма бесцеремонно задвинули в ящик политического забвения и небытия. В начале 30-х годов ему даже пришлось отсидеть в тюрьме. Он был обвинен в сотрудничестве с немцами во время оккупации Бухареста в годы Первой мировой войны. И, видимо, не без оснований.

Навсегда удаленный с политической арены Румынии, К. Стере, талантливый писатель и публицист, в последние годы своей жизни обратился исключительно к литературному творчеству. Он как бы закрылся наглухо в своей раковине, глубоко уязвленный, недооцененный, обиженный. Укрывшись в своем загородном доме в Букове после освобождения из тюрьмы в 1931 г., он предавался воспоминаниям, размышлениям, оценкам и переосмыслению своего жизненного пути. Его память была поразительной, а исключительные литературные таланты позволили творить много и плодотворно.

Рис. 26. Книга К. Стере
«Накануне революции»

С помощью своего секретаря Л. Леовяну Стере в первой половине 30-х годов написал восьмитомный роман «Накануне революции», действие которого разворачивается в России в конце XIX в. Смерть писателя в 1936 г. прервала эту работу, и девятый том остался только в набросках. Некоторые литературоведы сравнивают грандиозное полотно этого произведения с романом Стендаля «Красное и черное». А иные критики – даже с романом Толстого «Война и мир». Особенно талантливо, как отмечают специалисты, описываются деревенские пейзажи, природа на Днестре в милой сердцу автора Бессарабии, крестьянские сюжеты: полевые работы с раннего утра

до темноты, пахота, сбор урожая, нравы и обычаи жителей деревенек вблизи Днестра, их заботы и радости, горести и печали. Легкая ирония

и добрый юмор, реальный быт и фантастические картинки сочетаются и меняются, как в волшебном калейдоскопе, благодаря красоте стиля и богатству языка.

Но нам, пожалуй, в данном случае будет интересен другой момент: что думает К.Г. Стере на закате своей бурной политической жизни о судьбе Бессарабии, о судьбах населяющих ее людей, в жизни которых он сыграл далеко не последнюю роль? На этот вопрос лучше всего ответить словами самого писателя и политика. О своей родине под властью румын он пишет: «В Бессарабии имели место многочисленные проявления вооруженных грабежей, убийств и других преступлений, совершенных разными представителями властей... Самым ужасным в полном смысле этого слова является сам существующий в Бессарабии режим. Три миллиона душ живут вне закона и отданы, что считается нормой, на откуп всем административным агентам, от высших до самых низших. Любые гарантии гражданской жизни, защищенной законом, отсутствуют. Современное государство немыслимо хотя бы без минимума таких гарантий. Бессарабии незнакома ни одна из них.

Любой бессарабец может быть в любой момент арестован любым властным агентом (в основном, выходцами из Запрутской Румынии) и заключен в тюрьму по его усмотрению... Свобода прессы? Нигде более цензура не служит откровеннее тому, чтобы прикрыть беззакония властей, чем в Бессарабии. Независимая и непредвзятая юстиция? Утрачено даже понятие о юстиции. Человека могут осудить и привести приговор в исполнение посредством самой упрощенной процедуры наскоро составленными «трибуналами», не предусмотренными никакими законами, в условиях, которые цивилизованные народы не допустили бы даже во время войны.

И когда отсутствуют законные гарантии личной свободы, свобода прессы, независимая и непредвзятая юстиция... разве следует удивляться, что в Бессарабии жизнь, честь и имущество граждан отданы во власть первому зарвавшемуся субпрефекту, сельскому жандарму или даже любому капралу – командиру отделения? Отдельные попавшие в прессу ужасы являются неизбежным следствием этого режима. Любые «следственные разбирательства» и «санкции» не имеют никакого значения и не могут привести к положительному результату, пока сохраняется кошмар самой системы, которой даже негры африканских колоний не позавидуют... Но куда бежать бессарабским неграм от кошмара администрации, заявляющей, что спасла их от русского ига?

Рис. 27. Современное издание сочинений К. Стере

Многие ответят нам, что чрезвычайное положение в Бессарабии необходимо для истребления «бандитизма». Это наивно... Никогда не истребить бандитизм, если власть не пользуется симпатией и поддержкой населения. Но население Бессарабии всех социальных слоев видит в любом представителе власти врага. И кто смог бы чисто по-человечески обвинить его в этом? Более того. Случаи бандитизма и «большевизма», даже если и не выдуманы для оправдания чрезвычайного положения, чаще всего являются порождением этого режима. Подвергнутому пыткам и ограбленному человеку, чье достоинство и достоинство его семьи было поругано, неспособного нигде найти правды, в качестве последнего отчаянного шага ничего не оста-

ется, как ступить на традиционный путь лесного гайдучества. Но так как Бессарабия не находится в Африке, для выживания он выходит за рамки нормальной жизни, и перед нами – «бандит» или «большевик» во всей красе... Какое ослепление завело нас в сегодняшний бессарабский ад? Кто был заинтересован в том, чтобы посеять в души отчаяние и ненависть к румынскому режиму? И куда заведет нас данная система управления?».

Нет нужды пространно комментировать эти наблюдения очевидца и в какой-то мере даже соучастника этих преступлений; слова автора ясно говорят о его умонастроениях и его оценке того агрессивного иноземного ига, который он помог взгромоздить на плечи своих соотечественников-молдаван. Ясно и другое: молдавский, русский и румынский писатель, политик, государственный деятель Константин Георгиевич Стере был последним руководителем Молдавской Демократической Республики. И он уничтожил ее собственными руками, будучи слепым орудием в руках враждебных молдаванам политических сил.

Лишь в последние годы жизни он понял всю чудовищность своих фундаментальных заблуждений.

Он любил свободу, но предал ее. Он любил Россию, но предал ее. Он любил Бессарабию, но предал ее. Он любил молдаван, но предал их. Таков был его выбор, такова была его драма. К сожалению, Стере понял это лишь на закате своей жизни.

Рис. 28. Памятник К. Стере на Аллее Классиков в Кишиневе

ПАНТЕЛЕЙМОН (ПАН) НИКОЛАЕВИЧ ХАЛИППА

(25 ноября 1918 г. – 27 ноября 1918 г.)

Рис. 29. П.Н. Халиппа

Молдавская Демократическая Республика, хоть никем и не признанная, но просуществовавшая все же два месяца, была уничтожена руками К.Г. Стере, румынского политика и бывшего бессарабца, эмиссара румынских властей в крае, по их же поручению. И сделано это было путем проведения голосования «Сфатул цэрий» об «условном» присоединении Бессарабии к Румынии.

Однако для полной победы панрумынизма и окончательной ликвидации молдавской государственности не хватало лишь последнего завершающего шага – роспуска самого этого органа, облегчившего румынам оккупацию края. Конечно же, в мире его никто не признал. «Сфатул цэрий»

был жалким придатком оккупационного военного командования, да и часть его членов была расстреляна самими румынами, а часть – выслана ими за Днестр или бежала сломя голову от «освободителей» из-за Прута.

Но самое существование неких «представителей» местного населения, что-то пролепетавших об «условности» присоединения края к румынскому королевству, могло стать помехой для румынских дипломатов. Ведь они всерьез намеревались добиваться у стран-победителей в Первой мировой войне, прежде всего Англии, Франции и США, признания законности своей оккупации этой российской территории. Причем территории страны, которая была союзницей Румынии по Антанте и в 1916 г. спасла ее от полного и окончательно разгрома германцами и австро-венграми. А потому сам «Сфатул цэрий» должен был «самостоятельно» объявить о «безусловном» присоединении Бессарабии к Румынии, чтобы затем раз и навсегда, так же безусловно, исчезнуть.

Эта ответственная миссия по выполнению последнего акта сценария «унири» (объединения) теперь поручалась местному уроженцу и достойному ученику Константина Стере, новому председателю «Сфатул цэрий» П.Н. Халиппе. Правда, побывал он на посту самозванного руководителя молдавского народа рекордно короткий срок – всего лишь два дня. Таковы бывают улыбки истории. Хотя в данном случае лучше все-таки сказать, не улыбки, а гримасы.

Пантелеймон (он любил, когда его называли не Пантелеймон, а Пан) Халиппа родился 1 августа 1883 г. в селе Куболта Сорокского уезда Бессарабской губернии (ныне это Флорештский район РМ). Он прожил долгую жизнь, не дотянув до своего столетия буквально считанные годы – умер в 1979 г. Семья, в которой родился будущий «Пан», была небогатой, впрочем, и не пролетарской, но грамотной: отец, Николай Иванович Халиппа, служил стихарным пономарем в сельской церкви Святой Елисаветы и учительствовал в местной школе, а мать, Параскева Дмитриевна, дочь священника из села Гоздово, растила детей. Их в семье было пятеро: Иван, Мария, Казуния, Наталья и Пантелеймон.

Свое образование будущий молдавский «калиф на час» (по сути, председатель никем не избранного парламента на двое суток) стал приобретать в начальной школе родного села. Затем посещал занятия на курсах в Единецкой духовной семинарии, а после – в Кишиневской духовной семинарии. Наконец, после семинарии для получения высшего образования в 1904 г. Халиппа поступает в Юрьевский университет (ныне Тартуский университет в Эстонии). Здесь, как мы уже говорили, было немало выходцев из Бессарабии, в том числе и студентов из более или менее обеспеченных молдавских семей.

В это время в университете действовало созданное еще в 1899 г. землячество студентов-бессарабцев, которое возглавлял активный в будущем унионист Ион Пеливан. Студенты установили связи с румынским кружком «Бессарабец», который регулярно обогащал их библиотеку присылаемыми из королевства румынскими книгами, журналами и газетами. В своих литературных диспутах и на вечерах они обсуждали прочитанное, дебатировали, дискутировали и, оторванные от реальной жизни бессарабской своей родины, постепенно втягивались в проблемы общественно-политической жизни этой страны.

Когда из-за революционных выступлений студенчества в 1905 г. власти временно закрыли университет, Халиппа вместе с другими бессарабцами возвращается в Кишинев и окунается в атмосферу «пробуждающегося от спячки» местного общества. Установив связи с неко-

торами сотрудниками бессарабского земства, приехавшие на родину студенты создают в конце 1905 г. «Общество молдавской культуры», которое выдвинуло требование преподавания на молдавском языке в школах, использования его в государственных учреждениях, суде, земстве. И это было в духе времени.

Но когда, пользуясь революцией в России, из Румынии в Бессарабию стали прибывать деятели румынской культуры и возвращаться бывшие бессарабцы левых взглядов, овеянные народнической славой «борцов за народное счастье» (К. Стере, З. Ралли и др.), студенты стали объединяться вокруг них как вокруг многознающих мэтров. Они тут же реорганизовали свой кружок в «Центральный комитет культурной лиги бессарабских румын». В это объединение, руководимое Константином Стере, кроме П. Халиппы, вошли Е. Гаврилицэ, И. Пеливан, В. Оату, С. Кужбэ и др. Сгоряча неопытные комитетчики даже написали и стали распространять в крае воззвание с призывом к молдаванам покинуть Бессарабию и переезжать в Румынию. Соседнее королевство ими объявлялось родиной всех румын, включая молдаван. Но очень скоро эти люди одумались. Пришлось менять и тактику.

Мы уже раньше отмечали, что планы Стере и других румынских эmissаров разжечь в бессарабской среде ненависть к русским и любовь к румынской «матери-родине» потерпели полный крах. Местное население оставалось абсолютно равнодушным к этим потугам, и румынский королевский десант вынужденно вернулся восвояси, совершенно напрасно потратив огромнейшие деньги, выделенные Бухарестом на разжигание сепаратизма в Бессарабии. Молдаване, уж не говоря о прочих этносах многонационального края, были совершенно невосприимчивы к пропаганде русофобских идей, чаще всего даже не понимая, о чем вообще идет речь.

Тем не менее зерна, засеянные на бессарабской почве румынскими агентами, не погибли. П. Халиппа с мая 1906 по март 1907 года издавал газету «Basarabia», название которой печаталось по-румынски, а все тексты – на молдавском языке кириллической графикой. Однако и в таком виде газета не привлекала читателей. Хотя ее тематика была в целом разумной и демократичной – газета призывала молдаван активно участвовать в политической жизни России, настаивать на автономии Бессарабии в составе России, требовать введения в школах обучения на молдавском языке и т.д.

Прорумынские идеи в газете, конечно, проскальзывали, но уж очень осторожно. Намеки на необходимость присоединения Бессарабии к Румынии были настолько расплывчатыми и туманными, что

воспринимались лишь узким кругом своих людей. Читателям было совершенно непонятно, например, что означает призыв «соединить все силы» в братском порыве. А непонятливым всегда можно было объяснить, что речь идет о соединении всех демократических сил России в борьбе за лучшую жизнь простых людей. Истинные цели «объединения всех сил» понимали только свои.

Однако, в конце концов, никакие финансовые вливания из соседней страны не помогли удержать газету на плаву; ее просто не покупали, она была неинтересна в крае никому. От одиозных названий своей организации вроде «Культурной лиги бессарабских румын» пришлось отказаться еще раньше. Сочли за благо объявить о создании «Молдавской национал-демократической партии» без всяких «румын». Вместе со своими единомышленниками Халиппа стал действовать более осторожно, объявляя, что партия добивается автономии Бессарабии в составе России, для чего предлагает создать в крае местный орган власти вроде главного Верховного совета, или «Сфатул цэрий». И, надо сказать, эта замечательная идея, высказанная ранее его учителем, К. Стере, не канула в Лету.

Впрочем, Молдавская национал-демократическая партия существовала без четкой социальной программы, без своих взглядов на решение вопроса о земле, без своих представлений о свободах, о демократическом управлении страной. «Партия» не имела своих выборных руководящих органов и не имела никакого понятия о количестве своих членов или даже сочувствующих. А без ясной организационной структуры, никак не оформленная юридически, МНДП представляла собой не более чем аморфную кучку знакомых друг с другом интеллигентов, которые жили своими мечтами, мифами и позывами, не имеющими ничего общего с окружающей реальностью. К Первой русской революции, к борьбе рабочих Бессарабии за человеческие условия труда, к борьбе крестьян за землю, к борьбе молодежи за свободу и демократизацию политической жизни общества ни сам Халиппа, ни его «партия» никакого отношения не имели.

С окончанием Первой русской революции в 1907 г. деятельность этой «партии» полностью прекратилась. Но верный ученик Константина Стере, Пан Халиппа продолжал верить в возможность включения Бессарабии в состав Румынского королевства и пытался не дать распасться сложившейся кучке прорумынски настроенных единомышленников. С этой целью и с помощью целевого финансирования из-за Прута он несколько лет – с 1913 по 1917 г. – издает газету «Кувинт молдовенеск», в которой уже не было ни латиницы, ни даже намеков на румыноунионистские настроения.

Рис. 30. Сотрудники газеты «Кувинт молдовенеск»

Нельзя не отметить, что статьи Халиппы, предназначенные для молдавских читателей, как и статьи других его сотрудников, писались на народном молдавском языке, а сама газета имела подзаголовок «Для нужд молдавского народа в Бессарабии». В газете вовсе не чуврались этнонима «молдовень» или «нородул молдовенеск», глотонима «лимба молдовеняскэ», а сам редактор в общении с окружающими всегда оперировал обращением «Братья молдаване!». И это, конечно, не случайно — Халиппа уже имел до этого совсем не победный опыт в навязывании румынизма своим соотечественникам. Он, человек далеко не глупый, умел учитывать свои ошибки и научился в новой коже принаравливаться к окружающему социально-политическому ландшафту.

Но звездный час его политической деятельности близился. Он пришел в период Февральской революции в России, во времена свержения в стране монархии и установления демократической республики.

Уже 13 марта 1917 г., через две недели после отречения Николая II от престола, Халиппа созывает в редакции газеты «Кувинт молдовенеск» экстренное заседание своих единомышленников, на котором было принято решение вспомнить давно всеми забытое «Общество распространения молдавской культуры», чтобы его реанимировать.

Решили также усилить его людьми авторитетными и богатыми, пригласив в его состав архимандрита Гурия, крупных землевладельцев и коммерсантов В. Херца, П. Горе и прочих. Общество должно было немедленно приступить к написанию, печатанию и распространению пропагандистских материалов «национального» характера. Только вот что скрывалось под словом «национальный»?

Перед Халиппой встала воистину титаническая задача, решение которой было по силам разве что иезуитски изощренному уму. Понимая, что основная цель его политической деятельности – присоединение многонациональной Бессарабии к Румынскому королевству – не встречала и не встретит в народе никакого сочувствия и поддержки, он должен был искусно завуалировать эту цель какой-нибудь революционной демагогией. Одновременно ему надо было спешно сколачивать все националистические силы в единый кулак, который мог бы в будущем пригодиться и повернуть события нужным образом для достижения этой цели в самый решающий момент. Не говоря вслух о Румынии, надо было объединять всех возможных сторонников «унири» в рядах какой-то политической организации, лучше всего – партии.

2 апреля 1917 г. Халиппа публикует в своей газете пространную редакционную статью под названием «К борьбе за объединение». В ней он очерчивает все основные контуры и программные положения будущей национальной партии. По словам Халиппы, после падения самодержавия в России все молдавские патриоты получают удобную возможность стать полными хозяевами края, в чем им поможет создаваемая Молдавская национальная партия (МНП). Эта партия будет добиваться молдавской автономии и молдавского самоуправления в Бессарабии. Для этого в будущее Учредительное собрание России должны быть посланы от края только депутаты молдавской национальности. Во всех местных органах власти депутатские места должны быть только для молдаван; да и то – не для всех, а лишь для тех, кого поддержит создаваемая им партия.

Понятное дело, МНП будет добиваться создания молдавских школ, ведения богослужения на молдавском языке, перевода делопроизводства на молдавский язык, создания молдавского судопроизводства. Халиппу совершенно не смущало, что все это он предлагает ввести не в моноэтническом округе, а в Бессарабии, в многонациональной губернии, где молдаване по Всеобщей переписи составляли менее 48% всего населения. Следовательно, этнические конфликты неизбежны и даже желательны. Но важно другое.

Слово «Румыния» ни разу в статье «К борьбе за объединение» упомянуто не было. Следовательно, речь шла как бы не о передаче своей

родины румынскому королю, а о борьбе за объединение молдаван против всяких ненавистных «инонационалов» и прочих «понаехавших тут». Но, как впоследствии признавался журналист и член «Сфатул цэрий» Владимир Богос, уже тогда, весной 1917 г., лидеры МНП выступали не за ограниченную и даже не за широкую автономию Бессарабии в составе России, а только за присоединение края к Румынии. Халиппа прекрасно осознавал и свою цель, и наиболее верные пути к ней. Ничего вернее элементарного обмана для выбранного пути нельзя было и придумать. Это он понял по результатам своей работы и в период революции 1905 г., и в последующее десятилетие.

А люди наивные этого не понимали. В конце марта 1917 г. в Одессе, например, местный 72-летний одесский миллионер Василе Строеску вместе с неким штабс-капитаном Катели создает «Общество молдаван» с целью вовлечь в него как можно больше молдавских солдат, призванных в русскую армию из Бессарабии и Левобережья Днестра. А через несколько дней на базе этого общества объявили о создании «Молдавской прогрессивной партии», главной целью которой (наверное, не от большого ума) ее основатели провозгласили перевод молдавского языка со славянской графики на латинскую. Ну и результат: солдаты-молдаване остались настолько равнодушными к такой цели, что создателям партии удалось наскрести лишь пять десятков ее членов.

П. Халиппа таких явных ошибок больше не допускал. Правда, и у него не все шло гладко. Объявив в начале апреля 1917 г. о создании МНП, он понимал, что партии создаются какими-то съездами, конференциями или другими представительными собраниями единомышленников, которых у него среди местного населения были считанные единицы. Поэтому его собственная газета «Кувинт молдовенеск» скромно сообщила: «Кучка молдаван посоветовалась и постановила создать объединение, которое назвала Молдавской национальной партией». Об этом же впоследствии писали и другие его соратники в своих воспоминаниях: «Точных данных о том, каким образом была создана национальная партия, мы не имеем, и ее начало необъяснимо».

Почетным председателем партии эта «кучка молдаван», посоветовавшись между собой, постановила считать толстосума В. Строеску, одного из богатейших землевладельцев края. Этот человек уже долгое время субсидировал национальное движение (как понимали прозорливые люди, средствами, которые шли от румынских властей). Но председателем и фактическим руководителем МНП стал полковник российской армии, ненавидевший все русское, Павел Горе, фанатич-

ный румынофил. А вот осторожному и хитрому П. Халиппе досталось скромное третье по значимости место генерального секретаря. Через неделю влилась в МНП и Молдавская прогрессивная партия, сразу же прекратив свое мимолетное существование. «Кучка буржуев-молдаван из Кишинева», как называли крестьяне «объединенную» национальную партию, вскоре заявила миру о своих программных целях. Что же посулила народу эта партия?

Согласно опубликованной Халиппой программе, преподавание в школах всех степеней в Бессарабии будет вестись только на молдавском языке. В делопроизводстве и государственной жизни единственным языком станет молдавский, да и вся жизнь в Бессарабии должна строиться «в согласии со старыми обычаями». Никто не свете не смог бы объяснить, что именно подразумевала программа партии под этими «старыми обычаями»: обычное неписаное волошское право дофеодалных времен? «Уложение» Василия Лупу? кодекс Арменопуло? другие законы византийского права? или Хатти-шерифы турецких султанов? По вопросу о государственном устройстве программа туманно выступила за автономию Бессарабии, дословно: «и в будущем связанную с Россией законами общегосударственного характера».

Еще меньше ясности было с вопросом о земле – главным вопросом, занимавшим умы крестьянства Бессарабии. Программа пообещала дать землю крестьянам. Но не всем. А только крестьянам-молдаванам. Причем совершенно непонятно, как эта партия собиралась землю «дать»: то ли в аренду, то ли в собственность, то ли бесплатно, то ли за выкуп. А если за плату, то за какую? Но все неясности касались только молдавских крестьян, другим крестьянам и этого не обещалось. Такая программа стопроцентно обеспечивала будущие кровавые конфликты, национальную рознь и общественное неустройство. Дележ земли, исходя из национальных признаков владельцев, сам по себе программировал в многонациональной Бессарабии этнические побоища и реки крови.

Фактически Халиппой вместе с его «кучкой буржуев-молдаван» был сделан важный шаг к разжиганию аграрных и национальных конфликтов, к доведению их до уровня гражданской войны. И делалось это сознательно, в расчете на возможное умиротворение затем этих конфликтов румынскими войсками. А лозунг партии «Бессарабия для бессарабцев!» сопровождался требованиями «о воспрещении колонизации Бессарабии». При этом молчаливо учитывалась возможность и даже желательность колонизации Бессарабии в будущем румынскими войсками. Поэтому связи с румынскими органами власти и политиче-

скими деятелями руководство МНП расширяло с каждым днем – даже секретарем по организационным вопросам партии был назначен трансильванский румын Онисифор Гибу, убежденный и яростный борец за создание «Великой Румынии».

Основанная Халишпой партия развернула самую широкую деятельность по привлечению «к борьбе за объединение» наиболее активные слои местного общества – молдавских учителей, молдавских военно-служащих, офицеров и солдат, и, конечно, молдавских крестьян, ожидавших от русской революции земли и воли. На губернском съезде народных учителей в середине апреля 1917 г. Халиппа энергично призывал делегатов действовать в духе программы МНП и даже попытался рассорить учительство по этническим признакам, но потерпел полную неудачу. Почти 800 делегатов единодушно приняли резолюцию: «Съезд признал, что Бессарабия должна быть в неразрывной тесной общегосударственной связи с Великой свободной демократической Россией, в которой права всех национальностей будут одинаково обеспечены».

Такого удара от молдавской интеллигенции Халиппа явно не ожидал. Но надежд не терял. В мае он посылает своих эмиссаров на уездные учительские и на крестьянские съезды. С тем же результатом. Один из его агитаторов, встречая в Оргеевском уезде открытую враждебность крестьян к идеям МНП, писал в отчете в Кишинев: «Горько и обидно, даже теряешь уверенность в полезности работы, когда наши же люди, молдаване, проявляют недоверие к Халиппе». А крестьяне Криулянской волости в своей резолюции написали как будто в назидание руководителю и вождю МНП: «Молдавское население считает гибельным для Бессарабии выделение ее в особую политическую единицу, признавая, что только полное слияние Бессарабии с демократически управляемой Россией поможет процветанию».

О полном провале идей МНП в крестьянской среде сообщал Халиппе и другой деятель МНП, В. Казаклиу: «Факты из Бессарабии изо дня в день свидетельствуют, что наш народ очень далек от наших национальных идей: мало того – он даже не хочет их разуместь, отбрасывает их от себя. Это очень ярко проявилось на крестьянском съезде в Бельцах... Солдаты-молдаване и наши крестьяне арестовывают пропагандистов Молдавской национальной партии из Бельц. Достаточно было сказать, что нам, молдаванам, нужна автономия, как тебя арестовывали. Даже господин Валуца был арестован. На съезде не смогли выступить с докладом об автономии... Молдавский народ считает нас своими врагами».

Рис. 31. Почтовая марка
Молдовы

Очевидно, и сам Халиппа уже давно понял, что молдаване считают самого Пана и его партию своими врагами. А ведь Халиппа о Румынии старался даже не заикаться, ввиду смертельной опасности пропаганды «унири» в какой бы то ни было форме в гуще простого народа. В июне 1917 г., чтобы как-то привлечь крестьянские симпатии, Халиппа добивается вывода из ЦК партии одиозных помещиков Херца и Горя, пытается внести поправки в неко-

торые пункты аграрной программы. Но тщетно. Молдавские крестьяне не воспринимали его идеи.

На ноябрьских выборах в Учредительное собрание России в Бессарабии голосовало 600 тыс. избирателей. Большевики здесь не получили полной поддержки. Но при этом за большевиков в Кишиневе было подано 5500 голосов, а за депутатов от МНП – 400. Всего за представителей МНП было подано немногим более двух процентов голосов избирателей. А в некоторых городах и селах они не получили вообще ничего, несмотря на щедрые денежные вливания, которые текли им на избирательную кампанию из-за Прута. Понимая полный политический крах своих целей и начинаний, Халиппа баллотировался в высший законодательный орган России не по спискам МНП, а по спискам Крестьянского союза Партии социалистов-революционеров. Ни один депутат от МНП не получил достаточного количества голосов от населения края. Это был полный политический провал национализма в крае, абсолютный срыв искусной сети прорумынских политических интриг, которые так увлекали П. Халиппу в эту эпоху.

Отдавая себе отчет в том, что достичь своих целей, используя институты демократии, никак не удастся, Халиппа, никогда не служивший в армии, все свои надежды начинает возлагать на военную силу. В июле 1917 г. руководство МНП создает Центральный молдавский военно-исполнительный комитет, руководителем которого был поставлен Г. Пынтя, бывший офицер российской армии и будущий член «Сфатул цэрий», военный министр Молдавской Демократической Республики. Халиппа понимает, что другого пути, кроме как вооруженного захвата власти, для реализации его планов нет. Единственный вариант –

захватить власть силой, опираясь на поддержку румын, и передать румынам.

С этой целью Халиппа и другие руководители МНП в 20-х числах октября 1917 г., в дни подготовки и проведения большевистского восстания в Петрограде, собирают в Кишиневе военно-молдавский съезд, на который сами же отбирают делегатов из числа известных им военных-молдаван, главным образом, контрреволюционного офицерства. Съезд провозгласил автономию Бессарабии в составе России (хотя никто его на это не уполномочивал и таких прав он просто не имел). Съезд создал и орган государственного управления Бессарабией – «Сфатул цэрий». Было решено, что он будет состоять из 120 бессарабских «депутатов»; резервировалось и 10 мест для «заднестровских молдаван».

Теперь успех дела зависел от того, кто будет включен в состав «Сфатул цэрий». Важно было подобрать людей, которые не просто были бы близки к идеалам МНП, но и стали бы безоговорочно проводить нужную политическую линию. В специальную комиссию по подбору депутатов будущего «парламента» вошли руководители МНП: П. Халиппа, П. Ерхан, И. Буздуган, И. Инкулец, Т. Ионку. Именно они взяли на себя смелость вершить судьбу молдавского народа, не спрашивая на то его согласия, более того, отлично понимая, что они действуют вопреки воле и желаниям молдаван.

Первое заседание «Сфатул цэрий» намечалось открыть в Кишиневе 26 ноября 1917 г. Но стало известно, что 22 ноября Кишиневский совет рабочих и солдатских депутатов примет резолюцию в поддержку Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным. Как прямо заявил И. Инкулец, «Если бы не выступления большевиков, с открытием «Сфатул цэрий» не спешили бы». К тому же большинство местных Советов края уже признали власть СНК и претворяли в жизнь декреты Ленина о мире, о земле и другие законы новой власти. Поэтому «Сфатул цэрий» собрался на свое первое заседание 21 ноября и объявил себя правомочной властью в Бессарабии, которая действует по законам Временного правительства, уже месяц просто не существующего.

Интересно посмотреть, как вел себя в эти дни, что чувствовал Пан Халиппа, избранный заместителем председателя краевого совета. Через три дня после открытия первого заседания «Сфатул цэрий», 24 ноября, он получил многостраничное послание от некоего С. Кулика, который назвал свое письмо «Мысли царанина» и подписался человеком «из низов, из народа, из деревни», подчеркнув, что обращается к Халиппе, «как к отцу “Сфатул цэрий”». Автор этого письма понимал, что «государственности без сильной власти не может быть».

Но поскольку «Сфатул цэрий» еще не имеет своей армии, он рекомендовал подавлять анархию «при помощи русских войск и казаков или отрядов болгар юга Бессарабии с использованием сочувствующих элементов на местах». Никаких симпатий при этом к русским войскам автор не питал.

Полагая, что «смертельная опасность для нас — интернационализм», Кулик рекомендовал выборы в «Сфатул цэрий» проводить «искусственно». Так, чтобы в нем оказались «желательно, сливки нации, патриоты». Правда, он отмечал, что «связь с Россией впиталась в сознание народа всей Бессарабии, всех наций» и не учитывать это нельзя. Но считал, что «наше национальное дело закончит Украина, с которой всегда необходимо поддерживать дружбу»; только она сможет окончательно отрезать край от России.

Именно эти мысли, эти надежды были близки и понятны Халиппе в те дни. Он так и написал, прочтя это письмо: «Давно не чувствовал такого душевного удовлетворения, как сейчас, после прочтения этого послания человека, которого не знаю. Если бы он был в «Сфатул цэрий», не было бы страха за его судьбу и, главным образом, за судьбу Страны». Но настоящее душевное успокоение Халиппа получил лишь через несколько недель, при вводе румынских войск на территорию Бессарабии в середине января 1918 г. Бесцеремонная и вероломная оккупация его страны соседней державой придала ему импульс уверенности и даже агрессивности.

Правда, ввод румынских войск в Бессарабию донельзя накалил политическую обстановку в крае, вызвав массовые протесты, вооруженное сопротивление и ненависть жителей к предателям их родины, лидерам «Сфатул цэрий». В какой-то момент это массовое движение снова напугало Халиппу. Он поспешил выступить с заявлением. Говоря, что «нас постоянно обвиняют в ...румынской ориентации», он торжественно провозгласил: «Сфатул цэрий» заявляет, что не видит Бессарабию в ином соглашении, чем с Российской Федеративной Республикой... Ориентация на Россию единственная приемлемая для нас». А «слухи о прорумынской ориентации» он назвал даже «очернительскими». К этому заявлению официальная газета «Сфатул цэрий» опубликовала большую статью, в которой заверила молдаван, что «русский и молдавский народы вместе строят свое благополучие» и что «для Молдавской Демократической Республики Прут должен стать... политической границей».

Вечером 18 (30) января в уже оккупированном румынами Кишиневе открылся III Бессарабский губернский съезд Советов крестьянских

депутатов. Лидер МНП приветствовал делегатов от имени своей партии как директор газеты «Кувинт молдовенеск». Халиппа заявил, что задачи, поставленные его партией в начале русской революции, уже выполнены: «Бессарабия вырвана из лап Петрограда и объявила себя Молдавской республикой». Однако успокаиваться рано, поскольку «богатая и красивая» Бессарабия впала в «анархию».

По мнению Халиппы, «молдаване и бессарабцы других национальностей... по призыву так называемых большевиков, которые фактически являются теми же солдатами-дезертирами, ворами, жуликами и злоумышленниками, взялись за опустошение своей страны, уничтожая и грабя боярские имения, растаскивая собранный хлеб со складов, без сожаления рубя леса и убивая друг друга как дикари за добычу». Но молдавские крестьяне по совету Халиппы «должны стоять на страже революции и как можно быстрее начать борьбу с большевизмом и его сестрой – анархией». Интересная деталь: пламенные речи Халиппы о необходимости защиты «завоеваний революции» никакого беспокойства у румынских офицеров армии монархической страны не вызвали. Офицеры все понимали правильно.

Однако на этом же съезде были арестованы те делегаты, кто выступал против румынской оккупации края и за независимость Молдавской республики. Молдаване В. Рудьев, В. Прахницкий, Т. Которос, И. Панцырь и украинец П. Чумаченко были сразу же расстреляны карателями. Была убита и член «Сфатул цэрий» от меньшевистской партии Н. Гринфельд, редактор газеты «Свободная Бессарабия» народный социалист Н. Ковсан. Никто из них не был большевиком, не признавал правительство Ленина, более того, они даже активно критиковали большевиков. Вся их «вина» состояла лишь в страстных протестах против оккупации и выступлениях за сохранение самостоятельности Молдавской Демократической Республики.

По мнению некоторых бывших бессарабских земцев, румыны расстреляли этих членов «Сфатул цэрий» по наводке тех главарей этой организации, которым несчастные защитники независимости очень мешали. Как писали земцы, «эти элементы подтолкнули командный состав румынской армии на расстрел своих бывших сотоварищей... Таким путем они свели счеты с теми, кто пытался раскрыть их предательство». Если это так, то кровь единомышленников и соратников Пана Халиппы лежит не только на румынской военщине, но и на его совести.

Однако убийство руками румынских карателей своих нестойких соратников было мелочью по сравнению с той упрямой настойчивостью, с которой Халиппа втягивал в румынское лоно молдавский народ, все

население многонациональной Бессарабии. На заседании «Сфатул цэрий» в середине января 1918 г. Халиппа предложил отказаться от созыва Учредительного собрания края, а спустя несколько дней было принято решение и о выходе Бессарабии из состава России. Это прямо противоречило даже законотворчеству самого «Сфатул цэрий»: по его же декларации о создании Молдавской Демократической Республики, принятой 2 декабря 1917 г., такое решение имело право принять только Учредительное собрание.

Вездесущие румыны видели и ценили рвение Халиппы в деле оправдания и узаконивания оккупации края. После спектакля голосования «Сфатул цэрий» об «условном» присоединении Бессарабии к Румынии 27 марта (9 апреля) 1918 г. в Яссы на торжества были приглашены по этому случаю председатель «Сфатул цэрий» И. Инкулец и его заместитель П. Халиппа. Правда, самую высокую награду получил все же К. Стере. Но, когда румыны отодвинули Инкульца и поставили во главе «Сфатул цэрий» более надежного человека – Стере, заместитель был оставлен прежним. Это еще больше укрепило желание Халиппы «оправдать высокое доверие».

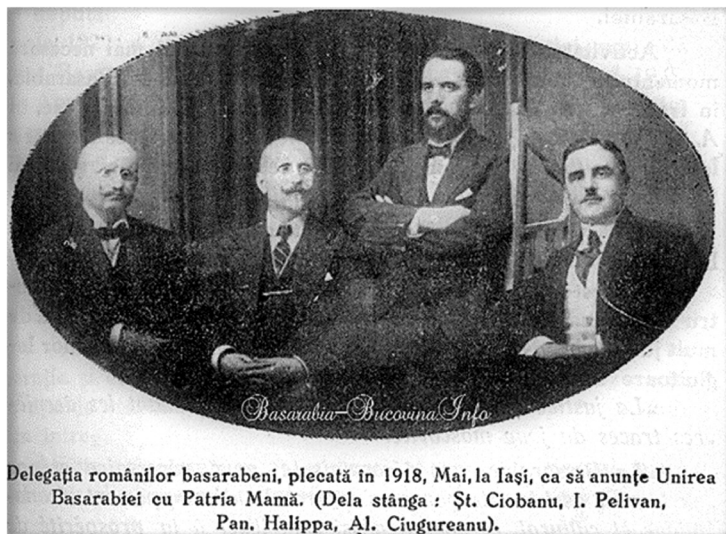

Рис. 32. П. Халиппа в столице Румынии г. Яссы (май 1918 г.)

Он стремился как можно тщательнее подготовить заключительный акт по узакониванию оккупации Бессарабии и приданию легитимно-

сти насильственному включению края в состав королевской Румынии. Ведь в Бухаресте отлично были осведомлены о всеобщей ненависти бессарабцев к румынским оккупантам даже в среде националистически настроенных депутатов «Сфатул цэрий». Поэтому от Халиппы требовалось дальнейшее очищение этого органа от нестойких соратников.

С мая по ноябрь 1918 г. около двух десятков членов «Сфатул цэрий» были выведены по разным причинам из его состава, главным образом из крестьянской фракции и фракции национальных меньшинств. Подготовка остающихся депутатов «Сфатул цэрий» к голосованию о «безусловном» присоединении Бессарабии к Румынии шла полным ходом и была очень важна для румын. Их дипломаты пытались убедить на Парижской мирной конференции великие державы в том, что бессарабцы счастливы под властью румынского короля и не желают иметь никаких «автономий». Бессарабцы буквально требуют лишить их всяческих автономных прав!

А все было с точностью до наоборот. 20 ноября 1918 г. группа членов «Сфатул цэрий» подписала и направила румынскому правительству в Бухарест «Меморандум», где выдвинула ряд ультимативных требований по коренному изменению положения края в составе королевства. Эти люди, голосовавшие несколько месяцев назад за «условное» присоединение, ныне констатировали: «В обнищавшей, полуголодной, некогда цветущей Бессарабии при полном хозяйственном расстройстве страны насильственно убивается элемент общественности и общественного контроля, душатся все гражданские свободы, нарушается неприкосновенность граждан и представителей народа, чинится грубый произвол над населением края различными правительственными агентами, пришедшими на смену бывшим служащим, коренным жителям и уроженцам Бессарабии, и, наконец, попираются права национальных меньшинств, искусственно создавая национальную рознь и вражду между некогда дружественными и братски сложившимися народами. Это заставляет нас особенно строго отнестись ко всему этому и выразить правительству свою твердую волю». Неслыханно! Депутаты посмели диктовать румынам условия!

Поставленный членами «Сфатул цэрий» вопрос о выходе Бессарабии из состава Румынии вызвал панику в правящих кругах, но в большей степени – негодование и желание действовать решительно. Прежде всего, следовало закрыть «Сфатул цэрий» как таковой. Для свершения акта ликвидации последних иллюзорных атрибутов молдавской государственности Константин Стере был отозван в Бухарест.

Председателем «Сфатул цэрий» 24 ноября 1918 г. становится Пан Халиппа, готовый выполнить любые указания власти. 25 ноября корпусной генерал А. Вэйтояну направил Халиппе письмо с предложением обеспечить присутствие всех депутатов «Сфатул цэрий», чтобы зачитать им декрет короля.

Вэйтояну действовал как хозяин. Он собрал членов «Сфатул цэрий» и просто, по-солдатски объявил им: «Я пригласил вас сюда, чтобы поговорить с вами как румын с румынами и поставить вас в известность о положении, в котором сейчас находится бессарабский вопрос. Все наши обсуждения должны остаться между нами... Мы должны прийти в «Сфатул цэрий» с уже готовым решением... Вы должны отказаться от этой автономии. Отказ от автономии нам необходим перед лицом мирной конференции. Мы должны прийти объединенными силами и не давать никакого повода для критики... Я надеюсь, что в данный момент все ваши колебания прекратятся».

Зная об арестах, о расстрелах румынскими военными их коллег из «Сфатул цэрий», депутаты предпочли не возражать, ибо слова генерала: «В противном случае нам придется принять меры!» – никому не оставляли сомнений в его намерениях. Но даже и тут Халиппа до конца не доверял своим коллегам по «Сфатул цэрий». Без всяких обсуждений, даже без формального голосования 27 ноября (10 декабря) 1918 г. председательствующий Халиппа зачитал резолюцию о желательности присоединения Бессарабии к Румынии без всяких условий и ликвидации автономии края. При этом в зале находилось всего 46 членов «Сфатул цэрий».

После зачитания резолюции и при полном отсутствии кворума несколько депутатов попытались выразить свой протест. Но Халиппа никому не дал слова и вызвал генерала Вэйтояну. Тому осталось только прочесть декрет короля о закрытии сессии «Сфатул цэрий». На этом и прекратил свое существование как сам «Сфатул цэрий», так и созданный им Совет генеральных директоров. Халиппа в эти мгновения перестал быть руководителем эфемерной автономии, и его двухдневная карьера на посту «вождя» молдавского народа закончилась так же внезапно, как и началась.

Даже премьер-министр Румынии А. Маргиломан, узнав, как по-будничному и бесславно произошла ликвидация последних остатков молдавской государственности, записал в своем дневнике: «Трио Инкулец-Халиппа-Чугуряну были инициаторами отказа от мартовского акта 1918 г. Несмотря на все истраченные деньги, не набралось и 30 депутатов, чтобы за это решение проголосовать».

Рис. 33. Депутаты «Сфатул Țэрий»,
 распущенного декретом румынского короля

Другими словами, сами румыны поставили бы «двойку» своим агентам за выполненную далеко не блестяще работу, ибо огромные средства, вложенные в пристегивание края к своей упряжке, должны были, по их разумению, венчаться фанфарами и всеобщим народным ликованием по поводу его оккупации. А этого-то и не было. Наоборот, Румыния столкнулась с ненавистью, презрением и борьбой местного населения за свое освобождение.

Даже среди депутатов самого распущенного «парламента» зазвучала голоса протеста. В своем заявлении они писали:

«Мы, нижеподписавшиеся депутаты «Сфатул Țэрий», в интересах разоблачения невиданного и недопустимого политического шантажа, насилия и фальсификации постановили составить акт о нижеследующем: 25 ноября 1918 года по инициативе «Молдавского блока» было назначено открытие сессии «Сфатул Țэрий» без заблаговременной публикации в газетах и рассылки повесток, о чем была поставлена в известность лишь группа депутатов «Молдавского блока». Истинность намерений «Молдавского блока» была замаскирована заметкой, помещенной в официозе Совета директоров газете «Сфатул Țэрий» в румынском издании (№ 189 от 26 ноября, вышедшего к вечеру 25 ноя-

бря), где было указано, что «Сфатул цэрий» будет созван «завтра» или «послезавтра». Таким образом, все остальные парламентские группы совершенно не были оповещены об открытии».

Но мелкие интриги и махинации при подготовке созыва последнего заседания этого органа власти не идут ни в какое сравнение со всей обстановкой его проведения. А обсуждение аграрного законопроекта, которое стояло в повестке дня, осуществлялось так:

«Заседание, начавшееся около 8 часов, к часу ночи утомило значительную часть депутатов, вследствие чего число депутатов более и более уменьшалось. В два с половиною часа ночи, по окончании чтения законопроекта, без всякого предупреждения председательствующим Халиппой была прочтена резолюция о желании присоединения Бессарабии к Румынии без всяких условий, уничтожения автономии Бессарабии. В зале заседания находилось всего по подсчету 46 депутатов. Часть депутатов начала аплодировать, заглушая вопрос председательствующего – кто против, кто воздержался. «Принято единогласно», – заявил председательствующий г-н Халиппа. Представители части депутатов крестьянской фракции, протестуя, просят слова для заявления. Председательствующий Халиппа слова не дает, и акт величайшей государственной важности считается решенным при полном отсутствии кворума (46 депутатов, из которых часть во главе с депутатом Бучушканом выражала свой протест). Вызванный затем по телефону генеральный комиссар генерал Вэйтояну по прибытии своем немедленно прочел королевский декрет о закрытии сессии «Сфатул цэрий». Произошло это уже в пять с половиной утра.

Подтверждая своими подписями правдивость изложенных обстоятельств, нижеподписавшиеся депутаты «Сфатул цэрий», получившие полномочия от различных парламентских групп на составление настоящего акта, считают все постановления «Сфатул цэрий» сессии 25–26 ноября 1918 г. ввиду допущенных явных правонарушений, граничивших с обманом, недействительными, незаконными и со всей энергией протестуют против отказа от автономии, как против акта насилия над волей народов, населяющих Бессарабию».

Конечно, румынских оккупантов, захвативших Бессарабию грубой военной силой, совершенно не интересовали протесты депутатов презируемого ими и только что закрытого ими игрушечного «парламента», созданного их же агентами на их же финансовые средства. Но самое существование таких протестов свидетельствовало о том, что выполненная Халиппой работа была далеко не лучшего качества.

Тем не менее усердие П. Халиппы забыто не было. После окончательной ликвидации молдавской государственности и оформления

«законности» оккупации края он получает высокие государственные должности: становится депутатом парламента Румынии, сенатором и министром. Дважды – министром общественных работ во второй половине 20-х годов, четырежды – государственным министром в 30-е годы; он был также министром труда, здоровья и социальной защиты. Правда, его назначали на малозначачие посты и на весьма непродолжительные сроки, обычно на несколько месяцев, а потом снимали. Румыны в Халиппе просто уже не нуждались, их презрение к своему агенту тоже несложно объяснить.

Отметился Пан Халиппа в общественно полезной деятельности. Он попытался основать в Кишиневе Народный университет и консерваторию со странным для музыкального заведения названием «Униря», был у истоков основания Союза бессарабских писателей и журналистов, а также издательского общества «Лучафэрул». Кроме того, политик занимался творческой деятельностью. Он написал около трех сотен статей, переводов, стихов, а также исторических эссе «Бессарабия до присоединения к России», «Бессарабия при Александре I» и других.

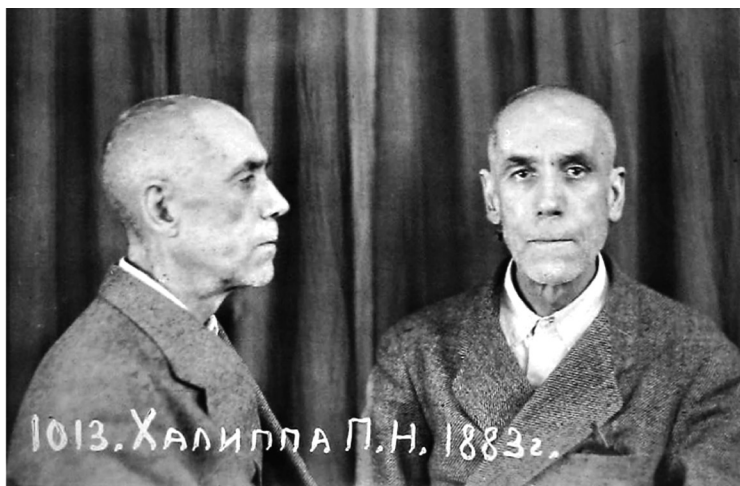

Рис. 34. П. Халиппа в заключении

После войны, в 1950 г., власти социалистической Румынии арестовали Халиппу и выслали в СССР. Здесь как предателя молдавского народа его приговорили к 25 годам заключения. Однако просидел в тюрьме он недолго – через три года состоялась амнистия, его выпустили и отправили восвояси, в боготворимую им Румынию. Правда, и

тут он посидел в заключении до 1957 г. Жил в Бухаресте и через два десятилетия там же умер.

Современные политические и идейные наследники Халиппы в Молдове, убежденные унионисты, не забывают своего кумира. Улицу маршала Р.Я. Малиновского в Кишиневе, освободителя Молдавии от фашистских извергов, они переименовали в улицу П. Халиппы. Его именем названы улицы в Унгенах, Фалештах, Дрокии, Сороках, Окнице. В Кишиневе, в районе бывшего кинотеатра «40 лет ВЛКСМ», на площади Пантелеймона Халиппы сооружен и памятник в его честь. Республика Молдова выпустила и почтовую марку, посвященную Халиппе.

Для современных унионистов обожествленный образ этого человека имеет знаковое значение. Они хотели бы вновь повести молдаван по пути, уже опробованному их идолом. Только вот согласится ли сам молдавский народ еще раз быть обманутым, униженным и растоптанным такими «патриотами» и их хозяевами?

Рис. 35. Памятник П. Халиппе в Кишиневе

АРТУР ВЭЙТОЯНУ

(13 июня 1918 г. – 27 ноября 1918 г.)

Рис. 36. А. Вэйтояну

Наверное, проницательный читатель давно понял, что ни И. Инкулец, ни К. Стере, ни тем более, молдавский «калиф на час» П. Халиппа, как и прочие руководители «Сфатул цэрий», не были, да и не могли быть полными правителями молдавского народа в период перевода края из системы российской государственности в систему Румынского королевства. Тем более, не обладали никакой властью в оккупированной румынами Бессарабии в 1918 г. В лучшем случае, они были послушными марионетками в руках оккупационных властей, выполнявшими распоряжения свыше. И нам, очевидно, есть смысл познакомиться с тем,

кто был истинным хозяином положения в крае в 1918 г., с генеральным комиссаром Бессарабии генералом Артуром Вэйтояну.

Впрочем, и «всесильный» военный губернатор Вэйтояну был не самодостаточным диктатором, а подчинялся государственным властям Румынского королевства. Но и они были не самой высшей инстанцией. Давайте попробуем разобраться в этой иерархии. И тогда нам придется начать не с 1918, а с осени 1917 г.

В том году, начиная с ноября месяца, страны Антанты стали подталкивать Румынию к агрессии против Советской России и поощрять ее притязания на Бессарабию. Приход к власти большевистского правительства в Петрограде никак не устраивал намечавшихся «победителей» в Первой мировой войне. 10 ноября правительства Англии и Франции с ведома и согласия США заключили тайное соглашение о разделе сфер влияния и военных действий против России, своего недавнего союзника. Третий пункт подписанной Конвенции гласил: «...Зоны влияния, предоставленные каждому правительству, являются следующими: английская зона – казачьи области, Кавказ, Ар-

мения, Грузия, Курдистан; французская зона – Бессарабия, Украина, Крым».

О целях этой Конвенции можно судить по письму французского политика Пьера Шантреля своему премьер-министру Жоржу Клемансо: «Берлин всячески содействует сепаратистским движениям для того, чтобы создать себе на Востоке новых политических и экономических клиентов. У Антанты имеется полное основание действовать параллельно с Германией, чтобы отнять у нее плоды этой работы. Единая и неделимая Россия кончена».

Но, видимо, западные политики были не окончательно уверены в том, что «единая и неделимая» Россия «кончена» раз и навсегда. Предстояло еще много работы, чтобы расчлениить и подчинить своему влиянию бывшего союзника по Антанте. И Бессарабия стала первой территорией, обреченной на оккупацию и ампутацию из тела российского государственного организма.

Неудивительно, что уже в декабре 1917 г. Франция открыла свое консульство в Кишиневе во главе с П. Сааре, который стал координировать действия «Сфатул цэрий», офицерства Румынского фронта, украинских националистов и всех тех, кто начинал борьбу против Советской власти. В свою очередь, консул в Кишиневе выполнял указания американского посла в Румынии Ч. Вопички, а также французского посла А. Сент-Олера и английского посла Д. Барклая, находившихся при штабе генерала Щербачева на Румынском фронте. При Совете генеральных директоров, созданном «Сфатул цэрий», работал полковник д'Альбиа, который служил во французской контрразведке. В распоряжение Совета генеральных директоров в середине декабря из Ясс в Кишинев прибыли военные инструкторы полковник Худолей и полковник Воскресенский для создания молдавских войск.

Эти молдавские национальные войска должны были помочь румынской армии начать наступление против Советской России. План совместного выступления и оккупации Бессарабии готовила межсоюзная комиссия в Кишиневе, созданная в начале декабря. В ее состав входили: от Франции – полковник Генри, от Англии – Смит, от США – Мейер, от Румынии – полковник Гендеску и полковник Лукашевич. Они посвятили лидеров «Сфатул цэрий» в секретные решения, принятые в Яссах о вводе румынских войск в Бессарабию и передали около двух миллионов лей на обеспечение необходимых условий для подготовки оккупации и предотвращение любым способом возможного сопротивления оккупантам со стороны местного населения.

В двадцатых числах декабря румынские военные начали переходить Прут и захватывать селения на левом берегу, бесчинствуя здесь

и расстреливая сторонников власти Советов. В эти дни, 25 декабря 1917 г., консул Сааре дает интервью кишиневской газете «Свободная Бессарабия», в котором заявляет, что в Бессарабию могут вступить чешские, сербские и трансильванские войска «для наведения порядка». И только для порядка. Об этом же твердит французский посол в Румынии Сент-Олер: «Вступление румынских войск в Бессарабию не будет влиять ни на нынешнее политическое состояние Бессарабии, ни на судьбу этой страны в будущем» – мол, введение войск является исключительно военным мероприятием, чтобы облегчить нормальное обеспечение Румынского фронта.

Дальнейшие события очень скоро показали, что это была сознательная ложь с целью успокоить общественное мнение и придать наглой и неприкрытой оккупации более или менее приемлемое объяснение. В первой декаде января 1918 г. румыны начали продвижение своих войск по линии Унгены–Кишинев, а с востока по линии Раздельная–Бендеры–Кишинев выступили трансильванцы, полк которых был создан и вооружен Центральной Радой. 13 января 1918 г. румынские войска оккупировали Кишинев.

Иными словами, генерал Вэйтояну, действительный, а не марионеточный правитель Бессарабии, поставленный волею судьбы руководителем молдаван в 1918 г., не являлся ни стратегом, решающим какие-то глобальные исторические задачи, ни политиком, вынашивающим определенные политические цели. Он был в этой вертикали различных сил, повлиявших на судьбу молдавского народа, достаточно скромной фигурой простого службиста, аккуратно выполняющего дух и букву полученных указаний. Он был просто командиром оккупационных войск и главой оккупационной администрации. Ни на что более он никогда и не претендовал.

Биография этого человека, посвятившего свою жизнь румынской армии, не отличается какими-то выдающимися военными успехами и блестящими победами на поле брани. Хотя его продвижение по карьерной лестнице было вполне благополучным. Родился будущий генерал в 1864 г. на Дунае, в бессарабском городе Измаиле. В те времена эта часть Южной Бессарабии принадлежала Румынии. После поражения России в Крымской войне по Парижскому миру 1856 г. страны Запада отняли у России устье Дуная с прилегающими территориями и передали эти земли туркам, Османской империи. А когда была создана Румыния, в 1859 г. Южная Бессарабия стала ее частью и была возвращена России только в 1878 г., после русско-турецкой войны, за что, кстати, Румыния получила компенсацию на своем юге – Добруджу.

Вэйтояну окончил военную школу пехоты и кавалерии, а затем Национальный университет обороны им. Кароля I. Прошел все ступеньки карьерной лестницы от младшего лейтенанта (лейтенант–майор – подполковник–полковник–бригадный генерал) до дивизионного и корпусного генерала. Участвовал во Второй балканской войне за раздел Македонии, в которую ввязалась Румыния против Болгарии и которая была быстрой – длилась всего месяц в июле 1913 г. Затем участвовал и в Первой мировой войне. Был награжден Орденом Короны, Орденом Михая Храброго и медалью «Авынтул Цэрий». Дальнейшая его судьба не блистала какими-то озарениями.

С окончанием мировой войны и с отбытием из Бессарабии в ноябре 1918 г. А. Вэйтояну назначается министром обороны Румынии. Затем он попробовал себя и в политике. Как приверженец национал-либеральной партии, основанной Ионом Брэтиану, генерал даже сменил его на посту премьер-министра в сентябре 1919 г., правда, всего на два месяца. В 30-е годы становится советником скандально известного короля, страдавшего сексуальной невосдержанностью, румынского диктатора Кароля II. После окончания Второй мировой войны Вэйтояну был арестован и на несколько лет посажен в румынскую тюрьму Сигет. Умер в 1956 г. и был похоронен рядом с мавзолеем другого румынского военного и политика маршала А. Авереску.

Но нам, конечно, интересна та часть жизни Вэйтояну, когда он фактически подчинил себе оккупированный румынскими войсками край, многонациональную Бессарабию. Какими делами, какими поступками он вписал свое имя в длинную череду вершителей судеб молдавского народа за время своего столь недолгого правления?

Первое, что бросилось в глаза генералу Вэйтояну по приезде в Кишинев, как бросалось в глаза и всем вообще чиновникам и военным, прибывавшим из Старого королевства в оккупированный край, – абсолютная и полная непохожесть Бессарабии ни на одну румынскую провинцию. И язык, и культура, и менталитет населения, его интересы и даже стиль мышления ничего общего не имели с той привычной для них картиной, которую они видели в своей стране. В силу невысокого уровня своего понимания, они усматривали причину столь плачевного для них положения в чрезмерной «русскости» бессарабцев, в том числе и молдаван, которых они называли «бессарабскими румынами». Поэтому ближайшей задачей приведения бессарабцев в «нормальное» состояние, как они полагали, должна стать тотальная и беспощадная румынизация всех сторон жизни местного общества, которое не хотело и всячески сопротивлялось превращению своей родины в румынскую

провинцию. Эту иллюзию в ошибочном восприятии бессарабских молдаван как «обрусевших румын» поддерживали и местные коллаборационисты, находившиеся на содержании румынского правительства.

Рис. 37. Д. Чугуриану

Новоиспеченный министр Румынии от Бессарабии Думитру Чугуриану (побыв два месяца главой правительства МДР, он какое-то время представлял в Бухаресте Бессарабию) потребовал «установления духовной связи» между населением по обе стороны Прута, сетуя на то, что «в Бессарабии не существует национального духа. Этот народ разговаривает по-молдавски с ошибками. Национальный дух следует культивировать, его следует внедрять, особенно интеллектуалам». Взяв за основу этот посыл, оккупанты начали румынизацию с местной знати, с правящего слоя, с политической и культурной элиты Бессарабии. В этой связи генеральный комиссар Бессарабии Артур Вэйтояну решил закрыть Благородное собрание. Но кто

были эти люди, которых «закрывал» генерал?

«Благородное» общество Бессарабии состояло из потомков древних молдавских боярских родов: Кассо, Катакази, Лазо, Доници, Леонарди, Кавалиотти, Кантакузины, Семигравовы, Синадино, Крупенские, Суручану и многие другие. Сюда входила и высшая интеллигенция края: врач Ф.Ф. Чорба, кишиневский городской голова А.К. Шмидт, просвещенные меценаты барон А.Ф. Стюарт и барон А.А. Гейкинг, землевладельцы и финансисты, бывшие губернаторы А.Н. Харузин, Р.С. фон Раабен, их сотрудники, служащие – светские львы с голубой кровью и безупречной дворянской родословной. Многие из них продолжали собираться в своем Благородном собрании, общались на русском языке, свободно обсуждали происходящие события. Они позволяли себе такое поведение еще и под сенью российского герба – двуглавого орла, так и не снятого со стены в их павильоне. А это не могло

не беспокоить оккупантов: не ждет ли бессарабская элита восстановления империи? Преданна ли она достаточно твердо румынской идее?

Более того, на состоявшемся в июле 1918 г. съезде Краевого союза городов Бессарабии местная знать высказала генералу Вэйтояну свои претензии к действиям румынских властей и даже протестовала против намерения румын ликвидировать земские и городские органы местного самоуправления. Эти деятели земств и городских дум, люди именитые и богатые, считали свою власть законной и даже посмели требовать «созыва Губернского земского собрания как единственного органа для управления краем».

Бессарабская знать была не из робкого десятка: умела и с русскими чиновниками говорить тоном хозяина. Но она не сразу поняла, кто **теперь** в крае хозяин и на что способен этот хозяин.

Правда, поначалу под этим благородным напором Вэйтояну даже как-то растерялся и стал заверять местную элиту, что их привилегии, их свободы, к которым они привыкли при русских, останутся в целости и сохранности. Страсти было легко утихомирить, тем более что Благородное собрание приняло в свой состав почетным членом и самого Артура Вэйтояну. Но вскоре земства, городские думы, все органы местного самоуправления в крае, да и само Благородное собрание были распущены по той простой причине, что его члены «одержимы анти-румынскими чувствами и явно выступают против страны и государственных учреждений», как высказался один из новых чиновников.

Генерал Вэйтояну к разгону бессарабской знати приложил, конечно, свою руку. Наделенный диктаторскими полномочиями, он вовремя сориентировался и направил правительству специальное представление. Вэйтояну предложил одним ударом покончить со всеми иллюзиями местной элиты на какое-то «условное» положение Бессарабии в составе королевства и надеждами на хоть минимальное автономное устройство. Все городские и уездные органы самоуправления декретом короля в октябре 1918 г. были отменены и распущены. На места направлялись из Румынии чиновники, временные комиссары по управлению городами; на Бессарабию было распространено судебное законодательство, действовавшее в Румынии, исполнять которое, понятно, могли только румынские судьи и правоохранители.

Не без участия генерального комиссара Вэйтояну 1 августа 1918 г. румынский король Фердинанд издал декрет (№ 1628), по которому на территории края продлевалось осадное положение, несмотря на то, что никаких военных действий на Румынском фронте уже давно не велось, да и сам фронт отсутствовал как таковой. Но это осадное по-

ложение позволяло вводить строгую цензуру, запрещать проведение любых собраний, не говоря уж о митингах, демонстрациях и других политических акциях. Практически все права и свободы жителей края были отменены, население было низведено до положения бессловесного стада, которым следовало жестко управлять. Для этого румынской армии, полицейским, чиновникам и жандармам предоставлялись все права; им просто развязывали руки, заранее освобождая от любой ответственности за любые преступления против «аборигенов».

Румынские чиновники неудержимым потоком хлынули в Бессарабию, занимая все ключевые должности в казначействе, казенных палатах и других органах управления. Почта, телефон, телеграф, финансовые учреждения в мгновение ока стали передаваться в руки приезжавшей из Старого королевства бюрократии. Единственным законом, регламентирующим все сферы жизни в крае, стали декреты короля и приказы его наместника, генерала Вэйтояну. Городская и уездная милиция, созданная в крае весной 1917 г., была очень быстро заменена румынской полицией в городах и румынской жандармерией в сельской местности.

В январе 1918 г. в Бессарабию вошли четыре румынские дивизии, что составляло 50 000 военнослужащих. Через несколько месяцев их численность удвоилась. Кроме солдат, румыны ввели около 5 000 полицейских и столько же жандармов, два полка. То есть принимать в свои объятия братьев «бессарабских румын» из-за Прута явились в край 110 000 вооруженных до зубов людей. И вооружены они были всем необходимым для массовых убийств – от револьверов и винтовок до пулеметов, военной техники, артиллерии и авиации. И это не считая целой армии чиновников, сборщиков налогов, агентов сигуранцы, служащих судов и просто любителей приключений, жаждущих пожить на чужой территории за чужой счет.

Всех их надо было принять и расселить, кормить, поить и обслуживать. И отвечал за все это генерал Вэйтояну, который клятвенно пообещал местным жителям «сделать из Бессарабии гнездо порядка и справедливости для всех и цивилизации». Румынский писатель Михаил Садовяну, посетивший в этот период Бессарабию, так описывает офицеров, которые устанавливали обещанную генералом Вэйтояну «цивилизацию»: «Эти раздавали слово «большевик», как пощечину, направо и налево, продвигались как в неприятельской стране, эти шли с высоким знанием ругательств всех календарных святых; эти дети базаров частенько оставляли боны реквизиции на обрывках бумаги с неизменной подписью «Попеску», фамилией, ставшей фантастичной

между Прутом и Днестром... Да они цыгане, господин, сказал мне один мазил. Первым делом ругаются так, что и землю поганят. Второе, все хвастают, что рода знатного и при поместьях».

На подобные «шалости» своих подчиненных генерал Вэйтояну никакого внимания не обращал. Он был озабочен задачами глобального ограбления края в государственном масштабе. И, надо отдать ему должное, решал поставленные задачи с размахом и умом. В начале сентября 1918 г. бессарабский правитель издает приказ, который обязывал всех владельцев земли (и помещиков, и крестьян) в шестидневный срок сообщить властям «о количестве зерна и прочих сельскохозяйственных продуктов, полученных от нового или старого урожая или приобретенных каким-либо иным путем».

Согласно этому приказу каждой семье разрешалось оставлять себе на пропитание не более 30 пудов сельскохозяйственной продукции. О серьезности намерений Вэйтояну в подготовке осенних реквизиций и грабежа всего сельского населения Бессарабии говорят меры наказания, предусмотренные в приказе за ложные данные и укрывательство зерна, – штраф от 500 до 20 000 лей или тюремное заключение от 6 месяцев до года с конфискацией зерна.

Но все-таки изюминкой приказа можно считать другой его пункт. И он, кстати, свидетельствует о практичном и гибком уме генерала. Чтобы поощрить румынских контролеров грабить население без всякой пощады, Вэйтояну указал в приказе, что «агенты короля и чиновники, обнаружившие нарушения... получают денежную премию в размере 25% наложенной в виде штрафа суммы». Румынские чиновники получали личную финансовую выгоду от узаконенного грабежа. Но и это еще не все, была и вишенка на торте. Видимо, хорошо зная нравы и повадки этих румынских «агентов», их безудержное стремление к коррупции, взяткам, беззаконию и наживе, генерал вводит «контроль и наблюдение за исполнением изданных приказов». При этом Вэйтояну обещает, что чиновники, которые засекут у агентов «уклонения и нарушения приказа», будут вознаграждены премией «от 300 до 1 000 лей». Слежка грабителей друг за другом повышала эффективность грабежа населения присоединенной территории.

Румынские власти ценили железную хватку своего генерала: в правительстве премьер-министра Александру Маргиломана (с марта по октябрь 1918 г.) Вэйтояну был генеральным комиссаром по Бессарабии, практически ее хозяином, в правительстве Константина Коандэ (октябрь – ноябрь 1918 г.) его назначают военным министром. А в 1919 г. он становится и премьер-министром Румынии.

О том, какую роль Артур Вэйтояну сыграл в ликвидации последних эфемерных признаков молдавской государственности в составе Румынии, мы уже говорили в предыдущем очерке о двухдневном руководителе «Сфатул цэрий» П. Халиппе. По предложению Вэйтояну последний созвал 27 ноября (10 декабря 1918 г.) несколько десятков депутатов и без голосования зачитал им решение о «безусловном» присоединении Бессарабии к Румынии. Не обращая внимания на протесты депутатов, Халиппа пригласил в зал генерала Вэйтояну и тот зачитал приказ короля о роспуске «Сфатул цэрий».

Накануне генерал собрал у себя членов молдавского блока «Сфатул цэрий» и с видом хозяина давал им указания, как следует действовать и что будет, если они посмеют своевольничать. Вэйтояну обратился к одному из присутствующих, Н. Александри, искреннему активисту Молдавской национальной партии, который не раз публично провозглашал себя «бессарабским румыном», хотя просил учесть и то, что все молдаване воспитаны на русской культуре. «Вы, например, – сказал генерал этому боярину, – я знаю, что вы колебались все лето, и я надеюсь, что вы перестанете забавляться своей русификацией, так как в противном случае нам придется принять меры...»

Все прекрасно поняли, о каких мерах говорит генерал. Десятки и сотни расстрелянных без суда и следствия бессарабцев, в том числе и члены «Сфатул цэрий», говорили сами за себя. Молдавским националистам оставалось лишь на последнем заседании этого смехотворного «парламента» молча выслушать резолюцию П. Халиппы о безусловном присоединении Бессарабии к Румынии, а затем и указ короля, зачитанный генералом, о роспуске раз и навсегда «Сфатул цэрий», после чего генерал отбыл в Румынию, которой он служил. И служил, надо признать, не за страх, а за совесть.

Таким он, Вэйтояну, и вошел в историю молдавского народа: верным королевским службистом, первым румынским оккупантом на земле Бессарабии.

БЕССАРАБИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОРОЛЕВСКОЙ РУМЫНИИ (27 ноября 1918 г. – 28 июня 1940 г.)

С июня 1918 г., когда все военные и административные функции по управлению Бессарабией были сконцентрированы в руках губернатора генерала А. Вэйтояну, лидеры «Сфатул цэрий» занимались главным образом устройством своей личной карьеры в качестве членов румынского парламента, министров или чиновников высокого ранга. Непосредственным управлением жителями провозглашенной ими Молдавской Демократической Республики они не занимались. Да их, собственно, к управлению краем никто бы и не допустил.

Осенью 1918 г. «Сфатул цэрий» был, наконец, распущен декретом румынского короля. Тем самым окончательно отменялась и эта эфемерная государственность молдавского народа в качестве республики в составе России, и объявленная «независимость» в условиях уже начавшейся оккупации. С этого дня (27 ноября 1918 г.) вплоть до 28 июня 1940 г. на протяжении 22 лет территория между Прутом и Днестром находилась на положении обыкновенной румынской провинции. Любые признаки молдавской государственности здесь были уничтожены и воспрещались властями.

Руководство данной провинцией передавалось непосредственно премьер-министрам Румынского королевства. Чтобы не нарушать основного принципа нашего повествования (описывать всех мнимых или реальных правителей молдавского народа, какой бы срок они не занимали у руля его государственности), назовем их всех поименно. Это:

- Константин Коандэ – с 06.11.1918 г. по 12.12.1918 г.;
- Ион И.К. Брэтиану – с 12.12.1918 г. по 27.09.1919 г.;
- Артур Вэйтояну – с 27.09.1919 г. по 01.12.1919 г.;
- Александру Вайда-Воевод – с 01.12.1919 г. по 10.01.1920 г.;
- Штефан Поп – с 10.01.1920 г. по 13.03.1920 г.;
- Александру Авереску – с 13.03.1920 г. по 17.12.1921 г.;
- Таке Ионеску – с 17.12.1921 г. по 19.01.1922 г.;
- Ион И.К. Брэтиану – с 19.01.1922 г. по 30.03.1926 г.;
- Барбу Штирбей – с 04.06.1927 г. по 21.06.1927 г.;
- Ион И.К. Брэтиану – с 24.06.1927 г. по 24.11.1927 г.;
- Винтилэ И.К. Брэтиану – с 24.11.1927 г. по 10.11.1928 г.;
- Юлиу Маниу – с 10.11.1928 г. по 07.06.1930 г.;

- Георге Г. Миронеску – с 10.06.1930 г. по 13.06.1930 г.;
- Юлиу Маниу – с 13.06.1930 г. по 10.10.1930 г.;
- Георге Г. Миронеску – с 10.10.1930 г. по 18.04.1931 г.;
- Николае Йорга – с 18.04.1931 г. по 06.06.1932 г.;
- Александру Вайда-Воевод – с 06.06.1932 г. по 14.11.1932 г.;
- Юлиу Маниу – с 20.10.1932 г. по 14.01.1933 г.;
- Александру Вайда-Воевод – с 14.01.1933 г. по 14.11.1933 г.;
- Ион Дука – с 14.11.1933 г. по 29.12.1933 г.;
- Константин Анжелеску – с 30.12.1933 г. по 03.01.1934 г.;
- Георге Тэтэреску – с 03.01.1934 г. по 28.12.1937 г.;
- Октавиан Гога – с 28.12.1937 г. по 10.02.1938 г.;
- патриарх Мирон Кристя – с 10.02.1938 г. по 06.03.1939 г.;
- Арманд Кэлинеску – с 07.03.1939 г. по 21.09.1939 г.;
- Георге Арджешану – с 21.09.1939 г. по 28.09.1939 г.;
- Константин Арджетоану – с 28.09.1939 г. по 24.11.1939 г.;
- Георге Тэтэреску – с 24.11.1939 г. по 04.07.1940 г.

Румыны даже не посчитали нужным назначить для управления захваченной ими территории специального чиновника, который бы нес ответственность за жизнь, безопасность и благополучие жителей самой отсталой провинции королевства. Поэтому вряд ли есть смысл выделять из этого длинного списка премьер-министров кого бы то ни было. Тем более, что не было среди них, да и не могло быть, представителей Бессарабии; не было тех людей, которые бы знали и понимали боли и чувства молдаван, всего многонационального населения оккупированной румынами земли.

Но как жили молдаване, лишенные малейшей формы государственности, в чуждой им стране под сапогом румынских оккупантов, рассказать необходимо. Тем более, что мало сейчас осталось тех людей, которые бы видели и на себе испытали все прелести «братского» румынского кнута, могли бы правдиво рассказать об этом своим внукам и правнукам. А официальная пропаганда Молдовы и Румынии на протяжении уже почти трех десятков лет искажает и всячески приукрашает сущность оккупационного румынского режима для бессарабских молдаван, для всех жителей Бессарабии.

Один из таких современных историков Молдовы румыно-унионистского толка, некий И. Константин просто впадает в полублаженное состояние, с восторгом описывая прелести румынской оккупации для бессарабцев: «В течение более двух десятилетий новые территории, возвращенные в отчий дом, познали расцвет культуры, образования,

общественной жизни и, в какой-то степени, и экономики. Земельная реформа, в равной степени примененная ко всем национальностям, ускорила развитие сельского хозяйства, а меньшинства Бессарабии пользовались правами, которыми никогда не обладали под русским господством. Свободные выборы, имевшие в этой провинции характер плебисцита, доказали сердечное отношение, которое население Бессарабии испытывало к Румынии».

Ему вторит другой бескорыстный певец румынской обители блаженства А. Морарь, в прошлом неутомимый борец с «фальсификаторами истории», в советские времена – заместитель директора Института истории партии при ЦК КПМ, а ныне неумолкающий певец румынской «унири»: «Объединение Бессарабии с Румынией в 1918 году привело к стабилизации политической жизни, демократизации общественных отношений, прекращению анархии и грабежей. В Бессарабии установился общественный порядок, прекратились социальные конфликты... После 1918 года в Бессарабии происходит демократизация жизни на всех уровнях».

Чтобы много не говорить о том, что это была за «стабилизация политической жизни», назовем несколько показательных цифр. При подавлении румынскими карателями Хотинского восстания на севере Бессарабии в январе 1919 года были убиты 11 тысяч человек, а 50 тысяч бессарабцев в ужасе бежали на левый берег Днестра, спасаясь от бесчинств озверевших от массовой крови палачей. Впечатляющим по масштабам государственного злодейства стало и подавление Бендерского восстания в мае 1919 года. Его жертвы до сих пор количественно оцениваются историками лишь весьма приблизительно, хотя известно, что каратели расстреливали каждого десятого жителя города, попавшего в их руки.

Беспримерным по своей звериной жестокости стало и подавление Татарбунарского восстания на юге Бессарабии в 1924 г. Мирная, уставшая от многолетней мировой бойни Европа была просто шокирована свирепостью и кровожадностью румынских властей, убивавших и судивших простых крестьян только за то, что они хотели жить не в Румынии, а в стране Советов. Убивали людей десятками и сотнями; и не за какие-то противозаконные действия, а лишь за одно высказанное желание свободы. Убивали револьверами, винтовками, пулеметами, убивали артиллерией, даже корабельными пушками, травили крестьян газами, забрасывали гранатами подвалы, переполненные испуганными женщинами и детьми. В защиту несчастных бессарабцев выступили

корифеи человеческого духа, такие как Ромен Роллан и Бернард Шоу, Теодор Драйзер и Альберт Эйнштейн, Луи Арагон и Поль Элюар, Поль Ланжевен и Поль Вайян-Кутюрье и многие другие. Анри Барбюс в защиту татарбунарцев написал книгу «Палачи».

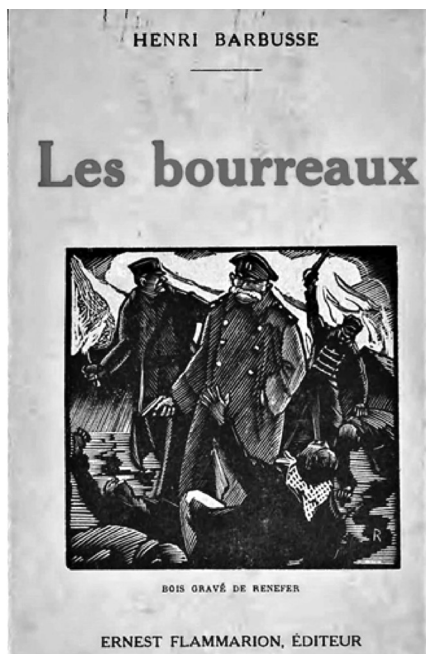

Рис. 38. Книга Анри Барбюса «Палачи» против террора румынских оккупантов

Ничем не объяснимая жажда крови румынских палачей и их издевательства над мирными жителями Бессарабии чуть было не привели к срыву самого проекта узаконивания оккупации Бессарабии румынами. Об этом, как ни странно, впоследствии говорил даже такой убежденный нацист и палач, как Ион Антонеску, который на заседании правительства в марте 1942 г. вдруг вспомнил: «В 1919 году мы чуть было не потеряли Бессарабию по вине генерала Давидоглу, уничтожившего семь сел и умертвившего массу народа. Известно, что по этой причине мирная конференция в Париже занялась пересмотром бессарабского вопроса, чтобы не дать нам Бессарабию, потому что мы дикари».

А в общей сложности эти дикари, как правильно на этот раз

выразился Антонеску, только за первые годы оккупации края вырезали более тридцати тысяч бессарабцев, которые противились их режиму или просто были неосторожны в общении. Тысячи людей были приговорены к смерти, каторге, тюрьмам; приговорены румынскими судами, которые, не отвлекаясь на рассмотрение вины отдельных личностей, судили местных жителей скопом: «процесс 48», «процесс 108», «процесс 270», «процесс 500»...

Интересно, найдется ли хоть один здравомыслящий человек (нет, мы говорим не о конкретном докторе истории, не о «современном ученом», а просто о любом человеке в здравом уме и твердой памяти), который назвал бы кровавую баню, устроенную оккупантами на

его родине, и массовую гибель его соотечественников, «стабилизацией политической жизни» и «демократизацией общественных отношений»?! Пожалуй, что нет. Но если заплатят хорошие деньги, то можно оправдать палачей собственного народа заумными разговорами о каких-то «большевистских заговорах» или необходимости «очищения самосознания народа от антинациональных стереотипов».

Но даже и в этом случае абсолютного перевирания истории при самой беззастенчивой лжи слишком уж несуразно звучит утверждение про «сердечное отношение, которое население Бессарабии испытывало к Румынии». Чтобы понять всю нелепость подобных изречений, давайте послушаем очевидцев, свидетелей той эпохи, самих румын, в конце концов. Вот, что говорил в сентябре 1920 г. человек, который все видел и все понимал, румынский юрист Н.Д. Коча: «Имеем ли мы право требовать от бессарабцев, русских и евреев и даже бессарабских молдаван, чтобы они любили румын и не предпочитали им русских?.. Они имели свободную страну. Русская революция дала им все права и все свободы. Что им дали взамен? Жандармов! Агентов сигуранцы! Грабителей-перчепторов! Всех бандитов из Старой Румынии! И хотите быть любимыми? Вы хотите, чтобы бессарабец любил кулак и каблук жандармов?!...».

По мнению оккупантов, бессарабец должен был любить не только каблук, но и фуражку румына. Причем не в каком-то отвлеченном смысле, а в самом прямом и непосредственном. Приведем дословно, ничего не меняя и не выбрасывая из текста ни единого слова, приказ военного коменданта Единец капитана Думитриу, данный в феврале 1918 г., как только оккупанты вошли в местечко:

«Румынские офицеры должны быть приветствуемы населением местечка Единцы следующим образом:

1. Каждый прохожий должен остановиться на месте, повернуться лицом к начальнику и геройски, с любезной улыбкой на лице быстро снять шапку с головы и сделать глубокий поклон до самой земли.

2. Для обучения населения этому приему и для точного и строгого приведения в исполнение приказа по улицам местечка в разные часы дня моя, коменданта, фуражка будет носиться на палке, и все жители должны, обязаны приветствовать ее, согласно первому пункту настоящего приказа.

Контроль за его выполнением возлагается на шефа жандармского поста Елифтереску».

Вероятно, подобное распоряжение следовало бы рассматривать специалистам соответствующего профиля для постановки правильного диагноза его автору. Ибо умственные способности и психическая адекватность такого субъекта не могут не вызывать больших сомнений. Но совершенно бесспорным образом этот документ свидетельствует об абсолютном презрении румынских чиновников к управляемому ими населению. Местные жители, на их взгляд, подлежали приучению к порядку. А сам процесс этого «приобщения» к румынской цивилизации вполне напоминал дрессировку полезных домашних животных.

Таким образом, румынские оккупанты вообще не считали местное население Бессарабии за людей, равных себе. И если русских они ненавидели, но боялись, евреев ненавидели, но пытались использовать для личного обогащения, то молдаванам оставалось лишь голое презрение и ничем не прикрытая ненависть, взращенная на спеси, на чувстве собственного превосходства и первородного величия. Об этом честно писал известный румынский поэт, историк и публицист Скарлат Каллимаки в 1935 г.: «С момента румынской оккупации и до сих пор Бессарабия характеризуется как колония с местным населением низшей расы, отсюда и исходит необходимость применения методов, специфичных для руководства колонией».

Население низшей расы! Никаких разговоров о каком-то мифическом «братстве» с бессарабцами румыны тогда не вели. Даже попыток не делали. Они четко знали, что эта земля им дана для разграбления и собственного обогащения; а что думают по этому поводу проживающие тут аборигены низшей расы, не имеет никакого значения. Даже если их бывшие вожди, лидеры Молдавской национальной партии, униженно просят признать их, если не равными, то хоть близкими себе.

Те самые депутаты румынского парламента, что помогли взгромоздить на голову молдавского народа и всех бессарабцев румынскую оккупацию (в том числе П. Халиппа, К. Стере, П. Казаку, И. Буздуган и прочие в количестве 29 человек), в 1924 г. направили слезное послание румынскому королю, в котором писали: «В течение шести лет Бессарабия управляется такими методами, какими сегодня не могут быть управляемы даже черные колонии Африки». В апреле того же года на митинге в Кишиневе Пан Халиппа с горечью и, может быть, с каким-то удивлением для себя констатировал: «Существует столько страданий, столько мук и скорби в этой провинции, что я сам слышал от многих, которые говорят, будто при царизме жилось лучше и что было бы хо-

рошо, если бы пришли хотя бы большевики, ибо мы сыты этой Великой Румынией уже по горло».

Но странным в этом признании Халиппы можно считать разве что его наигранную девственную наивность – мол, хотели как лучше... Не надо было быть политиком даже средней руки, чтобы понять простую вещь: Бессарабия превращена в колонию, а ее население поставлено в положение существ низшей расы. Даже кишиневский журнал, буржуазный и вовсе не оппозиционный властям, «Вяца ши экономика» в конце 20-х гг. писал прямо: «С Бессарабией не церемонились. Для удупления ее физических сил и морального духа не употребляли даже примитивных посылок примитивной логики. Не искали даже оправданий для тех или иных безрассудных распоряжений. Говорят, глухой бьет свою жертву, пока не увидит крови, потому что он не слышит стонов; слепой бьет, пока не услышит стонов, так как он не видит крови. Бессарабию в экономическом отношении били и глухие, и слепые – они не слышали стонов и не видели крови».

Практически Бессарабия была превращена в аграрно-сырьевой придаток Румынского королевства. Она стала колонией неразвитой экономики индустриальной мировой державы. Бессарабию превратила в свою колонию отсталая полуфеодальная страна, которая сама находилась в полуколониальной зависимости от мощных стран Запада. За несколько лет румынского господства треть промышленных предприятий края была ликвидирована, а мощности остальных использовались в минимальных размерах. Бендерские железнодорожные мастерские, текстильные и кожевенные заводы Кишинева, флорештское депо, предприятия Аккермана закрывались, а их оборудование вывозилось в Румынию. Количество рабочих сократилось в два раза.

Положение в сельском хозяйстве было еще хуже. Румыны восстановили помещичью собственность на землю и провели аграрную реформу, по которой у крестьян была отобрана земля, полученная ими в конце 1917 г. по «Декрету о земле». Те клочки наделов, которые получили крестьяне, стоили очень дорого и разоряли крестьян поборами в виде выкупных платежей. Собственно, крестьяне потеряли по этой реформе две трети земли, которую до оккупации они уже признали своей. Зато члены «Сфатул цэрий» и прочие прислужники оккупантов получили за свое предательство собственного народа по 50 гектаров земли.

Землю в Бессарабии также получали румынские офицеры, чиновники, священники, приезжавшие сюда из Старого королевства,

чтобы руководить местным населением и обогащаться за его счет. Румынские власти выделили 155 тыс. гектаров лучшей земли для распределения среди этих переселенцев. Министерство земледелия Румынии совместно с МВД и Генеральным штабом румынской армии очень тщательно рассматривали распределение этих земель среди «благонадежных» выходцев из других районов Румынии, которые и должны были «колонизировать» Бессарабию стопроцентными румынами, поскольку все прочие – гагаузы, болгары, молдаване, украинцы, русские и прочие – считались «неблагонадежными». Их земли скупались за бесценок властями и передавались румынским новоселам.

Тысячи румынских семей покидали свои традиционные места обитания, переселяясь в Бессарабию, и каждая из них получала по 25 гектаров земли, а также жилище, инвентарь, кредиты. Особенно большое внимание чиновники уделяли приднестровской полосе и районам юга Бессарабии, где проживало, по их мнению, слишком большое количество «инонационалов» – гагаузов, болгар, украинцев, русских, евреев. Все они подлежали скорейшему выселению, чтобы освободить землю для нового слоя населения, который только и мог стать опорой оккупантам.

Оккупационные власти по-своему в этом были даже правы. В завоеванном крае, который они считали «своим» испокон веков, они встретили вовсе не близкое себе население, а совершенно чуждое и враждебное румынским оккупантам. И дело было вовсе не в столетней «русификации», как им представлялось поначалу. «Инонационалами» здесь были не только «пришельцы» – русские, украинцы, гагаузы, болгары, евреи, немцы, поляки и все прочие «мигранты». Оказалось, что и «бессарабские румыны», то есть молдаване, за ничтожным исключением румынами себя признавать не собираются. Они уже почувствовали себя особой нацией, в чем-то близкой к румынам, но все же самостоятельной. Нацией молдавской, не румынской. А потому и они все подлежали изгнанию.

Оккупантам, следовательно, нужна была Бессарабия без бессарабцев. Поэтому крестьян изгоняли с их земель всеми доступными методами. Одних только налогов румыны ввели здесь более 50 названий. Все доходы крестьян пожирали эти налоги, а за их неуплату земля немедленно конфисковалась и передавалась переселенцам из Старого королевства. Тысячи разоренных крестьян уходили куда глаза глядят. Только за первые десять лет оккупации Бессарабию покинули

300 тыс. жителей. Румынская газета «Вииторул» в это время писала: «Этот край, который до румынской оккупации не знал, что такое голод, насчитывает сейчас свыше полумиллиона человек, которым буквально нечего есть». А к 1940 году две трети всех крестьянских хозяйств края полностью разорились или были не грани этого.

Бессарабия стала самым нищим краем в Европе; по смертности она опережала все страны и регионы континента. Один врач здесь приходился на 75 тыс. жителей, на 45 сел. Большинство крестьян даже и не знали, что в мире где-то существует хоть какое-то медицинское обслуживание. В крае за время оккупации на треть сократилась площадь под садами, на треть уменьшилось поголовье скота. А рабочий день достигал здесь 12–14 часов в сутки, хотя не был и невидалью 16- и даже 18-часовой рабочий день.

Единственными конкурентными людьми в крае были аграрии и торговцы, прибывавшие сюда из Румынии. Они пользовались всеми преимуществами в области кредитов, транспорта и железнодорожных тарифов, не говоря уж о покровительстве администрации. Румыны прекрасно отдавали себе отчет в том, что сельское хозяйство Бессарабии в царской России было достаточно развитым. Чтобы оградить свое румынское сельскохозяйственное производство от конкуренции, они установили в крае такие железнодорожные тарифы, которые делали бессмысленной любую перевозку продукции из Бессарабии в метрополию. Традиционные торговые пути и связи с черноморскими портами, с рынками на востоке, были закрыты наглухо. Фактически экономика удушалась, лишённая рынков, самым жестоким образом. Только румынские предприниматели и чиновники могли в таких условиях вести торговые дела с выгодой для себя.

И это тоже не случайно. Оккупанты достаточно быстро поняли, что получить Бессарабию без бессарабцев им не удастся, ибо очистить в течение короткого времени сравнительно небольшую территорию от двухмиллионного враждебного им населения не представляется возможным. Рано или поздно, но лакомый кусок земли уйдет от них неизбежно. Это убеждение и определило политику Бухареста здесь на десятилетия. Журнал «Коммунистический интернационал» в 1928 г. дал такое объяснение немыслимой эксплуатации края: «Румыния, очевидно, рассматривает Бессарабию как чужую страну, которая отойдет от нее очень скоро. Какой сколько-нибудь разумный хозяин станет сознательно разорять свое владение? Другое дело, если он убежден, что этим владением он лишь временно пользуется. Тогда понятно, что

бесчестный захватчик постарается разграбить все, что он сможет, и в дикой и бессильной злобе, предвидя конец разгулу, постарается уничтожить то, что ему не удастся утащить».

Мы не можем не признать эти слова абсолютно логичными и оправданными, румыны близко не строили планов облагодетельствовать край, который они оккупировали. Они даже не спешили искренне и всерьез признавать молдаван «бессарабскими румынами»; не говоря уж обо всех других этносах, составляющих многонациональное население Бессарабии. В принципе, у них была возможность показать этому населению, что оно вошло, наконец-то в лоно своей истинной «родины-матери», как об этом постоянно твердили лидеры Молдавской национальной партии, депутаты «Сфатул цэрий» и прочие предатели своего народа. Вероятно, для быстрой интеграции края в состав королевства следовало бы продумать целую систему законов и мер, которые обеспечили бы здесь быстрое восстановление и развитие народного хозяйства и экономики, способствовали развитию просвещения, науки и культуры, создали более или менее справедливую систему здравоохранения и социального обеспечения. Гипотетически такой шанс пристегнуть Бессарабию к своей упряжке у румынского правительства был.

Но в том-то и дело, что румыны вовсе не собирались вкладывать какие-то капиталы в развитие края. Они не рассматривали молдаван в качестве стопроцентных румын, не считали их равными себе и никаких планов по поднятию их благосостояния или хоть нормальной интеграции в свое государство даже не строили. Земли края должны были быть очищены от местного населения, в том числе «бессарабских румын», и освоены прибывающими сюда колонистами из Старого королевства. Судьба местного населения не интересовала ни правительство «братской» Румынии, ни местных чиновников. И эта политика проводилась жестко и беспрекословно.

Да и сами румыны никаких иллюзий в отношении своей политики в оккупированном ими крае не испытывали. Они прекрасно отдавали себе отчет, зачем они сюда пришли, с какой целью и что им здесь нужно, в том числе и от местных жителей. Сам премьер-министр Румынии Александру Вайда-Воевод, один из лидеров национал-царанистской партии, говорил достаточно откровенно об этом, может быть, не без сожаления: «Национальный вопрос в Бессарабии разрешается теперь выстрелами в невинных». Выступая в румынском парламенте он вынужден был признать: «Плох был царский кнут, но это была шутка по

Рис. 39. А. Вайда-Воевод

сравнению с тем кнутом, который господствует сейчас в Бессарабии. Разрешение бессарабского вопроса путем насилия, избияния, ограбления и расстрела ни в чем не повинных людей без суда и следствия – вот, что происходит в Бессарабии».

Запоздалые плачи о «непонятном крае» время от времени раздавались и в стане тех предателей молдавского народа, которые помогли оккупантам захватить его. В 1936 г. основатель Молдавской национальной партии, побывавший в течение двух дней председателем «Сфатул цэрий» П.Н. Халиппа, ликвидировавший остатки молдавской государственности и дослужившийся у

румын до должности сенатора, изрек: «Бессарабия глубоко несчастна, недовольна, никем не понята, забыта и унижена. Многие говорят: если бы большевики пришли, хватит с нас Великой Румынии».

Невольное пророчество Халиппы сбылось через четыре года. В 1940 г. Красная Армия перешла Днестр и освободила территорию Пруто-Днестровского междуречья от оккупантов. Но до этих событий была целая эпоха создания молдавской государственности на левобережье Днестра. На той территории, где никогда не было юрисдикции Молдавского средневекового княжества.

Однако рассмотрение этих процессов возрождения и построения государственности молдавского народа в виде советской республики на славянских землях Украины с 1924 по 1940 г. не входит в нашу задачу. В то время, как румыны со страстью уничтожали на территории Бессарабии все мельчайшие признаки молдавской государственности вместе с несбыточными иллюзиями отцов-основателей Молдавской Демократической Республики, на левом берегу Днестра по желанию местных большевиков и румынских интернационалистов молдавская государственность возникла заново как Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика. После освобождения Бессара-

бии правый и левые берега Днестра объединила созданная 2 августа 1940 г. союзная Молдавская ССР. Но не прошло и года, как румыны вернулись.

Рис. 40. Генерал армии Г.К. Жуков на военном параде в Кишиневе в честь освобождения Бессарабии

КОНСТАНТИН ВОЙКУЛЕСКУ (13 июля 1941 г. – 22 апреля 1943 г.)

Рис. 41. К. Войкулеску

Воскресный погожий летний день 22 июня 1941 г. стал одним из самых черных дней в истории молдавского народа, в истории всех народов нашего края, нашей страны. Мирная жизнь, ликвидация всех последствий румынской оккупации Бессарабии, строительство нового, более справедливого общества на молдавской земле было прервано жестоко и неожиданно. Вместе с фашистской Германией на Советский Союз напали зависимые от нее государства-сателлиты: Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия, – а также добровольцы из многих оккупированных стран Европы.

Участие Румынии в агрессии против СССР было неслучайным. К гитлеровскому Тройственному пакту Румыния присоединилась в ноябре 1940 г., и в страну были введены немецкие войска, с помощью которых диктатор Ион Антонеску рассчитывал захватить Молдавию и Южную Украину, а, если повезет, может быть, и какую-то часть земель России.

Кто такой Антонеску? Крупный румынский землевладелец, Антонеску родился в 1882 г. в семье богатого помещика, бывшего военнослужащего. В юности выбрал себе армейскую карьеру, закончил несколько военных учебных заведений. Уже во время крестьянских волнений в Румынии 1907 г. он прославился тем, что с величайшей жестокостью расправлялся с несчастными крестьянами, во главе карательных войск, посылаемых правительством против восставшего народа. Румынские крестьяне даже наградили бравого вояку прозвищем Красная Собака («Кынеле Рошу») за рыжий цвет волос, но больше – за злобу и жестокость.

В годы Первой мировой войны он участвовал в военных действиях, разрабатывая штабные операции, служил в оккупационной армии,

которая разгромила Венгерскую Советскую Республику и Венгерскую Красную армию, за что получил высший орден Михая Витязула. Окунувшись в политику, Антонеску написал нечто вроде исследования под названием «Румыны. Их происхождение, прошлое, жертвы и права», в которой пытался доказать западным политикам справедливость требований румын на многие территории и земли, к которым кровотокающая, якобы, страна «непрерывно стремилась более десяти веков».

В 1938 г. Антонеску был назначен начальником генштаба румынской армии, а вскоре и министром обороны. С помощью оголтелых нацистских фанатиков, боевиков, «железногвардейцев» Антонеску в сентябре 1940 г. заставил короля Румынии Кароля II отречься от престола в пользу его малолетнего сына Михая, чтобы провозгласить себя румынским фюрером – «кондукэтором». Сразу же взял курс на построение в Румынии фашистского государства и присоединение к оси Берлин–Рим–Токио. Правда, встреча с Гитлером не очень оправдала его надежды на расширение территории Румынии с помощью вермахта. Адольф Гитлер ничего ему конкретно не обещал, лишь туманно заявил, что «когда судьба всего мира поставлена на карту, проблеме границ лучше отодвинуть на второй план... только после победы мы примем окончательное решение».

Но и этого было достаточно, чтобы 22 июня 1941 г. Антонеску отдал приказ:

«Румыны! Сегодня я решил начать священную войну!

Перед лицом Бога и вечности, перед лицом Истории я беру на себя ответственность вернуть румынскому народу то, что у него было отобрано через унижение и предательство. Отмоем же кровью черную страницу, записанную в прошлом году в нашу историю.

Солдаты! Вперед! Воюйте за честь нации, за освобождение от рабства наших братьев в Бессарабии и Буковине.

Умрите за землю ваших отцов и ваших сыновей!

На битву! С Богом! Вперед!».

В этот день на штурм советско-румынской границы по реке Прут было брошено три армии (11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские) общей численностью 600 тыс. человек. Вражеская авиация бомбила Кишинев, Бельцы, Кагул и переправы через Днестр. Им противостояли пограничники, 9-я и 18-я армии СССР. Ожесточенные бои в Молдавии продолжались больше месяца; только 16 июля был взят Кишинев, а в начале августа оккупирована и вся Молдавия.

Рис. 42. Дети прячутся от бомбежки на окраине Кишинева.
Фото 29 июня 1941 г.

На радостях Антонеску присвоил себе звание маршала и решил, что война победоносно закончилась, что пора начинать демобилизацию, приступать к дележу и поеданию захваченных богатств. Но Гитлер был другого мнения; он посчитал, что праздновать румынам пока рановато – Германия нуждалась в пушечном мясе, роль которого румынская армия играла непревзойденно.

Рис. 43. И. Антонеску и А. Гитлер
в окружении офицеров Генерального штаба вермахта

Зная жадность румынского фашиста к территориальным захватам, Гитлер щедро предложил ему: «Берите столько, сколько хотите!». Да еще Рыцарский Железный крест нацепил ему на мундир. Преисполненный благодарности, Антонеску отдал приказ своей армии идти на Одессу, Николаев, Керчь, Севастополь. Румынские войска были брошены воевать на Дону и на Волге. За это кондукэтор получил территорию от Прута до Днестра и присоединил к румынскому королевству под названием «Басарабия», а территорию восточнее Днестра вплоть до Южного Буга он получил от Гитлера во временное управление под названием «Транснистрия».

Днестр вновь разъединил некогда единую союзную республику. Провинцией Басарабия стал управлять наместник Антонеску генерал Константин Войкулеску, провинция Транснистрия получила другого правителя – профессора Георге Алексяну. Эти люди возглавили оккупационную администрацию и проводили ту политику, которую от них требовал кондукэтор Антонеску. Собственно, эти люди и олицетворяли здесь фашистскую политику оккупационных властей, и осуществляли ее на наших землях.

Рис. 44. Маршал И. Антонеску и генерал-фельдмаршал В. Кейтель на параде в Бухаресте (ноябрь 1941 г.)

Родился будущий губернатор Войкулеску в 1890 г. на юго-востоке Мунтении, в селе Тэмэдэу Каларашского уезда. У него была обычная для румынского военного биография, ничем не примечательная, отражавшая лишь его продвижение по служебной лестнице. К 1927 г.

Войкулеску дослужился до звания подполковника румынской армии, а через семь лет надел погоны полковника, будучи командиром 8-го пограничного полка.

Начало Второй мировой войны Войкулеску встретил уже в звании бригадного генерала. В этот период страна управлялась личной диктатурой Антонеску. Все гражданские институты были фактически отменены. Армия, на которую опирался диктатор, его во всем поддержи-

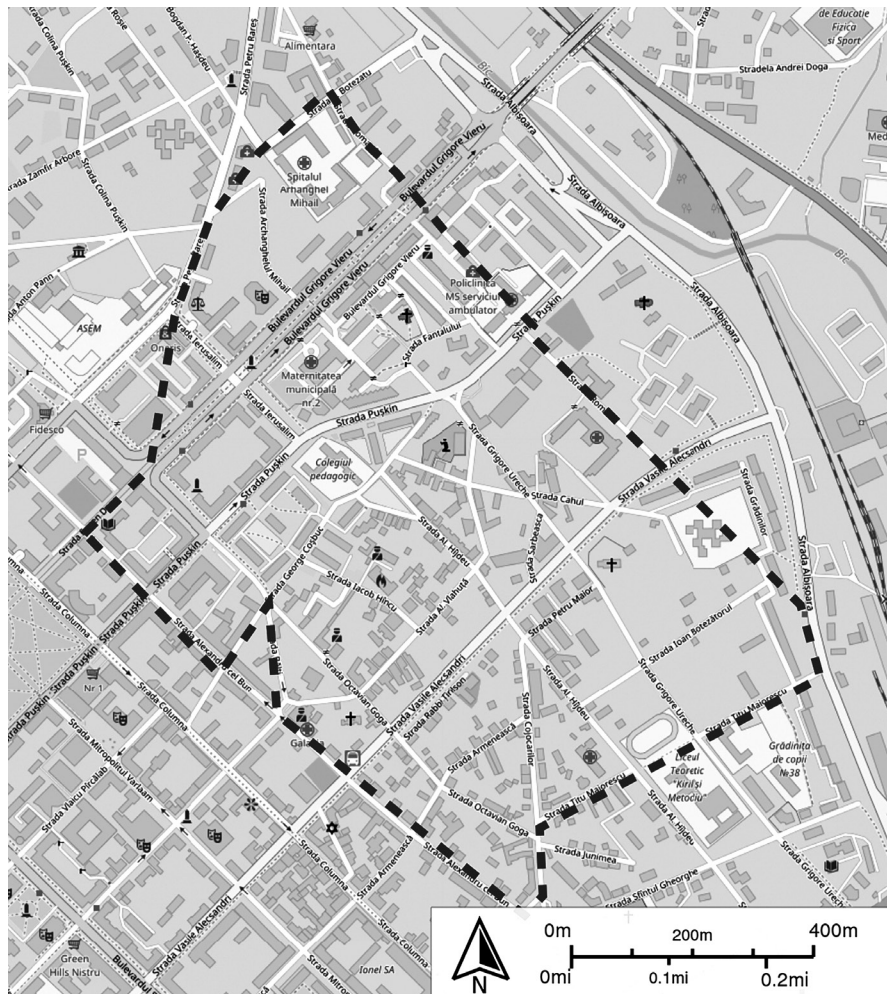

Рис. 45. Схема современного г. Кишинева с пунктирным обозначением гетто

вала, и поэтому военные зачастую занимали гражданские должности. В январе 1941 г. К. Войкулеску становится заместителем государственного секретаря, берет в свои руки министерство труда, вопросы здравоохранения, санитарии, социального обеспечения Румынии. Однако долго в министерских креслах генералу посидеть не пришлось.

Еще не был взят Кишинев, еще шли ожесточенные бои за каждую пядь молдавской советской земли, а генерал Войкулеску 13 июля 1941 г. уже получает в свое управление земли между Прутом и Днестром, которые оккупанты собирались превратить в свою провинцию. Уничтожая государственность молдавского народа, вновь разделяя его территорию рекой Днестр, румынам во главе создаваемой ими провинции нужен был генерал, который, не колеблясь, железной хваткой стал бы насаждать в оккупированных землях фашистские порядки. И Антонеску не ошибся в своем выборе.

Получив назначение, Войкулеску в июле прибывает в центр провинции Басарабия город Кишинев и сразу же, 25 июля 1941 г., отдает распоряжение о создании в городе еврейского гетто. Это распоряжение в тот же день стал выполнять военный комендант Кишинева некий полковник Д. Тудосе. Беднейшие районы Кишинева, где с давних времен скученно проживали самые обездоленные его жители, были обнесены забором с колючей проволокой. Сюда румыны согнали и всех прочих евреев Кишинева, доведя количество узников до 11 545 человек. Евреев свозили также из близлежащих сел и других населенных пунктов провинции. Христиане, проживавшие здесь, не были переселены, но получили специальные пропуска на выход из гетто.

Всем евреям было приказано носить на одежде желтую шестиконечную звезду. Все узники гетто обязаны были жить за счет собственных средств, никаких социальных пособий, медицинского обслуживания, ухода за больными и калеками не предусматривалось. Выступивший в начале августа перед узниками гетто полковник Тудосе сказал предельно ясно: «Жида, с сегодняшнего дня вы рабы Великой Румынии. Кто не будет выполнять приказы, будет расстрелян!».

Тогда же в открытой оккупантами местной газете «Basarabia», в номере от 6 августа, по приказу Войкулеску появилась статья, которая буквально захлебывалась от восторга и пресмыкательства перед оккупантами. Одновременно ее переполняла иррациональная ненависть, человеконенавистническая злоба к своим согражданам. Статья называлась «Устройство гетто для кишиневских жидов». Приведем ее текст полностью, чтобы продемонстрировать не только стиль, но и образ мышления оккупантов и их местных пособников:

Рис. 46. Румынские солдаты на рынке Кишиневского гетто

«Наша румынская Бессарабия, сохраняя еще ужасные следы войны национального освобождения, возвращается в русло упорядоченной жизни, такой, какой она была до 28 июня 1940 года. Жиды, уничтожив все на своем пути, поджигая церкви и учреждения, убежали вместе с красной армией к Москве, к Уралу, к Сибири и дальше. Будучи настроены против цивилизации и небес, против христианства, эти осквернители икон, наконец, сняли свои маски, показав свои настоящие чувства и “любовь” к мирному и терпеливому румынскому народу. Они хотели поставить нас на колени, сделать нас своими слугами. Но настал их час. За совершенные деяния пришло и время расплаты!

Господин генерал Войкулеску, губернатор Бессарабии, день и ночь следит за нормальным течением начавшейся новой жизни. Гражданские и военные власти для оставшихся жидов отвели специальный район Кишинева. Никто из них не имеет права покидать это гетто, кроме как с позволения соответствующего командования и кроме как для покупки продуктов.

До окончательного решения жидовского вопроса в освобожденной Бессарабии эта мера представляется наиболее подходящей и для всех тех румынских территорий, которые пострадали от действий пейсатых, не имеющих родины. Потому что кишиневские жиды остались тут, преследуя криминальные цели, чтобы, как и прежде, подрывать основы нашего национального государства».

Угрожая евреям как своим исконным врагам, румыны пытались подавить даже мысль о каком-то непослушании или сопротивлении скорому и окончательному решению «еврейского вопроса». Но и тем, кто покорно и безоговорочно выполнял приказы оккупантов, рассчитывать на спасение жизни не приходилось. Уже в октябре 1941 г. румыны начали планомерные депортации евреев в Транснистрию, где

Inființarea ghetto-ului pentru jidanii din Chișinău

Basarabia noastră românească, păstrând încă urmele cumpilte ale războiului de desrobire națională, a reintrat viloroasă în lăgașul vieții ordonate, așa cum am cunoscut-o înainte de 28 Iunie 1940.

Jidanii, după ce și-au făcut mende, distrugând totul în calea lor, dând foc la biserici și la instituții, au fugit împreună cu armatele roșii, — o fugă nebună spre Moscova, spre Urall, spre Siberia și mai departe... Porniți împotriva civilizației și cerului, împotriva religiei creștine, — dar alimentându-și bestialitatea caracteristică rasei lor din preceptele talmudice, — profanatorii de icoane, în cele din urmă, și-au dat jos masca, arătându-și adevăratele sentimente, „dragostea” față de pașnicul popor român, a toate răbdător.

Vrolau să ne înșelăm, să ne facă slugile lor. Ce-i interesau pe ei sudoarea vărsată pe ogoarele străbune de către țărâșimea muncitoare ?

Acum le-a sunat cel de al doisprezecilea ceas. Vorba cea: după faptă și răsplată!

D. general Voiculescu, guvernatorul Basarabiei, veghează zi și noapte la bunul mers al novej vieți care începe. În Chișinău, autoritățile militare și civile au fixat pentru jidanii rămași, un cartier special, în partea de jos a orașului. Nimeni dintre ei nu are voie să părăsească acest ghetto, decât cu aprobarea comandantului respectiv și numai pentru procurarea de alimente.

Până la soluționarea definitivă a problemei jidovești în Basarabia desrobită, această măsură este cât se poate de binevenită și se cere extinsă peste întregul cuprins al plaiurilor românești, care au avut de suferit de pe urma periculațiilor fără țară. Deoarece jidanii din Chișinău au rămas aici cu scopuri criminale, de a săpa ca și altădată la temella autorității statului nostru național.

Рис. 47. Стаття в газете «Басарabia» о кишиневском гетто

они массово и безжалостно уничтожались. В 1942 г. румыны провели свою перепись в Кишиневе, по сведениям которой, в городе осталось всего 100 евреев, из которых 99 человек были узниками гетто. К приходу Советской Армии в гетто проживало всего 6 человек. Таковы были масштабы массового геноцида, руководил которым непосредственно К. Войкулеску по приказам диктатора И. Антонеску.

Впрочем, не только геноцид евреев был главной заботой оккупационного вождя. Специальным приказом от 15 ноября 1941 г. Войкулеску запретил жителям «вверенной» ему провинции разговаривать на русском языке в общественных местах. В статье 1 специальным пунктом даже было отмечено: «Категорически запрещено ношение русских фуражек». Было запрещено разговаривать и на других языках местного многоязычного населения — гагаузском, болгарском, украинском, белорусском и др. Все они были названы «иностранными» языками, общаться на которых было запрещено.

Рис. 48. Охрана на выходе из Кишиневского гетто для неевреев

Генерал со всей строгостью предупредил население: «Нарушение предписаний, предусмотренных предыдущей статьей, карается тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет». Но Войкулеску не был бы румынским оккупационным администратором, если бы он при этом не думал о материальном барыше: «Одновременно с тюремным заключением суд может приговорить к штрафу от 2000 до 20000 лей и лишению прав занимать государственную должность на шесть лет». За разговоры на «иностраннных языках» виновные отвечали не только лишением свободы, но и леем. Что, понятно, открывало широкие возможности для обогащения чиновников.

Причем, сделано это было губернатором Войкулеску в ноябре 1941 г., а сам нацистский вождь Антонеску только в феврале 1942 г. обратил внимание своих властей на то, что «нужно избавиться и от других (кроме евреев и цыган. – *Н.Б.*) меньшинств – русских, украинцев, поляков, болгар, гагаузов». То есть, генерал, можно сказать, старался даже бежать впереди паровоза, угадывая намерения и дальнейшие действия нацистского диктатора. А диктатор придумал весьма изящное название для своей людоедской политики геноцида населения Молдавии – «национальная реконструкция отвоеванных провинций».

Правда, и Войкулеску, бывало, вызывал у своего и шефа резкое недовольство, даже прямые упреки по результатам своей деятельности. Так было уже в первые месяцы оккупации края. Румыны сразу же с

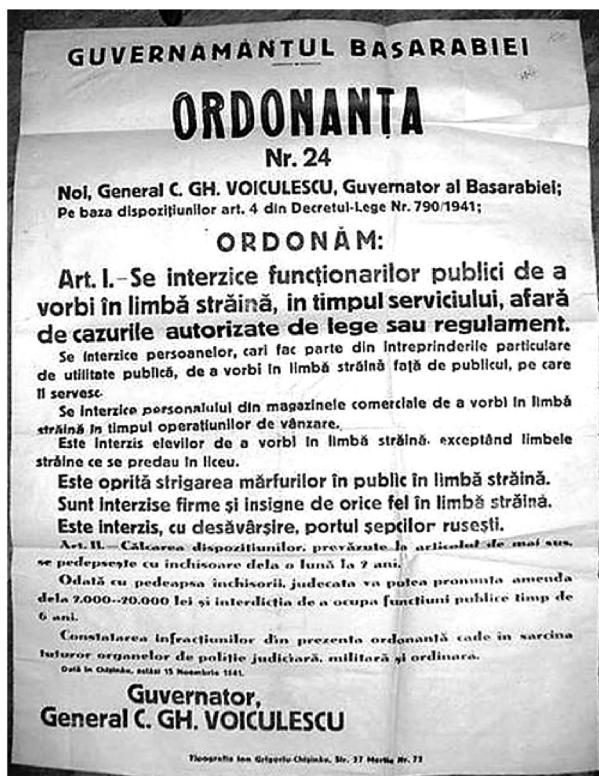

Рис. 49. Приказ К. Войкулеску о запрете «иностранных языков»

установлением здесь своего господства буквально в считанные недели согнали в гетто и лагеря около 80 000 человек, главным образом, евреев и цыган. Понятное дело, среди них были люди с разным достатком, в том числе и зажиточные. Военные, осуществлявшие на деле преступные приказы Войкулеску о поголовной депортации, стали безудержно грабить беззащитных мирных граждан. Военный комендант Кишинева полковник Думитреску за счет ограбления стогняемых в гетто кишиневских жителей, наполнил и отправил к себе домой в Бухарест семь вагонов всякого добра: ковры, посуду, мебель, продовольствие и прочее. Румынский летчик в Маркулештах по фамилии Пырвулеску собрал три вагона награбленного добра.

Эти случаи никем не останавливаемых грабежей приобрели настолько массовый характер, что Антонеску сделал нелицеприятное замечание губернатору. Он даже публично упрекнул генерала. Но,

понятно, не в массовом уничтожении ни в чем не повинных людей, а в безудержном грабеже во имя личного обогащения, совершенно не думая о пополнении государственной казны, которая во время войны истощалась с каждым днем. Все награбленное следовало централизованным порядком передавать в центр, фашистской казне. Желая хоть как-то оправдать себя в глазах нацистского диктатора, в ноябре 1941 г. губернатор Войкулеску победно доложил ему, что на подведомственной ему территории «еврейская проблема решена».

Не следует думать, что оккупанты в своем геноциде ограничились только евреями и цыганами. У молдавских крестьян, как и у крестьян других национальностей, отнимали земли, которые оккупанты «румынизировали». В этом тоже состояла суть национальной реконструкции отвоеванных провинций. Но «румынизированных» земель молдаване не получали – их настоящими румынами никто и не считал. Земли раздавались только выходцам из-за Прута. Молдавские крестьяне превращались в батраков, а чаще всего просто в бесплатную рабочую силу.

Вообще, Войкулеску, как и все прочие оккупанты, молдаванам не доверял, называл их «славянизированными румынами». В октябре 1941 г. Антонеску прислал в провинцию Басарабия директиву, в которой указывал прямо: «Его высочество приказало, чтобы через соответствующие органы сообщить этим лицам: или они становятся румынами и, следовательно, принимают румынские фамилии, делаются настоящими румынами, или же они являются и остаются чуженационалами, и тогда к ним будут относиться соответственно». Естественно, сразу последовал приказ Войкулеску о запрете русских имен и фамилий: никаких Мить – только Думитру, никаких Вась – только Василе, никаких Вань – только Ион, никаких Коль – только Николае. Перекидывая мостик к современности, нельзя не заметить, что этот приказ генерала Войкулеску с радостью исполняли власти Молдовы уже в конце XX в. при обмене советских паспортов на новые, молдавские, в них записывались только румынизированные имена и даже фамилии их обладателей.

Этой насильственной румынизации населения румыны придавали огромное, можно сказать, первостепенное значение. 6 июня 1942 г. губернатор К. Войкулеску подписал специальную директиву, в которой было сказано: «Установлено, что с момента отвоевания Бессарабии и до настоящего времени в школах, государственных учреждениях власти, и, к несчастью, в селах не отrekliсь еще от некоторых обычаев и тенденций, которые доказывают полнейшее непонимание духа ны-

нешнего времени и программы всеобщей румынизации, выполнение которой занимает первое место в плане сегодняшних наших работ». Генерал заявил, что преподаватели и учителя школ обязаны записывать учащихся в журнал только с румынскими именами и исключать из школ тех, кто будет упорствовать в использовании русских имен. Войкулеску приказал немедленно увольнять тех служащих, кто злонамеренно искажает румынские имена. Священникам предписывалось «не крестить молдавских детей с чисто русскими именами».

В предписании губернатора даже прозвучало какое-то грустное недоумение: с русскими все понятно, но почему молдаване не желают быть румынами? Мы им принесли это счастье, а они, неблагодарные, не принимают его! Он так и пишет: «Но самым печальным и непонятным является то, что эта аномалия отмечается и у большинства чисто молдавских семей, которые по непонятным причинам настойчиво пользуются русскими именами, сохраняя, таким образом, в трезвом и активном состоянии русский дух. Устранение этих дурных привычек является первостепенной и главной задачей при выполнении всеобщей и обязательной румынизации духа, настроения и атмосферы в Бессарабии».

Рис. 50. Отправка населения Кишинева на принудительные работы

Вполне возможно, генерал Войкулеску обнаружил бы более вескую причину столь явной неуспешности своей политики «обязательной румынизации духа», если бы обратил внимание на некоторые «дур-

ные привычки» своих подчиненных. Ненависть молдаван, ненависть других народов края к румынским оккупантам определялась, прежде всего, поведением захватчиков на завоеванной земле. Десятки тысяч свидетельств сохранилось, а возможно, сотни тысяч свидетельств и не сохранилось, об отношении румынских оккупантов к местному населению. Приведем для иллюстрации только одно. Вот что рассказывает Ф.Д. Ботнарь, жительница с. Суручены, 1895 года рождения, крестьянка, образование 3 класса:

«Немецко-румынские оккупанты: солдаты, офицеры, жандармы, полицейские и пособники их на протяжении всего периода пребывания в селе производили массовые ограбления мирного населения, под угрозой расстрела они отбирали у крестьян хлеб, скот, домашние вещи, обувь, одежду. Грабежи, как правило, сопровождались побоями. Так в июне 1944 года, ночью ко мне на квартиру явились пять человек румынских и немецких солдат, вооруженных винтовками, и под угрозой оружия забрали у меня около одной тонны кукурузы в кочанах, два мешка ржаной муки, свинью в возрасте около 3-х лет, шесть пар нательного белья и ряд предметов обуви и одежды. Мой муж пытался воспрепятствовать грабежу, но солдаты его избили, угрожали арестом и расстрелом; вследствие чего мой муж, избегая преследования, более месяца скрывался в лесу. В эту же ночь указанные солдаты ограбили и мою соседку и соседа Суручан Александра Ивановича, забрав у них четыреста пятьдесят литров вина. Награбленное имущество они погрузили на подводы и отправили в свой гарнизон. Оккупанты, проживая в селе, полностью находились на содержании местных жителей, которые, боясь смерти, отдавали оккупантам последние скудные запасы продовольствия, обувь, одежду».

Для генерала Войкулеску «устранение этих дурных привычек» озверевшей от безнаказанности солдатни и алчного офицерства, его собственных подчиненных, не являлось «первостепенной и главной задачей». Более того, это поведение было нормой, ибо оно определялось всей политикой оккупационных властей по отношению к завоеванному ими населению. А нормой для нацистов всех времен и народов являются повседневные избиения, грабежи, аресты, пытки, унижения и издевательства, массовые расстрелы и геноцид, открытый террор.

Но рано или поздно за преступления против человечества придется отвечать. Тем более что эти преступления по международному праву срока давности не имеют. Правда, потерял свою теплую долж-

ность Войкулеску не за какие-то провинности или даже преступления, а по другой причине.

В апреле 1943 г. Антонеску снимает К. Войкулеску с поста губернатора и направляет командовать гвардейской дивизией. Естественно, не в наказание за все злодеяния на молдавской земле румынских оккупантов, подчиненных Войкулеску. Очевидно, кондукэтор решил, что нечего профессиональному военному отсиживаться в тылу, когда дела на фронте столь плачевны. Затем полгода Войкулеску командует 1-й горной дивизией, а в июне 1944 г., когда половина территории Румынии и Молдавии была освобождена от фашистской нечисти, ему поручают командование 3-м корпусом румынской армии.

Через два месяца после успешной Яско-Кишиневской операции и свержения фашистской диктатуры Антонеску, в октябре 1944 г., К. Войкулеску был арестован. Однако вскоре был отпущен на свободу и стал простым пенсионером. Однако после расстрела Антонеску в 1946 г. он был снова арестован и приговорен румынским судом за свои преступления к пожизненному заключению. Умер Войкулеску в тюрьме в сентябре 1955 г.

ОЛИМПИУ СТАВРАТ

(22 апреля 1943 г. – 22 августа 1944 г.)

Когда в апреле 1943 г. Антонеску сместил с поста губернатора провинции Басарабия генерала Войкулеску и отправил его на фронт в действующую армию, на пост руководителя оккупационной администрации был назначен другой генерал, столь же убежденный нацист, как и предшественник, Олимпиу Ставрат. Эта замена была вовсе не случайной, в чем мы с вами скоро убедимся. Но начнем с личности главного в крае оккупанта.

Биография О. Ставрата такая же непримечательная и типичная для румынского военного службиста первой половины XX в., как и биография К. Войкулеску. Он родился в мае 1888 г. в с. Михэйлень уезда Дорохой в Румынии. Получил военное образование и занимал незначительные должности офицера румынской армии. Но к началу 30-х годов дослужился до звания полковника и занял должность начальника штаба 4-го корпуса. Здесь и началось его восхождение к вершинам руководящего армейского состава.

В 1936 г. Ставрат введен в состав Генерального штаба, откуда в 1938 г. его направляют командовать 11-й бригадой. Затем его вновь возвращают в Генеральный штаб и назначают начальником военно-транспортной секции генштаба. В ходе уже начавшейся Второй мировой войны в июне 1940 г. О. Ставрат становится командующим 7-й пехотной дивизией. В этой должности он и начал войну против СССР на стороне гитлеровской Германии.

7-я пехотная дивизия под командованием Ставрата входила в состав Горного корпуса 3-й армии и располагалась на советско-румынской границе. Здесь, на границе по Пруту была сосредоточена группа армий «генерал Антонеску», объединявшая отдельный 2-й корпус, 3-ю и 4-ю румынскую армии, а также 11-ю немецкую армию. Впрочем, немцы никогда румынам не подчинялись и считали себя частью своей группы армий «Юг». Перед войсками была поставлена задача захвата Северной Буковины на территории СССР.

В первые же недели войны, в июле 1941 г., подразделение Ставрата захватило в Черновицкой области село Багриновка, а 3 августа дивизия переправилась через Днестр в районе села Вадул-луй-Водэ и затем продолжила движение на восток, через Григориополь и Колосово, на Раздельную, чтобы принять участие в битве за Одессу. С середины августа пехотинцы 7-й дивизии предпринимают ожесточенные усилия

Рис. 51. *Июль 1941 г. Румынские войска ведут бои на советской территории*

штурма Одессы со стороны Раздельной, но все их попытки были отражены Красной Армией. Лишь 18 августа вместе с 1-й румынской танковой дивизией пехотинцам удалось прорвать оборону советских войск и вклиниться в позиции красноармейцев. Однако мощная контратака русских заставила румын попятиться восвояси. Вскоре дивизию Ставрата перевели в резерв для пополнения, а затем вновь бросили на штурм Одессы.

В середине октября 1941 г. 7-я румынская дивизия вместе с другими оккупационными частями вошла в Одессу, после того как советское командование приняло решение оставить город. Но «победители» вовсе не выглядели триумфаторами – бои за город очень дорого обошлись румынам: за несколько месяцев некомплект дивизии достиг почти половины ее списочного состава. Хотя при этом Олимпиу Ставрат за свои военные «успехи» получил повышение по службе – ему было присвоено звание дивизионного генерала.

Антонеску даже наградил своего дивизионного генерала высшим румынским воинским орденом «Михай Витязул» третьей степени за его «доблести» при штурме Одессы. Но боевой путь 7-й пехотной дивизии под его командованием вовсе не был озарен блеском военных удач и побед. В Сталинградской битве значительная часть ее погибла или попала в плен вместе с 6-й армией фельдмаршала Паулюса. А в ходе Среднедонской операции в декабре 1942 г. солдаты 7-й дивизии были

Рис. 52. Погрузка на подводу убитых румынских солдат после боя в с. Выгода Одесской области. Сентябрь 1941 г.

окружены советскими войсками и самовольно оставили боевые позиции. Проще говоря, подчиненные дивизионного генерала с позором бежали с поля боя.

Собственно говоря, на этом бесславный поход вглубь Советской страны для дивизии Ставрата и закончился. В январе 1943 г. на территории Ростовской области дивизия отступает за реку Северский Донец и начинает свой обратный почти двухтысячекилометровый переход в Румынию. В конце марта 1943 г. вернувшееся на родину потрепанное воинство Ставрата было расположено в районе города Романа зализывать раны.

Зато командующий 1-м районным корпусом генерал О. Ставрат получил в апреле почетное назначение в город Кишинев в качестве генерал-губернатора оккупированной советской земли, названной захватчиками «провинция Басарабия». Практически Ставрат получил оккупированную землю в управление как бы в компенсацию за переживания и тяготы своего столь неуспешного броска до Волги и обратно. Правил он краем немногим более года, до 22 августа 1944 г., то есть до освобождения Молдавии и Румынии Красной Армией в ходе победоносной Ясско-Кишиневской операции.

Новый генерал-губернатор был для кондукэтора Антонеску ничуть не хуже, чем старый, а для угнетаемого оккупантами населения – ничем не лучше, чем его нацистский предшественник Войкулеску. Столь же фанатичный нацист и палач, такой же преданный фашистскому

Рис. 53. Убитые румынские солдаты в степи под Сталинградом. Ноябрь 1942 г.

Рис. 54. Колонна румынских пленных под Сталинградом. Декабрь 1942 г.

режиму функционер, одержимый таким же злобным стремлением душисть и подавлять все, что не вписывалось в нацистское понимание

румынской «законности» и «порядка». Правда, к моменту назначения Ставрата на пост главного оккупанта евреев и цыган в крае почти совсем не осталось и ему не пришлось показывать свои способности к массовым убийствам и созданию еврейских гетто. Зато оставалось богатое поле для издевательств и глумления над другими категориями оккупированного населения, включая и молдаван, об «освобождении» которых оккупанты трубили на каждом шагу. В числе первоочередных задач дивизионный генерал решил довести до логического конца начатое еще его предшественником дело с «русскими шапками» у молдаван. Это может прозвучать довольно анекдотично, но так оно и было.

В очерке о генерале Войкулеску мы уже упоминали о его запрете для всех молдаван носить русские шапки. Однако молдаване никакого внимания не обращали на сумасбродные приказы оккупационной администрации, что, можно сказать, обидело и вызвало гнев у нового губернатора. Олимпиу Ставрат посчитал, что молдаване недостаточно усердно выполняют предписания румынских властей. Вот что пишет румынский журналист в газетенке «Basarabia» через несколько месяцев после назначения нового губернатора в сентябре 1943 г.:

«Несколько лет назад, когда я впервые посетил Кишинев, больше всего меня поразило, что местные жители массово носят русские шапки, – пишет автор. – Ни тогда, ни позднее никак не мог понять, почему в этом, чисто румынском регионе, установилась традиция носить эти головные уборы.

Мы, как и во всем мире, хорошо знаем, что предками бессарабцев являются даки, которые носили кэчулы, а не москальские шапки. В нашей народной литературе повсеместно говорится о кэчуле как национальном головном уборе, а не о шапке. Именно кэчулу постоянно забывают, пропивают, занашивают до дыр и носят поочередно все члены семьи из-за бедности...

С сожалением вынужден признать, что молдаване продолжают до сих пор носить москальские шапки вместо кэчул. По этому поводу давно необходимо было принять соответствующие меры, чтобы смыть позор и забыть не самые лучшие страницы из истории Бессарабии. Увы, меры не были своевременно приняты властями.

Однако сегодня с глубоким удовлетворением мы читаем, что 2-й генерал-губернатор Олимпиу Ставрат обратил внимание на этот факт и отдал правоохранительным органам приказ принять все меры для того, чтобы окончательно искоренить этот обычай. Губернатор Бессарабии достоин глубокой похвалы и полной признательности за подобную румынскую меру.

Отныне голова молдаванина будет как у даков, с кэчулой из овечьей шерсти, в которой он будет чувствовать себя настоящим румыном и гордиться этим».

Рис. 55. Статья «Долой русские шапки» в нацистской газете «Басарабия»

Трудно сказать, что преобладает в этом диком панегирике губернатору Ставрату: шутовство? глупость? злоба? подлость? Но оккупанты шутить и развлекаться подобным образом вовсе не собирались. К тому же Антонеску, понятно, вручил генералу оккупированный край не для того, чтобы он полицейскими мерами отучил молдаван от нравившихся им головных уборов. Существовали и более весомые причины назначить во главе провинции боевого генерала, привыкшего по приказу из Бухареста разрушать, грабить, убивать без малейших сомнений.

После Сталинграда и, особенно, после Курска, когда вермахт неудержимо откатывался с востока на запад, ни у кого не вызывал сомнений приближающийся исход войны и наметившиеся в ней явные победители. Правители фашистской Румынии почувствовали, что называется, всем нутром приближение скорого часа расплаты за содеянные ими злодеяния. Они начали лихорадочные поиски путей избежать неминуемого краха. Но не нашли ничего лучшего, чем упрямо действо-

вать во благо спасения гитлеризма, удесятерять свои и без того неисчислимые грехи против человечества. Отсюда и те задачи, которые на своем уровне должен был решать губернатор Ставрат на оккупированной земле.

Какие это задачи? Давайте разберемся. С самого начала войны Антонеску заявлял, что румыны будут проводить в Бессарабии политику, «доходы от которой должны служить не для восстановления, а для нашего содержания». Румынский фюрер в своем кругу, конечно, не повторял сказки государственных пропагандистов о желании осчастливить «бессарабских румын», а четко и откровенно указывал на «наше содержание» как главную цель войны. Для этого при Генеральном штабе румынской армии были созданы специальные структуры «Организации Z-1», на которые была возложена обязанность руководить «военными захватами и трофеями». Это значит: грабить, грабить и грабить, обогащать свой режим, обогащаться самим.

Но и этого мало. Кондукэтор постоянно занимался разработкой планов «реконструкции» оккупированных территорий. Что предполагала эта «реконструкция», нетрудно понять.

Вот, например, что говорил И. Антонеску в беседе с группой архитекторов еще в декабре 1941 г. по поводу «реконструкции» Кишинева: «Мы должны сузить площадь этого города, который очень растянулся... Кишинев не получит больше такое развитие, какое он имел при русских. Тогда он был городом большой России. Когда же мы взяли Бессарабию, Кишинев стал для нас центром сугубо для Бессарабии, аграрной области с населением в два с половиной миллиона жителей. И тогда этот город, который стремился иметь 200 тыс. жителей, превзошел нормальные пропорции... Поэтому мы должны свести население этого города до 100 или 110 тыс.».

Эту задачу собственно, по-своему решал еще генерал Войкулеску, когда создавал еврейское гетто. Именно он начал массовое уничтожение евреев и других категорий коренных жителей города. Но для превращения Кишинева в третьестепенный центр захудалого аграрного района с темным, забитым крестьянским населением и этого было мало. Власти дают указание «уменьшить площадь, занимаемую городом», причем «без особых затрат». Целые кварталы и районы подлежали уничтожению. И в апреле 1943 г. на церемонии утверждения О. Ставрата в должности губернатора ему было указано на это прямо и недвусмысленно. Вероятно, расчет строился на том, что генерал, повидавший на своем боевом пути немало руин и привыкший без сожаления сжигать и уничтожать города и села на Украине и в России, вряд

ли проявит какие-либо сантименты и в деле «уменьшения площади» Кишинева. Расчет оказался верным.

Уничтожение Кишинева было поручено военному коменданту города Станислаусу фон Девицу-Кребсу, который под руководством военного губернатора разработал план по уничтожению всех жизненно важных объектов города. Ему в помощь был специально прикомандирован профессиональный сапер-подрывник Клик Гайнц. Фактически это означало осуществление «политики выжженной земли», руководить которой и поручалось генералу О. Ставрату. Позднее, в декабре 1947 г., на суде в Кишиневе, где рассматривалось дело по обвинению в злодеяниях немецко-румынских оккупантов на территории Молдавии, Гайнц признал, что заминированные объекты Кишинева он подорвал согласно полученному приказу в семь часов вечера 21 августа 1944 г., то есть в последний день правления краем генерала Ставрата.

Но суд будет потом. А тогда, 24 августа 1944 г., советские воины, освобождавшие Кишинев, были потрясены картиной его безлюдья, пожара и руин. Один военный корреспондент писал в эти дни: «Мы вошли в освобожденный город, когда еще дымились развалины. Отступая из города под ударами Красной Армии, гитлеровские палачи подожгли его. Главная улица Ленина почти сплошь разрушена и сожжена, взорваны лучшие дома. Остались руины от зданий, где находились Дворец пионеров, горсовет, дом республиканских организаций, кинотеатр, вокзал. Выведены из строя связь, водопровод. Оккупанты пытались предать огню весь город, но советские воины сорвали замыслы варваров...». В Кишиневе осталось в живых не больше 30 тысяч человек.

Однако и это не все. Задачи генерал-губернатора Ставрата вовсе не сводились к «уменьшению площади Кишинева». Они диктовались всей преступной деятельностью фашистской Румынии, которую принято определять, как «политику выжженной земли». Еще в те времена о ней писал английский журналист Александр Верт: «Уже в 1941 г. немцы проводили политику выжженной земли и имели специальные отряды, сжигавшие перед отступлением, если успевали, целые города и деревни». Румынские фашисты в этом отношении ни в чем не отставали от своих немецких коллег, а в деле безудержного грабежа, пожалуй, в чем-то и далеко превосходили их. Речь идет о плане «Операция 1111», руководить осуществлением которой в Молдавии и был поставлен Олимпиу Ставрат.

Этот человек, генерал Ставрат, в чем-то олицетворяет собой некий парадокс румынского нацизма. Румыны втянулись в войну против Советского Союза с вполне явными целями захвата и грабежа новых земель, не особенно даже маскируя их глупейшими баснями о своем

благородном желании освободить, якобы, своих страждущих братьев, «бессарабских и заднеэстровских румын» от «большевистского ига». Но суть парадокса состояла в том, что чем серьезнее удары получал вермахт от советских войск под Москвой, под Сталинградом, под Курском, в других сражениях на фронтах Великой Отечественной, тем сильнее разгоралась алчность и росли аппетиты грабителей, пытавшихся успеть поскорее вывезти все, что только оставалось ценного на оккупированных территориях.

Красная Армия стремительно приближалась к границам Румынии. Одни представители высшей румынской элиты стали разрабатывать несбыточные планы сколачивания какого-то «антисталинского альянса» из Румынии, Америки и Англии. Другие, наиболее дальновидные, стали прятать от уничтожения и спасать оставшихся в живых евреев, полагая, что будущие победители зачтут им эти добрые дела; кто-то даже стал искать выходы на коммунистическое подполье... Но в целом нацистская система продолжала безраздельно властвовать в этой стране, опираясь на преданных ей людей, именно таких, как губернатор Ставрат. Они упорно и настойчиво продолжали грабить оккупированные народы и усиливать этот грабеж ежедневно и ежечасно. Он был одним из немногих убежденных нацистов, до конца преданных своему вождю. Но что же представляла собой эта операция?

Рис. 56. Колонна румынских пленных (30 тыс. человек),
взятых в бою под г. Калачом 24 ноября 1942 г.

Абсолютно безуспешные на полях сражений против Советского Союза румынские войска проявили массовую «доблесть» и эффективность в деле ограбления безоружных мирных жителей оккупированных территорий. Уже через два дня после капитуляции Паулюса в Сталинграде, в начале февраля 1943 г., власти Румынии утверждают «План 1111», по которому губернаторам Бессарабии, Северной Буковины и Трансильвании предписывалось «вывезти в Румынию всю промышленность, все связанное с материальной жизнью, с таким расчетом, чтобы противник нашел пустую территорию и, следовательно, был вынужден доставлять из тыла все необходимое для продолжения операций».

Поддержанием существования хоть на минимальном жизненном уровне «спасенных от большевиков» бессарабских «братьев-румын» власти не занимались. Бухарест не интересовался ни продовольственным обеспечением, ни медицинским обслуживанием, да и самой жизнью населения оккупированных провинций. Население обрекалось на смерть от голода, дистрофии, болезней, эпидемий. Единственное, что было властям важно, – вывезти все, что только может иметь хоть малейшую практическую ценность.

В губернаторстве «Басарабия» выполнением этой задачи занялся Ставрат. И, надо сказать, что грабеж оккупированного края всей мощью подчиненных ему военных сил увенчался успехом, который был несопоставим с ратными «заслугами» дивизионного генерала на полях сражений. В течение считанных месяцев из Молдавии в Румынию было вывезено почти все оборудование сохранившихся промышленных предприятий, более 90% их общего количества. Оккупанты даже выкапывали трубы водопровода в Кишиневе и других городах, отправляя их в Румынию. Они снимали и отправляли на переплавку рельсы железнодорожных путей; уничтожив таким образом более 200 километров железной дороги. Да что там рельсы?!

Румынские солдаты отбирали у населения и отправляли на переплавку любые металлические предметы – лопаты, бороны, грабли, плуги; отвинчивали даже металлические ручки у дверей. У крестьян отбирали весь скот, всю живность, которая отправлялась за Прут либо использовалась для прокормления оккупантов на месте. Были разграблены практически все больницы и медицинские пункты, а их персонал вывезен в Румынию – врачи, фельдшера, медсестры, даже повивальные бабки. Вследствие этого начался голод, массовые болезни, эпидемии.

Так осуществлялся на практике проект «обезлюдения» оккупированной территории. О. Ставрату удалось поставить процесс уничтоже-

ния местных жителей «мирными», не военными средствами на массовый поток. Ведь из-за разрушения медицинско-социальных структур больных просто некому было лечить, что сказывалось еще долгое время и после свержения его власти – с июня 1944 до августа 1946 г. в Молдавии от болезней и голода погибло 107 тыс. жителей.

Осуществляя экономическое разграбление «вверенной» ему земли, организовывая фактически геноцид местного населения, губернатор пытался каким-то непостижимым образом поднять престиж оккупационных властей в глазах молдаван. Конечно, вряд ли дивизионный генерал по собственным умозаключениям и личным переживаниям стал бы предпринимать эти попытки. Официальный Бухарест дает распоряжение создать видимость либерализации нацистского режима, чтобы идеологически воздействовать на жителей провинции не только страхом, ужасом, но и обманом.

В июле 1943 г. центральные власти напомнили губернатору Ставрату, что распоряжение Войкулеску в апреле 1942 г. о запрете проведения богослужений в местах проживания национальных меньшинств на их языке отменено. Генерал Ставрат высказался за возобновление богослужения на старославянском языке. Ион Антонеску его «милостиво» поддержал со всем присущим ему лицемерием: «Пусть возобновят. Мы не можем требовать одного права для угнетенных румын и отказывать в этом праве меньшинствам у себя».

Это окрылило местных молдавских националистов-регионалистов, противников немедленной и тотальной румынизации молдаван. Священник Николай Томоилэ после ухода Войкулеску и воцарения в провинции Ставрата даже позволил себе публично заявить: «Духовная унификация не делается быстро!». А сам губернатор Ставрат дал распоряжение возобновить выпуск «газеты для народа».

Эта газета даже была названа «Кувынт молдовенеск». Она порекомендовала властям смелее и больше вводить в оккупационную администрацию «местные молдавские элементы». На ее страницах даже выступил архимандрит Юлий (Скрибан) в защиту молдавского языка, критикуя авторов совсем уж по-нацистски оголтелой газеты «Басарабия»: «Чего вы хотите? Чтобы люди читали вас со словарем?». Архиепископ Юлий намекал на непригодность приезжих румынских функционеров для управления краем, призывая своих коллег и всех журналистов использовать не офранцузенный язык, непонятный молдаванам, а исконный язык молдаван, «язык старинных сказаний», язык митрополита Гавриила Бонулеску-Бодони и Михаила Садовяну.

поражении, казалось бы, долг чести для уважающего себя офицера – пустить пулю в лоб. Но Ставрат не застрелился сам и даже не был расстрелян за свои преступления по суду.

Свержение фашистского режима Антонеску в Бухаресте и согласие короля Михая выступить против Германии на стороне стран антигитлеровской коалиции позволило многим румынским военным быстро переориентироваться, или, как сейчас говорят, «переобуться в прыжке». Дивизионный генерал О. Ставрат в 1944 г. становится командующим главного тылового района страны. Тем самым он без всякого ущерба сохранил свое положение, свои регалии, свои привилегии. Только в 1947 г. его отправили в отставку. Затем он был арестован и судим за военные преступления.

Рис. 58. Румыны приветствуют солдат Красной Армии как воинов-освободителей. Август 1944 г.

Бывший правитель оккупированной Молдавии, губернатор, генерал Олимпиу Ставрат был приговорен румынским судом к пожизненному заключению. Однако просидел он недолго и был выпущен на свободу в 1955 г. Умер нацистский генерал в Румынии в 1968 г.

ГЕОРГЕ АЛЕКСЯНУ

(19 августа 1941 г. – 26 января 1944 г.)

Рис. 59. Г. Алексяну

Мы уже отмечали, что румынские фашисты, оккупировав земли Молдавской ССР, разделили их на два губернаторства – «Басарабия» и «Транснистрия». При этом они прекрасно понимали, что территории восточнее Днестра никогда не имели никакого отношения ни к Молдавскому княжеству, ни, тем более, к Румынии. Казалось бы, достигнув берегов Днестра, они должны были остановиться, поскольку цель похода на восток была достигнута к середине августа 1941 г. – «братья» между Прутом и Днестром были уже «освобождены» от «большевистского ига».

Что же заставило румынскую военщину идти вглубь территории Советского Союза? Вскользь об этом уже было сказано. Поговорим подробнее, почему румынские фашисты не остановились на Днестре.

Это действительно странно, тем более, что даже в самой правящей верхушке Бухареста находились люди, понимавшие, что такая авантюра грозит им в недалеком или даже отдаленном будущем большими неприятностями. Командующий 4-й румынской армией генерал-лейтенант Николае Чуперкэ, руководивший военными действиями на одесском направлении и на своей шкуре испытывавший мощь и силу Красной Армии, даже подал в отставку 5 сентября 1941 г. из-за несогласия со стратегической линией Антонеску на войну против СССР вместе с гитлеровцами. Будучи близко знакомым с кондуктором, он сказал ему прямо: «Мэй, Ион, я не понимаю, что мы ищем в России. Мы возвратили принадлежавшее нам, похищенное Советами, и это все. Поступим же так, как это всегда делал наш крестьянин. Выгнав чужое животное со своего поля, он начинал заниматься делами собственного хозяйства. Но ты меня не послушал...».

Кстати, Чуперкэ столь откровенно и резко высказал свое мнение вовсе не от какой-то расположенности к Советам и России. Он был хорошо известен жителям Кишинева и «прославился» тем, что в 1937 г., когда советская страна отмечала 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина, по его приказу были уничтожены слова великого поэта на его памятнике в Кишиневе на русском языке: «Здесь лирой северной пустыню оглашая, скитался я...».

Кстати, памятник этот воздвигли вовсе не большевики, так ненавистные генералу, а общественность Кишинева в XIX в. на собранные кишиневцами средства. А когда румыны захватили Котовск (бывшую Бирзулу, которую в середине 20-х гг. намечалось сделать столицей МАССР), подчиненные Н. Чуперкэ разбили прикладами стеклянный саркофаг основателя первой молдавской государственности на левобережье Днестра Г.И. Котовского, взорвали его мавзолей, отрубили саблей голову, а тело выбросили в ров с расстрелянными жителями города, главным образом, евреями. Но даже этот убежденный фашист понимал, что война против советской страны ничем хорошим для румынских нацистов не закончится.

Однако у Антонеску были другие планы. 9 сентября он спокойно принимает отставку генерала Чуперкэ, ибо вопрос построения «Великой Румынии» за счет территорий восточнее Днестра уже был решен с Гитлером и не подлежал обсуждению. Еще 14 августа 1941 г., через несколько дней после того, как фашисты вошли в Тирасполь, Антонеску получил из Берлина от Гитлера личное послание следующего содержания:

«Ваше Превосходительство! После наших совместных побед, наши объединенные войска на Южном фронте стремительно преследуют врага. Территории на восточной стороне Буга в скором времени будут очищены до самого Черного моря. В этом положении предлагаю, чтобы Вы, генерал Антонеску, после завоевания низовий Днестра, взяли под свою ответственность безопасность территории от Днестра до Днестра... Остаюсь верным нашему боевому товариществу. Всем сердцем преданный Вам, Адольф Гитлер».

Конечно, Антонеску ликовал: сам великий фюрер клянется ему в верности и сердечной преданности! Но природная хитрость Красной Собаки подсказывала кондуктору, что за лестными посулами его кумира таится элементарный подвох. Нацист не был слабоумным и понимал: Гитлеру румынская нация нужна как пушечное мясо в борьбе с Советским Союзом; он дает щедрые обещания, но вряд ли отдаст румынам лакомый кусок Украины. Да и территорию «до Днестра» он вовсе

не отдаст им навеки для создания «Великой Румынии», а лишь предлагает обеспечивать ее безопасность. После долгих раздумий Антонеску решается 17 августа на свой подбострастный, но скромный ответ:

«Согласно желанию Вашего Превосходительства, обязуюсь обеспечить охрану, порядок и безопасность на территориях между Днестром и Днепром... Что касается административного управления и экономической эксплуатации, то из-за отсутствия средств и подготовленных органов власти, я могу взять на себя ответственность только на территорию, что простирается между Днестром и Бугом...».

Рис. 60. Маршал И. Антонеску с румынскими офицерами. 1941 г.

Сразу после отправки своего скромного и полного достоинства, как ему казалось, ответа, 18 августа 1941 г. Ион Антонеску садится в поезд и несется в Бендеры. Здесь расположился штаб 4-й румынской армии, которой командовал генерал Николае Тэтэряну, заместитель

главнокомандующего. Высшее офицерство было готово выразить свое отношение к продолжению военных действий. Но мнение собственных генералов уже не интересовало Антонеску никоим образом: дело решено, румыны раздвигают свои границы до Южного Буга, Гитлер позволил. После коротких переговоров с представителями немецкого командования 19 августа кондуктор подписывает «Приказ № 1»:

«Мы, генерал Ион Антонеску, верховный главнокомандующий армией, постановляем:

Ст. 1. Территория, оккупированная между Днестром и Бугом, за исключением Одессы, граничащая на Севере по линии Могилев–Жмеринка... входит в состав румынской администрации.

Ст. 2. Назначаем нашим представителем в Транснистрии, с предоставлением ему всех полномочий, господина профессора Георге Александру...

Ст. 7. Назначаем резиденцию управления Транснистрией в г. Тирасполе...

Дан сегодня, 19 августа 1941г., в нашей главной ставке. Антонеску».

Рис. 61. «Арка победы», установленная оккупантами при въезде в Тирасполь.
Надпись: «Да здравствует Правительство Родины-освободительницы!»

Итак, 19 августа 1941 г. на оккупированных землях Молдавии и Украины одним росчерком пера создается некая территория, названная оккупантами «Транснистрия», которой суждено было войти в

историю как место массовых убийств, горя и страданий сотен тысяч ни в чем неповинных людей – мужчин и женщин, пожилых и юных, стариков и младенцев. Антонеску, не мешкая, сразу же вызывает к себе двух профессиональных палачей – главу Секретной службы информации Эужена Кристеску и главу жандармерии генерала Пики Василиу, перед которыми была поставлена задача очистить территорию Румынии в короткие сроки «от всякой нечисти», т.е. от евреев, цыган, славян и прочих нежелательных и враждебных румынам элементов.

Друг и заместитель фашистского лидера, министр иностранных дел Михай Антонеску, с присущим ему пафосом и фальшивыми красотами мигом обосновал право румын делать на завоеванных землях абсолютно все, что они посчитают нужным: «Там, где на протяжении веков продолжалась жизнь. Там, где, умирая, наши старики призывают Бога, называя его «Домняэу». Там, где рожая детей, наши матери выкрикивают слово «мама». Там, где под иконами горит христианская лампада. Там, и только там, находятся ПРАВА НАШЕЙ НАЦИИ. На землях Бессарабии и за Днестром, как и везде, где бьется румынское сердце, там наши ПРАВА и наша ЖИЗНЬ...».

Осуществлять на деле эти «права», распоряжаться жизнями одних и смертями других было поручено не профессиональному палачу, беспощадному крушителю или безмозглому солдафону, а человеку образованному и, можно сказать, уважаемому – профессору Георге Алексяну, назначенному диктатором гражданским губернатором Транснистрии. Что же собой представлял этот человек? Кого на этот раз послала судьба на многострадалные земли Днестра руководить молдаванами, украинцами, русскими, евреями, болгарами и всеми другими жителями Транснистрии?

Г. Алексяну родился 1 января 1897 г. в городе Панчу румынского уезда Вранча в аромунской семье местного чабана. Аромуны, или македонские румыны, представители восточнороманской народности, которые проживают во многих балканских странах и говорят на языке, близком к румынскому. Вероятно, ему, выходцу из бедных крестьян, очень уж хотелось поскорее «выбиться в люди», стать в румынском обществе образованным, богатым, успешным и солидным человеком. Он чувствовал, он знал, он понимал, как лучше всего сделать карьеру в окружающем его обществе.

В 18-летнем возрасте юный Алексяну поступает в Бухарестский университет и учится на юриста. Но, когда в 1916 г. пришло известие, что Румыния приняла сторону Антанты и вступила в Первую мировую войну, он бросает учебу и добровольцем отправляется на фронт. Долго

Рис. 62. Губернаторство «Транснистрия» (1941–1944 гг.)

повоевать, правда, ему не пришлось – вскоре он был демобилизован и вернулся в студенческую среду продолжать учебу.

После окончания университета Алексяну преподает детям историю и философию в лицее города Рымнику-Вылча. В то же время проходит курс докторантуры в Бухарестском университете и по окончании курса в 1925 г. становится доктором права. Затем, отправившись на северо-восток страны, в течение десяти лет Алексяну работает в должности профессора общественного права в Черновицком университете. Очевидно, воинствующий наступательный румынизм черновицкого профессора не остался незамеченным властями. Поэтому в 1938 г. Алексяну получает повышение в карьере: назначается королевским резидентом в уезде Сучава, а в феврале 1939 г. его переводят на такую же должность в столичный уезд Бучедж.

Обладая всей полнотой власти как королевский резидент, профессор Алексяну развернул активную деятельность по навязыванию «правильного» сознания населению в зоне своей ответственности. Особое внимание он уделял разным меньшинствам – украинцам, русским, евреям, болгарам, сербам и др. В декабре 1938 г. он издает указ, по которому во всех общественных местах, в магазинах, учебных заведениях, банках, в конторах и промышленных предприятиях были вывешены таблички «Говорите только по-румынски!». Неукоснительному выполнению всеми обывателями этого приказа он уделял столь большое внимание, что лично контролировал его выполнение. Ослушников увольняли с работы, исключали из учебных заведений, штрафовали, наказывали всеми мыслимыми средствами. «Ворбеште нумай румынеште!» как символ наступательного агрессивного румынизма становится фирменным знаком профессора, открывая перед ним широкие горизонты административной карьеры.

В этом, собственно, и весь жизненный путь этого деятеля до его назначения губернатором Транснистрии – от студента к учителю, от учителя к ученому, от ученого к администратору. И дальше – от администратора к диктатору и самодуру, от диктатора к палачу, организатору геноцида и грабежа захваченных фашистами территорий. И нам, конечно, в первую очередь интересно то, каким образом он вписал свое имя в историю наших предков.

Георге Алексяну, получив назначение на должность гражданского губернатора Транснистрии, приезжает в Тирасполь. Но ненадолго, всего на два месяца, пока Тирасполь официально считался «столицей» губернаторства. Здесь, в Тирасполе, 28 августа 1941 г. губернатор подписал свой первый указ, согласно которому все местные административные органы должны были немедленно приступить к инвентаризации всего того добра, которое хранилось на их территории. Имущество,

оборудование, все ценности следовало скрупулезно учесть, записать, оценить, законсервировать и сохранить до последующих распоряжений. Каждый местный абориген должен понять и запомнить: хозяева пришли! Пришли навсегда.

В тот же августовский день Александру подписал и указ № 2: все колхозы и совхозы советских времен возобновляют свою деятельность. Крестьяне обязаны выходить в поле и заниматься всеми необходимыми агротехническими работами по выращиванию, обработке и сохранению сельскохозяйственной продукции. Не для себя, естественно, не для своих колхозов и совхозов и не для Советов, а на благо Великой Румынии, во имя ее победы над коммунизмом (который, правда, эти колхозы и совхозы и создавал). Вся земля провозглашалась собственностью румынской администрации, колхозы объявлены «трудовыми общинами», а совхозы – «государственными хозяйствами». Румынским офицерам, награжденным орденом «Михай Витязул» и другими высшими наградами, выдавалось во владение по 50 га земли. Остальным орденосносцам, ветеранам фашистского движения – по 25, 15 и 10 га. Всем городским ремесленникам предписывалось незамедлительно пройти регистрацию в пятидневный срок, получить у властей разрешение и также возобновить работы во имя будущих побед румынского духа.

Рис. 63. Военный парад румынских войск в оккупированном Тирасполе

Так Георге Александру начинал свое «мирное» администрирование на подчиненных ему землях. Правда, они еще не расширились до намеченных пределов. Слишком велико было сопротивление Красной Армии и «порабощенных большевиками» народов нашествию «освободителей».

Осенью 1941 г. румыны изо всех сил рвались к Одессе, теряя в кровопролитных боях неимоверное количество своих солдат и офицеров. Но их цель – Одесса, черноморский порт – была настолько желанна, что о потерях не думали. Как только Красная Армия оставила этот город, 17 октября 1941 г. Антонеску подписывает указ о перенесении столицы «Транснистрии» из Тирасполя в Одессу. В начале ноября 1941 г. Александру переезжает из нелюбимого им Тирасполя в «свою» новую столицу, столь же, впрочем, нелюбимую, и поселяется в Воронцовском дворце на Приморском бульваре Одессы.

Отсюда Александру руководил огромными территориями в 44 тыс. квадратных километров, на которых проживали 1 млн 100 тыс. человек разных национальностей, культур, языков, обычаев и традиций. Губернаторство было разделено на 13 уездов. На юге его граница проходила по побережью Черного моря между Днестром и Южным Бугом, на севере – по речкам Лядова и Ров в Барском районе Винницкой области. Как исполнительный чиновник и убежденный нацист, губернатор превратил эти земли в место для создания многочисленных гетто и концлагерей, в которых уничтожались его коренные жители – прежде всего, евреи. Уничтожались поголовно как местные евреи, так и пригоняемые сюда из Румынии и провинции «Басарабия». Вся «Транснистрия» стала полем для невиданных в ее истории массовых казней и зверских издевательств над мирными людьми.

Антонеску доверял своему наместнику в «Транснистрии», отчетливо понимая, что познания профессора в области права никак не помогают ему румынизировать захваченные земли, очищая их от местного населения для последующего расширения «румынского пространства». И все же он не устал напоминать гражданскому губернатору главные цели их политики в оккупированном крае.

Еще в период боев румын за Одессу в сентябре 1941 г. Антонеску в уме разрабатывал планы переселения и уничтожения огромных масс людей. Он писал своему заместителю в Совете Министров: «Все евреи должны быть привезены в лагеря, желательно в Бессарабии, а уже оттуда, как только решу текущие вопросы, я вытолкну их в Транснистрию. Их устранение поможет нам избавиться от слабости, которая угрожает нашей победе. Чтобы победить, мы должны быть непоколе-

Рис. 64. Румынские захватчики в оккупированной Одессе. Ноябрь 1941 г.

бимыми. Это должны знать все. Преобладать должна не экономика, а воля народа. И война в целом, и бои за Одессу, в частности, предоставили обильные доказательства того, что Сатана – это евреи. Отсюда и

Рис. 65. Узники Кишиневского гетто перед отправкой на уничтожение в Транснистрию

наши огромные потери. Если бы не было еврейских комиссаров, мы давно бы заняли Одессу».

Фактически это был план выселения в новую провинцию для уничтожения больших масс людей по этническому, культурному или языковому признаку, что и является геноцидом. Детализируя в дальнейшем эти планы, вплоть до разработки маршрутов следования конвоев мирного населения в «Транснистрию», маршал Антонеску вполне ясно указывал губернатору Алексяну, что и его провинция должна быть очищена от нежелательных этнических элементов. «Ни для кого не секрет, – заявлял кондуктор на заседании Совета Министров 26 февраля 1942 г., – что я не желаю упускать из рук то, что взял. Транснистрия станет румынской провинцией, мы сделаем ее румынской и выселим оттуда всех иноплеменных. Я приму на себя всю тяжесть этого решения, чтобы достичь этой цели. Мы должны открыть пространство для румын, потому что румыны больше не могут содержать себя. Жители наших деревень больны туберкулезом, потому что они не имеют возможности зарабатывать. Я возьму этот народ, заселю им Транснистрию, предоставлю землю, которая ему нужна, даже 100 акров, если они смогут на них работать. Я найду достаточное количество домовладельцев для этого».

Эти пожелания и стратегические задачи находили воплощение в конкретных приказах и указаниях из Бухареста, которые Алексяну и его подчиненные строго выполняли. Уже 19 августа, в день своего назначения, губернатор получил две директивы: «Инструкция для

Рис. 66. Румынские солдаты ведут колонну евреев в Транснистрию

администрации в регионе Транснистрия» и «Инструкция на операции главного штаба жандармерии в Транснистрии», – которые предписывали организовать сосредоточение всего еврейского населения в гетто и концлагерях для последующей его ликвидации. Впрочем, не только евреев коснулась политика Алексяну, а каждого жителя губернаторства.

Всем украинцам, русским, гагаузам, болгарам было запрещено заниматься крупным предпринимательством, оптовой и внешней торговлей, транспортом, гостинично-ресторанным бизнесом. Украинцам, русским и прочим «инонационалам» категорически запрещалось заниматься также адвокатурой, нотариатом, литературой, искусством, преподавательской деятельностью, кинематографом. Запретил им губернатор Алексяну даже занимать должности гувернеров и гувернанток в румынских семьях. Естественно, были запрещены и браки между этническими румынами и всякими «иноплеменными».

Не забыл Алексяну и своего любимого конька – языковой геноцид. Он издал распоряжение и лично постоянно занимался контролем его неукоснительного соблюдения всеми – о запрете разговоров во всех общественных местах на любом языке, кроме румынского. Нарушителей этого приказа увольняли с работы, из учебных заведений, штрафовали, сажали в тюрьмы. Кондуктор с одобрением смотрел на это и всячески поощрял.

И все же Антонеску беспокоился, достаточно ли сил будет у профессора для очищения огромных пространств земли от их ни в чем не повинных жителей, для массового уничтожения людей и беспощадного геноцида. В личном письме назначенному гражданскому губернатору он писал: «Мы, Георге, должны освободить пространство для своего народа. Все подручные средства хороши. Нужно каленым железом вытравить всю память о том, что они когда-то жили на наших землях. Высосать все накопленное ими большим насосом и отправить их в ад». Однако Алексяну не нуждался в каком бы то ни было подстегивании или мотивации своей преступной бесчеловечной деятельности. Он вполне осознанно и целеустремленно руководил «вверенным» ему краем согласно своим нацистским убеждениям.

Понимая, что обещанная Гитлеру Ионом Антонеску поголовная ликвидация всех евреев и цыган не подлежит даже обсуждению и должна быть осуществлена в кратчайшие сроки, Алексяну отдает распоряжение о создании на территории губернаторства нескольких десятков концлагерей и еврейских гетто. Фактически вся «Транснистрия» покрылась сетью конвейеров уничтожения.

Сюда огромными толпами сгоняли евреев, цыган, людей других национальностей, политических заключенных и военнопленных на мас-

Рис. 67. *Губернатор Г. Алексяну в рабочем кабинете*

совые убийства из Бессарабии, из различных областей Румынии. Большое количество погибало в дороге от недоедания, от болезней, упадка сил, было расстреляно палачами. Их зарывали в землю в больших ямах, которые выкапывали по приказу конвоиров сами несчастные. Все делалось согласно специальной инструкции, которая определяла, что людей надо в «Транснистрию» гнать колоннами по 1500–1600 человек, но к Днестру «должно прийти как можно меньше». Как говорилось в приказе, «по пути следования нужно заранее подготовить большие ямы на 100 человек и расстреливать всех отстающих от колонны», имелись в виду женщины, старики, дети, больные, инвалиды, беспомощные.

Сохранились документы, которые позволяют воочию представить ужасы этого переселения людей в «Транснистрию», место их окончательного уничтожения. Так, румынские лейтенанты Рошка и Попович, которые вели узников по маршрутам Единцы–Косоуцы и Единцы–Секуряны за несколько дней расстреливали по 500–600 человек каждый. В своей докладной записке Рошка сообщал, что закапывал в ямах по 120 человек, причем, многие из них были еще живыми, умоляли о пощаде. Он признался, что «во время выполнения полученных приказаний имели место такие драматические моменты, которые надолго запомнились их участникам».

Никаких подобных сантиментов за гражданским губернатором не числилось. Узников, которых не уничтожили в дороге и собрали в

«Транснистрии», румынские власти использовали на каторжных работах, а «лишних» расстреливали без всякой пощады. Массовые убийства совершались в Одессе и во всех других городах и селах оккупированного края. Только в январе 1942 г. румыны собрали в Одессе и отправили в лагеря уничтожения «Транснистрии» 30700 евреев. Наиболее важными местами их массовых убийств стали села Богдановка, Ахметчетка и Доманевка. Специальные зондеркоманды румынской и украинской полиции с января по февраль 1942 г. расстреливали здесь евреев десятками тысяч. К марту 1943 г. общее число загубленных составляло 185 тыс. человек.

А всего за время своей оккупации румыны под руководством профессора Алексяну уничтожили, по самым скромным подсчетам, на территории «Транснистрии» более 327 тыс. евреев и более 50 тыс. цыган. Уже в феврале 1942 г. губернатор с гордостью докладывал кондуктору, что Одесса полностью и окончательно очищена от евреев.

Но не только еврейское и цыганское население было предметом особой «заботы» губернатора. В 1942 г. по распоряжению Антонеску оккупанты приступили к выселению 400 тыс. украинцев из Черновицкой области, а также 700 тыс. украинцев, русских, болгар, гагаузов из Южной Бессарабии, которых должен был принять и соответствующим образом «разместить» в своей губернии Алексяну. А профессор в свою очередь поставил подчиненным задачу уже к весне 1943 г. закончить очищение левобережного Приднестровья от «чуженационалов», чтобы начать здесь размещение румынских колонистов. Он уже и отдавал распоряжения по этому предмету: «Колония должна быть создана из компактного румынского села, из людей, связанных семейными узами, ибо в противном случае румынское население, разбросанное среди другого населения, может потерять свою этническую ценность».

Румынская «этническая ценность» волновала губернатора, конечно, прежде всего. Но не забывал он и о ценностях материальных. Согласно данным народного трибунала Румынии 1946 г., Алексяну ограбил ликвидируемых им узников концлагерей и гетто на общую сумму в 400 млн леев. Правда, как человек по-своему «честный», эти деньги он использовал не на свое личное обогащение, а отправлял их на счет организации «Патронаж», которой руководила Мария Антонеску, супруга диктатора. Но и эти деньги – просто мелочь по сравнению с масштабами общего грабежа оккупированных румынами земель Транснистрии.

Рис. 68. Г. Алексяну, М. Антонеску и супруга кондуктора Мария Антонеску на «выставке достижений» захватчиков в Транснистрии

По данным румынской статистики, Алексяну за время своего губернаторства организовал отправку в Румынию из Транснистрии 21254 вагонов зерна, 41123 вагонов овощей, а также 75 тыс. голов крупного рогатого скота, 25 тыс. лошадей, 100 тыс. овец, 30 тыс. свиней, 350 тыс. голов домашней птицы, 11 тыс. пчелиных ульев. Нескончаемыми потоками в Румынию вывозилась также кожа, шерсть и другие сельскохозяйственные ценности оккупированного населения. В Бухаресте была открыта целая система магазинов «Транснистрия», где продавались завозимые товары, отнятые насильно у захваченного населения. Только в мае 1942 г. через эту сеть было продано 2 млн яиц, 12,5 т сливочного масла, 2,3 т брынзы, 4,3 т сала и множество других продуктов.

Характерно, что румынские политики, осуществлявшие «реконструкцию» завоеванных территорий, нисколько не сомневались в преступном характере своих деяний. 17 марта 1942 г. на заседании Совета Министров М. Антонеску потребовал: «Берите как можно больше из Транснистрии, но без документов, чтобы завтра русские не достали эти документы и не положили их на стол». А через месяц он заявил: «В Транснистрии еще есть скот, и я дал указание господину Алексиану относительно тракторов, скота и свиней».

Грабёж «Транснистрии» при Алексяну стал тотальным и принял, по словам немецкого генерала Франца Гальдера, «экзотический» характер. Даже немцы удивлялись масштабам организованного профессором очищения «Транснистрии» от материальных богатств и природных ресурсов. Отсюда в Румынию вывозилось буквально все: спальные кровати из детских садов, школьные парты и доски, кухонная посуда, одежда и обувь, книги из городских и школьных библиотек... Более 4 тыс. вагонов с подобным имуществом отправил профессор из руководимой им губернии.

«Этническое очищение» территории «Транснистрии» предусматривало не только грабёж всех имеющихся здесь ценностей, но и уничтожение местного населения в доселе невиданных масштабах. Предполагалось уничтожить и выселить за 4 года всех «инонационалов» (примерно 1 млн 100 тыс. человек), а затем начать «румынизацию» этих земель колонистами из самой Румынии. Эти разработанные кондуктором планы «национальной реконструкции отвоеванных провинций», означавшие поголовное истребление мирного населения, гражданский губернатор Алексяну понимал, поддерживал и с энтузиазмом осуществлял.

Однако победы Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны сорвали все людоедские планы фашистов. Когда фронт стал стремительно приближаться к границам «Транснистрии», 26 января 1944 г. Георге Алексяну был отозван в Бухарест, а вся власть передана командующему 2-м армейским корпусом генералу Георге Потоляну. Что само по себе уже не имело никакого значения: в марте контроль над этой территорией перешел к немецкому командованию. Ни о какой «Транснистрии» уже никто больше не вспоминал, как и о проектах ее национальной реконструкции; в начале апреля эти земли были освобождены от нацистской нечисти.

В августе 1944 г. в ходе Яско-Кишиневской операции и антифашистского восстания в Бухаресте профессор Г. Алексяну был арестован и как военный преступник отправлен в Москву. Однако по каким-то причинам Москва не стала им заниматься, хотя он совершал свои преступления на территории Советского Союза и должен был здесь нести за них ответственность. Бывшего губернатора почему-то возвращают в Бухарест. Московское соглашение 12 сентября 1944 г. между Румынией и странами антигитлеровской коалиции включало статью о наказании румынских военных преступников. В соответствии с ним в апреле 1945 г. в Румынии был принят закон № 312 «О разоблачении и наказании виновных в разорении страны и военных преступлениях».

Рис. 69. *Немецкие и румынские пленные в Одессе. Апрель 1944 г.*

Когда пришло время держать ответ за массовые зверства и грабежи, профессор Алексяну оказался столь же трусливым, сколь и словоохотливым. Сваливая всю вину на своего шефа, кондуктора, он наговорил 23 тома чистосердечных признаний. Маршала Антонеску он называл «главным виновником оккупационной войны Румынии против Советского Союза, а также грабежей советских предприятий и учреждений, осуществленных на оккупированной советской территории».

Но это ему не помогло. Народный трибунал Румынии 1 июня 1946 г. в 18 час. вечера вынес приговор Иону Антонеску, Георге Алексяну, Михая Антонеску, генералу жандармерии Константину Василиу и еще нескольким министрам и высшим функционерам фашистского режима. Они были приговорены к смертной казни. Через десять минут после оглашения приговора охрана вывела военных преступников во двор бухарестской тюрьмы Жилава и расстреляла.

Зло было наказано, что не часто, к сожалению, бывает в истории. Казалось бы, самая черная страница в истории Молдавии перевернута раз и навсегда. Но, увы, это не так. Последние десятилетия за Прутом постоянно предпринимаются попытки объявить военных преступников, наказанных румынским же судом, мучениками и национальными героями. Только протесты западных политиков помешали румынам реабилитировать казненных нацистов. Даже сенаторы США поставили

под сомнение приверженность Румынии «европейским ценностям». Верховный суд страны вынужден был отменить решение суда низшей инстанции о реабилитации румынских фашистов, поскольку Румынию могли лишить поддержки при вступлении в НАТО.

Однако уже в 2001 г. в Бухаресте открыли первый в Румынии памятник Иону Антонеску. На этих «торжествах» засветился и террорист-убийца Илие Илашку, на руках которого кровь граждан Приднестровья. В 2006 г. сын кровавого губернатора «Транснистрии» Сорин Алексяну подал прошение в суд о реабилитации своего папаша. Дело почему-то застопорилось, и он во второй раз подал прошение.

Тогда же, в 2006 г., Апелляционный суд в Бухаресте частично оправдал военных преступников, сняв с них вину за войну против СССР, поскольку, якобы, она была оправдана стремлением румынских фашистов бороться «за освобождение Бессарабии и Северной Буковины», а также устранить советскую военную угрозу. Правда, Верховный суд Румынии через два года признал решение Апелляционного суда недействительным – пугать Европу таким откровенным оправданием кровавых преступлений военных преступников румыны побоялись.

Однако не будем спешить – тенденция к кардинальному переписыванию истории ясна и понятна. Идейные наследники и прямые потомки проигравшей стороны сейчас усиленно готовят почву для реванша. Убийцы, грабители, насильники и садисты, организаторы массовых преступлений против человечности вполне могут пополнить ныне пантеон героев в целом ряде стран, в том числе и Румынии. А это означает, что давно ушедшее трагическое прошлое вполне может обернуться однажды кошмаром настоящего.

Эпилог, или Вместо заключения: СОСТОЯЛОСЬ ЛИ НАКАЗАНИЕ РУМЫНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ?*

В годы войны Румыния приняла участие в агрессии против СССР, ее войска вместе с немецкой армией дошли до Сталинграда и предгорий Кавказа, а румынская администрация «управляла» оккупированными территориями Молдавии и областей Украины к западу от Южного Буга. Свержение 23 августа 1944 г. фашистской диктатуры в Румынии не означало, что страна будет освобождена от ответственности за содеянное при прежнем режиме. Соглашение о перемирии между Румынией и Антигитлеровской коалицией, подписанное 12 сентября 1944 г. в Москве, включало пункт о наказании румынских военных преступников.

Бухаресту была предоставлена возможность провести денацификацию румынского общества собственными силами. Преследование военных преступников представляло собой не только акт справедливого возмездия. Оно являлось условием антифашистского сплочения населения самой Румынии и мобилизации сил страны на разгром гитлеровской Германии и нацистской Венгрии, державшей под своим контролем румынскую Трансильванию. Вопрос заключался в том, смогут ли демократические, подлинно патриотические силы Румынии реализовать эту возможность.

Румынские военные преступники: попытка персонификации

Кого, собственно, следовало признать военными преступниками? Румынскими войсками, с конца августа 1944 г. сражающимися плечом к плечу с частями Красной Армии, командовали генералы и офицеры – участники антисоветской войны. Винить их за недавнее участие в боях против Красной Армии было не время. Но это обстоятельство не означало прощения тех из них, кто совершил военные преступления и преступления против человечности. К числу военных преступников,

* <http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=15080&print=Y> Автор выражает искреннюю признательность коллеге П.М. Шорникову за разрешение использовать его исследование в качестве эпилога к своей книге.

как показала деятельность Нюрнбергского трибунала, следовало отнести весь круг лиц, виновных в планировании и ведении агрессивной войны, политике геноцида и террора, в разорении экономики и уничтожении социальной инфраструктуры территории, оккупированной румынскими войсками.

Кроме самого Антонеску и членов его правительства, а также руководителей карательных служб, к их числу следовало отнести командующих, офицеров и солдат, повинных в актах геноцида, террора и грабежа, в жестоком обращении с населением оккупированной территории СССР, персонал сигуранцы (политическая полиция), военной контрразведки ССИ и других специальных служб и, разумеется, полицейских и жандармов. То есть имелись основания объявить преступными организациями Генеральный штаб румынской армии, ответственный за планирование и ведение захватнической войны, а также названные карательные службы.

Какова была хотя бы примерная численность румынских военных преступников? Как показало судебное разбирательство преступлений одного из них, жандарма 8-го жандармского батальона Николае Берташ, «служившего» в селе Павловка Гросуловского района «Заднестровья», их служба заключалась в повседневных избиениях, арестах и грабеже крестьян. 24 апреля 1946 г. военный трибунал приговорил палача к 20 годам лишения свободы [1]. Имелись основания для индивидуального наказания минимум 5 тыс. «сельских» жандармов «Транснистрии», такого же по численности жандармского персонала Бессарабии и более 1 тыс. жандармов Северной Буковины.

На цифру, исчисляемую тысячами преступников, вышел и молдавский автор Алекс Гэинэ, предпринявший попытку поименно назвать румынских военных, жандармов, полицейских и их местных пособников, совершивших преступления на территории Молдавии. Первыми он называет маршала Иона Антонеску, губернатора «Транснистрии» (Буго-Днестровское междуречье) профессора Георге Алексяну, командующего армией Петре Думитреску, командующего военным округом генерала Николае Чуперкэ. Затем следует длинный, но, по признанию автора, далеко не полный список заведомых убийц, совершивших злодеяния в Кишиневе: комендант гетто полковник Думитреску, председатель трибунала Василиу, судья Погоца, военный прокурор Эмиль Кирулеску, начальник тюрьмы Тудосе, десятки жандармских и армейских офицеров, следователей-сидистов, рядовых жандармов. Подобные списки составлены автором по городам Бельцы и Тирасполь, по ряду сельских районов Молдавии [2].

Арест и заключение под стражу жандармов и сотрудников других репрессивных служб режима Антонеску, служивших на оккупированных территориях, в общей сложности более 20 тыс. чел., был бы оправдан с нравственной и правовой точки зрения, облегчил бы выяснение индивидуальной вины каждого обвиняемого и, таким образом, не противоречил принципу индивидуализации наказания. Но позицию Москвы в вопросе о наказании румынских военных преступников определял лозунг «Все для фронта, все для победы!». Он стал ключевым положением политики широкого компромисса, проводимой и коммунистами Румынии. Ни одна служба режима Антонеску преступной организацией объявлена не была. В тактическом плане мера себя оправдала. Почти все их сотрудники уже осенью 1944 г. переключились на обслуживание новой власти. Но возможность наказать подавляющее большинство румынских военных преступников была упущена.

В списке А. Гэинэ немало фамилий местных жителей – молдаван и лиц со славянскими фамилиями. Службу тех из них, кто накануне войны проживал в Советской Молдавии, в румынской армии, полиции, гражданской администрации советские суды были вправе трактовать как государственную измену и выносить им самые суровые приговоры. Однако к моменту освобождения Молдавии суровая правоприменительная практика первых лет войны, согласно которой наказанию подлежали все лица, работавшие в оккупационных учреждениях, была в СССР смягчена. Отправка на фронт в составе штрафных подразделений, если за ними не было выявлено конкретных преступных деяний против населения или партизан, была предусмотрена только для полицейских и лиц, включенных в состав вермахта и других вооруженных формирований противника. Подлежала расследованию деятельность более 2 тыс. примаров – назначенных оккупантами руководителей местной администрации. Удалось ли воздать по заслугам пособникам оккупантов?

Наказание пособников врага. Кишиневский процесс 1947 г.

В октябре 1943 г. министры иностранных дел Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Советского Союза подписали Московскую декларацию, в которой было указано, что после прекращения военных действий лица, ответственные за военные преступления, должны быть переданы государству, на территории которого эти преступления были совершены, и осуждены в соответствии с законами данного государ-

ства [3]. Начиная с 1943 г. в СССР были проведены судебные процессы над немецкими военными преступниками и их пособниками в Краснодаре, Харькове, Минске, Севастополе, Смоленске, Риге, других городах. СССР был вправе требовать выдачи румынских военных преступников. Но проведение подобных процессов в Кишиневе и областных центрах Украины: Одессе и Черновцах – лишило бы смысла большинство процессов над военными преступниками, идущими в Румынии. С проведением судебного процесса в Кишиневе Москва явно медлила.

Тому имелись и объективные причины. Румынские функционеры бежали на родину весной 1944 г., когда приблизился фронт, и их розыск в Румынии требовал времени. Функционеры оккупационного аппарата из числа местных жителей были вправе ожидать содействия Румынского государства в эмиграции. Однако правительство Антонеску, запретив в январе 1944 г. «эвакуацию» населения оккупированных территорий в Румынию, не сделало исключения и для своих пособников и по существу, передало их в руки НКВД и военных трибуналов Красной Армии [4]. Немало коллаборационистов все же бежали в Румынию и далее – на Запад. Но часть их осталась на месте. В Дубоссарах контрразведкой СМЕРШ были арестованы и преданы суду 11 изменников, причастных к массовым убийствам евреев в сентябре 1941 г. и к выдаче на расправу коммунистов-молдаван, русских, украинцев: примар города А.И. Деменчук, его заместитель Ф.Ф. Канцевич, шеф полиции И.М. Витез, примар села Коржево Х.А. Студзинский, примар села Лунга И. Грекул и пять полицейских. В мае 1945 г. они были судимы и, за исключением примара, приговорены к различным срокам тюремного заключения. Деменчук был расстрелян [5].

После переворота 23 августа 1944 г. правительство генерала Константина Санатеску передало службе СМЕРШ документацию ССИ и сигуранцы, раскрывающие их агентуру, оставленную на территории СССР. Население охотно выдавало пособников оккупантов, и военные трибуналы наказывали их. Коллаборационистские элементы имелись и среди репатриантов из Румынии. Тех из них, кто был уличен в совершении конкретных преступлений, привлекали к суду и, как правило, приговаривая к принудительным работам и поражению в правах. 26 мая 1947 г. был издан Указ Президиума ВС СССР от «Об отмене смертной казни», которым это наказание было признано не применяющимся в мирное время, и возможности наказания пособников оккупантов адекватно совершенным ими преступлениям сократились.

В Кишиневе судебный процесс над фашистскими преступниками был начат только 6 декабря 1947 г. Были приняты меры к тому, что-

бы предотвратить обострение в Молдавии «антирумынских» страстей. Главными подсудимыми оказались немцы: военный комендант и начальник гарнизона Кишинева генерал-майор немецкой армии **Станислаус фон Девиц-Кребс**, обер-лейтенант Х. Клик, зондерфюрер В. Гайсельгардт. Совсем замолчать преступления румынской полиции (но не армии!) было невозможно, и к ответственности были привлечены и некоторые второстепенные преступники-румыны: полковник Д. Мариною, офицеры румынской жандармерии капитан А. Бугнару, лейтенанты И. Журя, И. Деметриан, Р. Шонтя, В. Маринаш, П. Шувар. Вызывающим образом отсутствовали на скамье подсудимых румынские функционеры, нанешие населению республики наибольший ущерб: бывшие губернаторы Бессарабии **Константин Войкулеску** и **Олимпиу Ставрат**, жандармский генерал **Иоанн Топор**, в 1941 г. руководивший концентрацией, расстрелами и депортацией евреев из Бессарабии за Днестр (“*curățarea teritoriilor*”), командиры Кишиневского областного инспектората полиции и жандармерии **Павел Епуре** и **Теодор Мекулеску**, коменданты гетто, тюрем и концлагерей, префекты уездов, офицеры и жандармы, повинные в пытках и массовых убийствах.

С. фон Девиц-Кребс был обвинен в том, что в течение трех месяцев пребывания на посту военного коменданта Кишинева (29 мая – 21 августа 1944 г.) лично руководил массовыми убийствами (более 2000 чел.), истязаниями и ограблениями жителей города, военнопленных, приказывал принудительно направлять их на строительство оборонительных укреплений, а также во взрыве и уничтожении трамвайного парка, хлебопекарен, водопровода, жилых кварталов города. Полковник Д. Мариною обвинялся в организации массовых убийств жителей Молдовы, Черновицкой области, г. Бердянска, Крыма, ограблении нескольких монастырей, в том числе Цыганештского, а также в том, что принимал во всем этом личное участие. Командир жандармского батальона Бугнару и его подчиненные Журя, Деметриан, Шонтя, Маринаш, Шувар были обвинены в том, что в поиске советских партизан они арестовывали и подвергали пыткам жителей сел центральной части Молдовы и в Одессе. Зондерфюрер Гайсельгардт с помощью немецких солдат доставил в село Ново-Князевка из Украины более 300 жителей, создал там трудовую колонию, а при отступлении почти всех рабочих послал в Германию и ограбил жителей села. Общий ущерб различным учреждениям Кишинева был исчислен в 1 383 345 000 рублей, жителям Кишинева – в 206 887 546 рублей.

Обвиняемые признали совершенные преступления, но свои действия объяснили традиционным у нацистских преступников образом: выполнением приказа. Военным трибуналом С. фон Девиц-Кребс, Х. Клик, В. Гайсельгардт, Д. Мариною, Р. Шонтя, А. Бутнару, И. Журия, И. Деметриан были приговорены к 25 годам исправительно-трудовых лагерей каждый, а П. Шувар и В. Маринаш – к 20 годам [6].

Учитывая характер преступлений, совершенных подсудимыми, вынесенные приговоры следует признать исключительно мягкими. Однако проживание в Молдавии большой группы лиц, служивших в румынском оккупационном аппарате, руководство республики сочло политически обременительным. В число 11 617 глав семей, высланных 6 июля 1949 г. из Молдавии, были включены 3665 «активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев и участников нелегальных сект» [7].

В Румынии в конце 1948 г. были арестованы и переданы советским властям редакторы кишиневских газет «Басарабия» и «Раза», выходивших в годы оккупации, священники **Серджиу Рошка** и **Василе Цепордей**. Они были признаны повинными в ведении фашистской пропаганды, в обосновании политики террора и геноцида. В 1950 г. был арестован в Румынии бывший редактор журнала «Вяца Басарабией» **Пантелеймон Халиппа**, в 1918 г. – председатель «Сфатул цэрий». Тогда же были арестованы и другие члены этого органа, помогавшие в 1917–1918 гг. королевскому правительству политически «обосновать» акт аннексии Бессарабии: **Думитру Чугуряну** (в румынской литературе – Даниел) [8], Ион Пеливан [9], Герман Пынтя. Как бывших граждан России, советский суд вправе был рассматривать их в качестве изменников Родины и приговорить к расстрелу. Но «большевики» не собирались мстить им за деяния 1917–1918 гг. В 20–30-е годы все подсудимые участвовали в движении бессарабских регионалистов, критиковали политику Бухареста в Бессарабии и помогали издавать газеты на русском языке [10]. Возможно, поэтому сравнительно мягкими оказались и приговоры, вынесенные редакторам оккупационных газет. Цепордей отбыл 7 лет заключения, а Рошка – 4 года. Халиппа в течение двух лет содержался в тюрьме, затем был передан советским властям, судим в Кишиневе и приговорен к 25 годам принудительных работ. Возвращен в Румынию, отбывал наказание в тюрьме Аюд. В 1957 г. был освобожден досрочно. Иона Пеливана в румынской тюрьме

«навещали» офицеры службы СМЕРШ. «Допросы» они проводили за обильно накрытым столом в кабинете начальника тюрьмы либо прогуливаясь с заключенным по тюремному парку. Умер Пеливан в 1954 г. Г. Пынтя, побывавший в 1941–1944 гг. примаром оккупированной Одессы, смог доказать свою непричастность к актам геноцида. Он был приговорен к 10 годам тюремного заключения, но уже 3 года спустя, в 1955 г., амнистирован.

В чиновничьей среде Румынии существовало мнение, что бессарабских регионалистов следует покарать не за пособничество режиму Антонеску, а за их бывшую оппозиционность официальному Бухаресту: Появились слухи о внесудебных расправах над ними. Первым из них, уже в 1950 г., в возрасте 67 лет, умер бывший член «Сфатул цэрий», академик, историк Штефан Чобану, арестам не подвергавшийся [11]. В том же 1950 г. Д. Чутуряну умер на следующий день после ареста, причем акт о его смерти был составлен за 15 дней до его кончины [12]. Смерть 78-летнего И. Пеливана явилась, вероятно, следствием естественных причин. Но гибель Германа Пынты молдавский автор связывает с «мерами» спецслужбы Чаушеску: «в мирном 1967 году [Пынтя] зашел в кафе, заказал чашку кофе, выпил – и упал замертво» [13]. А вот здоровья пронацистских пропагандистов тюремное заключение не подорвало. Халиппа стал советником Николае Чаушеску по «бессарабским» вопросам, был избран членом-корреспондентом Румынской Академии, продолжил литературную деятельность, работал над мемуарами. Скончался в Бухаресте в возрасте 95 лет [14]. Рошка умер в 2000 г., достигнув 88 лет, а Цепордей – два года спустя, отметив свое 90-летие.

Смертный приговор был в отсутствие обвиняемого вынесен в Румынии только одному молдаванину – митрополиту **Виссариону Пую**, в 1942–1943 гг. служившему в Одессе. Заочную суровость Народного Трибунала можно объяснить тем обстоятельством, что в конце 1944 г. о. Виссарион вошел в состав марионеточного «правительства Румынии в эмиграции», созданного в Вене главой «Железной гвардии» Хорией Сима. В Румынии церковь не была отделена от государства. Ни **Юлиу Скрибан**, предшественник Виссариона на посту главы Румынской церковной миссии в «Транснистрии», ни его преемник **Антим Ника**, ни бывший глава Бессарабской епархии **Ефрем Тигиняну**, повинные во вторжении на каноническую территорию Русской Православной Церкви, не были даже привлечены к следствию.

Наказание военных преступников в Румынии

Привлечение к суду военных преступников в Румынии целесообразно оценивать исходя из правовых норм, установленных Международным трибуналом, судившим главных немецких военных преступников в Нюрнберге. Нюрнбергский трибунал делал различие между четырьмя видами преступлений:

1. Заговор: обвиняемые подготовили и осуществили план с целью захвата абсолютной власти и действовали в полном согласии в целях совершения последующих преступлений;

2. Преступления против мира: обвиняемые преступили статью 34 международного законодательства в 64 серийных случаях, вели захватническую войну;

3. Военные преступления: обвиняемые отдавали приказы или допускали массовые убийства или пытки, порабощение миллионов людей или отдавали приказы об общем ограблении;

4. Преступления против человечности: обвиняемые преследовали политических противников, или расовые, или религиозные меньшинства. Они уничтожали целые этнические сообщества.

В принципе, этим пунктам соответствовали уже положения «Соглашения о перемирии между Румынией и Антигитлеровской коалицией», подписанного 12 сентября 1944 г. в Москве, и решения, принятые полгода спустя в Ялте, по вопросу об обращении с побежденной Германией. Соглашение предусматривало наказание румынских военных преступников, роспуск фашистских и пронацистских организаций и предупреждение воссоздания таковых. Однако на исполнение решений о наказании фашистских преступников в Румынии повлияла политическая специфика этой страны. Официальные партии румынских нацистов: «Железная гвардия» и партии А.К. Кузы и О. Гоги – были упразднены еще в начальный период Второй мировой войны, и к моменту свержения диктатуры Антонеску партии правых радикалов наподобие НСДАП (Германия), фашистской партии (Италия), партии «Скращенные стрелы» (Венгрия), организации усташей (Хорватия), в Румынии не имелось. Подлинной партией румынских нацистов являлись офицерский и унтер-офицерский корпус армии, персонал полиции и спецслужб, а также государственный аппарат, на протяжении десятилетий комплектуемые по национальному признаку, воспитываемые в духе румынского шовинизма. Можно было, как и произошло на деле, устранить из этих структур наиболее экстремистские элементы, но не избавиться от всего их персонала. Последнее обстоятельство

предопределило нерешительный характер политики денацификации Румынии, включая судебное преследование военных преступников.

Даже такие акты денацификации, как отмена шовинистического, дискриминационного для национальных меньшинств законодательства, характерного для фашистского государства, были осуществлены крайне медленно. Первый законодательный акт о привлечении к суду военных преступников, а также лиц, ответственных за катастрофическое состояние страны, был промульгирован только 20 января 1945 г. Военными преступниками были объявлены:

- лица, обращавшиеся с военнопленными и заложниками вопреки установлениям международного законодательства; приказывали или совершали акты жестокости или казни в зонах военных действий;

- лица, которые отдавали приказы или инициировали создание гетто, концентрационных и «трудовых» лагерей;

- осуществляли депортации по политическим или расовым мотивам;

- отдавали приказы или осуществляли коллективные или индивидуальные репрессии, эвакуации или депортации в порядке уничтожения лиц;

- использовали принудительный труд в целях уничтожения. (Государственный закон о наказании военных преступников и Закон о привлечении к ответственности лиц, виновных в Холокосте) [15].

То обстоятельство, как были сформулированы и, главное, как интерпретировались эти законы в Румынии, позволило массе менее важных военных преступников избежать судебного преследования либо отделаться минимальным наказанием. Более того, многие подстрекатели к военным преступлениям – журналисты, литераторы, функционеры двух фашистских партий, отравившие общественное сознание посредством распространения фашистской идеологии через средства массовой информации, – не попадали под действие названных законов. Кроме того, следственные, судебные и иные государственные органы были укомплектованы чиновниками, разделявшими идеологию фашизма. Именно они инициировали принятие, формулировали и применяли антидемократическое, шовинистическое и антисемитское законодательство в 20–30-е гг. и на протяжении 6 лет королевской и фашистской диктатуры (1938–1944 гг.).

Преследование военных преступников сдвинулось с мертвой точки только весной 1945 г., когда к власти в Румынии пришло прокоммунистическое правительство Петру Грозы. 12 апреля 1945 г. был принят Закон № 312 «О разоблачении и наказании виновных в разорении

страны и военных преступлений». На основании именно этого закона были судимы в мае 1946 г. И. Антонеску и другие главные румынские военные преступники. Согласно этому Закону были установлены две категории виновных:

1. Лица, проводившие политику фашизма, допустившие на территорию Румынии немецкие войска, устно или письменно выступавшие за подготовку военных преступлений.

2. Были установлены 15 возможных форм участия в военных преступлениях, а именно:

- лица, принявшие решение объявить войну СССР и Объединенным нациям;

- подвергали бесчеловечному обращению военнопленных или заложников;

- отдавали приказы или совершали акты террора, жестокости или подавления в отношении населения территорий, на которых велась война;

- отдавали приказы или совершали коллективные или индивидуальные репрессии с целью преследования гражданского населения по политическим или расовым мотивам;

- отдавали приказы или организовывали принудительные работы или перемещение транспортов лиц с целью их уничтожения;

- коменданты, директора, надзиратели и охранники тюрем, лагерей военнопленных или политических заключенных, лагерей или отрядов принудительного труда, подвергавшие бесчеловечному обращению находящихся в их власти;

- офицеры полиции и всякого рода следователи, применявшие насилие и пытки и всякого рода незаконные средства принуждения;

- прокуроры и судьи, гражданские и военные, способствовавшие или совершавшие акты террора и насилия;

- лица, покинувшие национальную территорию для того, чтобы поставить себя на службу гитлеризму и фашизму и выступали против страны письменно, устно или любым иным образом.

В категорию военных преступников были включены также лица, преступным путем получившие собственность, издавали расистское законодательство в гитлеровском, легионерском или расистском духе или применяли такое законодательство.

Закон предусматривал, что лица, виновные в военных преступлениях, могли быть наказаны смертью или пожизненными принудительными работами.

Таким образом, по обвинению в военных преступлениях надлежало привлечь к ответственности три категории лиц, виновных в:

- 1) участия в войне против СССР и Союзников;
- 2) бесчеловечном обращении (от принудительного труда до уничтожения) с военнопленными или гражданским населением в зоне военных действий по политическим или расовым мотивам;
- 3) ведении фашистско-легионерской пропаганды.

Последний пункт отсутствует среди критериев привлечения к ответственности, сформулированных на Нюрнбергском процессе. Но именно его наличие в румынском законе позволило наказать журналистов и интеллигентов, идейно поддерживавших «Железную гвардию» и режим Антонеску, а также функционеров его пропагандистского аппарата.

На процессе Великой национальной измены (май 1946 г.) были вынесены смертные приговоры самому диктатору, его заместителю Михая Антонеску, шефу румынской жандармерии Константину (Пики) Василиу и губернатору «Заднепровья» Георге Алексяну. Они были расстреляны. Генеральный директор Специальной разведывательной службы Президиума Совета Министров (ССИ) генерал Еуджен Кристеску, также приговоренный к расстрелу, как выяснилось, в годы войны поддерживал тайные связи с руководством подпольной Коммунистической партии Румынии [16] и с британской разведкой. По предложению министра юстиции коммуниста Лукрециу Патрашкану смертную казнь бывшему шефу ССИ король заменил на пожизненное заключение. Румынские авторы подозревают, что в 1950 г. Кристеску не умер, а вышел на свободу. Министры, выступавшие на процессе Великой национальной измены свидетелями, были освобождены, но позднее вновь арестованы и в 1949 г. осуждены. В их числе Ион Петрович, генерал Раду Росетти (министр образования); генерал Георге Потопяну (министр экономики, о котором речь далее); Константин Константеску (министр труда и путей сообщения); Георге Докан (министр юстиции), несколько десятков генералов полиции и высших чиновников. Не было вынесено ни одного смертного приговора, тюремные сроки были короткими. Очевидно, поэтому в 1949 г. некоторые из них были привлечены к суду и осуждены повторно. В 1950 г. умерли в заключении генералы Николае Мачич, ответственный за массовые убийства в Одессе, и Николае Чуперкэ.

Наказание военных преступников, признают румынские историки, было в Румынии во многом следствием давления, оказанного правительством СССР. Сбор доказательств преступных деяний обвиняемых

румынская юстиция была склонна возложить на советскую сторону. Часть румынской общественности рассматривала процессы над военными преступниками как антинациональный акт, как попытку иностранцев при посредстве их местных помощников отомстить румынским солдатам, сражавшимся за возврат в состав Румынии Бессарабии и Северной Буковины. Уничтожение евреев на этих процессах было второстепенным вопросом, если вообще затрагивалось. О геноциде цыган упоминаний не было. В итоге многие военные, место которым было на скамье подсудимых, продолжали службу и после переворота 23 августа 1944 г. Генерал **Георге Потопяну**, руководивший в конце оккупации разграблением промышленности «Транснистрии», в 1944–1945 гг., побывал министром Румынии. Позднее был арестован и судим дважды. В 1963 г. Потопяну был помилован и умер на свободе [17]. Генерал **Василе Атанасиу** в 1941 г. командовал армейским корпусом при вторжении в Бессарабию и при осаде Одессы, а затем оккупационными войсками в Бессарабии. Вовремя, 20 августа 1944 г., рассорившись с Антонеску, после переворота был назначен командующим 1-й румынской армией, командовал ею при освобождении Северной Трансильвании, Венгрии, Словакии. Был награжден советским орденом Суворова. К ответственности Атанасиу не привлекался, умер в 1964 г. в возрасте 78 лет [18].

Как специалисты своего дела оказались востребованы жандармы. После перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции получил генеральское звание бывший префект Дубоссарского уезда полковник **Александру Батку**, ответственный за проведение грабительской «Операции 1111» и мероприятий «выжженной земли». В 1945 г. он побывал военным комендантом Бухареста. Скончался в 1964 г. в возрасте 72 лет. Ныне он – гордость румынской жандармерии [19]. Осенью 1944 г. был произведен в генералы также бывший командир румынской жандармерии в Бессарабии полковник **Теодор Мекулеску**. Однако он был повинен в терроре, творимом его подчиненными против населения Бессарабии. После войны Мекулеску был отправлен в отставку, предан суду и приговорен к 15 годам строгого режима («темниця гря»). Однако вскоре был освобожден и поставлен во главе жандармерии – *Corpul Gardienilor Publici*. Но функционер, занимавший подобный пост на оккупированной территории, был для новых властей политически обременителен. В 1948 г. генерал жандармерии был вновь арестован, судим, и после двух лет предварительного заключения приговорен к 8 годам принудительных работ. Через семь лет вышел на свободу, но в 1960 г. вновь был арестован и за преступления, совершенные «против

рабочего класса», т.е. в самой Румынии, осужден на 10 лет тюремного заключения. Однако и этот срок не отбыл. В 1964 г., после прихода к власти Николае Чаушеску, был помилован и освобожден. На склоне лет главный каратель Бессарабии жил безбедно и скончался в возрасте 93 лет. Ныне он также является в Румынии образцом жандармского служения своей стране [20]. Избежал смертного приговора и **Иоанн Топор**. Однако жандармского генерала подвело здоровье, в 1950 г. он умер в тюрьме. Был осужден также бывший командир Лапушнянского (Кишиневского) легиона жандармов полковник **Николае Каракаш**. В июле–сентябре 1941 г. он руководил расправами над евреями, а в 1944 г. – операциями против молдавских партизан [21].

Чрезвычайные государственные комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков (ЧГК), созданные в каждом районе Молдавии и Украины, производили эксгумации захоронений жертв массовых убийств, опрашивали население, пытаясь установить фамилии убийц, но жители, как правило, не знали имен и фамилий преступников. Практически не рассматривались мероприятия оккупационных властей, спровоцировавшие гибель сотен тысяч мирных жителей. Однако в ходе судебных процессов над военными преступниками, проводимых в Румынии, накапливался обвинительный материал и на руководителей оккупационной администрации. Только 22 февраля 1946 г. перед Трибуналом народа в Бухаресте предстал бывший губернатор Бессарабии Константин Войкулеску. За два года его руководства в Бессарабии были уничтожены на месте либо отправлены на смерть в концлагеря «Транснистрии» более 100 тыс. евреев и цыган, а социально-экономические мероприятия румынских властей, осуществленные под руководством губернатора, привели к голоду и распространению социальных заболеваний. По этим причинам население Бессарабии (молдаване, украинцы, болгары, русские, гагаузы) сократилось на 220 тыс. чел., 10 процентов его общей численности [22].

Преемник Войкулеску на посту губернатора генерал **Олимпиу Ставрат** оставался в кадрах армии до 1947 г. В 1948 г. был все же арестован. Обвинение располагало сведениями о преступлениях, совершенных под его командой солдатами и офицерами 7-й пехотной дивизии в начале войны на севере Буковины и в Бессарабии. Назначенный в апреле 1943 г. губернатором Бессарабии, О. Ставрат руководил проведением грабительской «Операции 1111». Под его руководством были разрушены около половины домостроений Кишинева, проводился массовый угон населения, вывоз продовольственных запасов, разрушение системы санитарной безопасности. Эти мероприятия вызвали

вспышку эпидемий сыпного и брюшного тифа. Следствием деятельности О. Ставрата явилась гибель от санитарных причин 107 тыс. жителей Молдавии [23]. Оба губернатора были приговорены к тюремному заключению. Для Войкулеску оно оказалось пожизненным, в 1955 г. 65-летний генерал умер. Ставрат в том же году был освобожден. Скончался в 1968 г. в возрасте 80 лет.

Народные трибуналы в Бухаресте и Клуже, призванные рассматривать дела о военных преступлениях, были упразднены 28 июня 1946 г. За краткий срок своего существования они рассмотрели дела 2700 обвиняемых, но осудили всего 668 чел.; многим приговоры были вынесены заочно. На долю Бухарестского трибунала, рассматривавшего дела о преступлениях, совершенных на оккупированной территории Советского Союза, пришлось всего 187 приговоров. Клужский трибунал, судивший главным образом венгерских военных, жандармов и функционеров, совершивших преступления против румынского населения Северной Трансильвании, отмечено в Заключительном докладе Международной комиссии по исследованию Холокоста в Румынии, не только привлек к ответственности больше военных преступников, но и выносил более суровые приговоры. Оба трибунала вынесли всего 48 смертных приговоров, и только 4 из них были приведены в исполнение [24].

После 1950 г. началось досрочное освобождение осужденных военных преступников. Последние из них вышли на свободу по амнистиям 1962 и 1964 гг., когда национал-коммунистическому режиму потребовались услуги политических пленников, и особенно имеющих среди них интеллектуалов. Тогда же началась их политическая реабилитация [25]. На фоне снисходительного отношения народно-демократической юстиции к высокопоставленным жандармам, функционерам контрразведки и политической полиции не находит объяснения ее непреклонность к военным. В 1950–1955 гг. скончались около 80 генералов румынской армии, приговоренных к различным срокам тюремного заключения. Ныне их представляют жертвами «русских и коммунистов».

Наказание военных преступников было осуществлено в Румынии выборочно. К ответственности был привлечен узкий круг обвиняемых, занимавших командные и высшие административные посты. Вынесенные им приговоры были, учитывая состав преступлений, неадекватно мягкими, а исполнение приговоров большей частью прекращено досрочно. Были наказаны лишь отдельные преступники-исполнители. Возможность денацификации страны, то есть очищения румынского

общества от влияния нацистской идеологии, в процессе наказания военных преступников народно-демократические власти Румынии использовали лишь частично. Руководство СССР исходило из интересов достижения в Румынии широкого политического компромисса, и бытующие в работах историков и публицистов утверждения о давлении Москвы на Бухарест в вопросе о наказании военных преступников остаются недоказанными.

Ныне наказание военных преступников в 1945–1952 гг. рассматривается многими румынскими авторами в фальшивом контексте «установления тоталитаризма в Румынии» (*Instaurarea totalitarismului in Romania*). Политической реабилитации румынских военных преступников, а значит и целей диктатуры Антонеску, и методов, которыми она добивалась их достижения, способствует то обстоятельство, что до настоящего времени опубликована лишь ничтожная часть материалов судебных процессов. Румынская общественность не знает и не желает знать о злодеяниях, совершенных правительством Иона Антонеску, румынской армией, полицией, гражданской администраций в Советской Молдавии и на Украине. Но в Молдавии, на Украине, в России эти преступления не забыты.

Примечания

[1] Натиск на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время (Сборник статей, документов и воспоминаний) / Под ред. Н.В. Бабилунги. Бендеры. 2011. С. 324–329.

[2] http://agonia.ro/index.php/essay/13894658/Holocostul_%C3%83%C2%AEEn_Basarabia

[3] <http://www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005140>

[4] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 545. ЛЛ. 36–138.

[5] Натиск на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время (Сборник статей, документов и воспоминаний) / Под ред. Н.В. Бабилунги. Бендеры. 2011. С. 289–293.

[6] http://www.vedomosti.md/news/Kishinevskii_Protsess

[7] Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. М.: ТЕРРА. 1994. С. 456.

[8] http://ro.wikipedia.org/wiki/Daniel_Ciugureanu

[9] http://www.google.md/#hl=ru&client=psy-ab&q=Ion+Pelivan&oq=Ion+Pelivan&aq=f&aqi=g5g-K5&aql=&gs_l=serp.12..0l5joiz3ol5.4803.15941.1.18202.16.11

[10] Подробнее см.: Шорников П.М. Бессарабский фронт (1918–1940 гг.). 2-е изд. Тирасполь. Полиграфист. 2011. С. 86–97, 156–165, 166–180 и др.; его

же. Молдавская самобытность. Тирасполь. Изд-во Приднестровского ун-та. 2007. С. 286–291.

[11] http://ro.wikipedia.org/wiki/%C8%98tefan_Ciobanu

[12] http://ro.wikipedia.org/wiki/Daniel_Ciugureanu

[13] <http://baza.md/index.php?newsid=726>

[14] http://ro.wikipedia.org/wiki/Pantelimon_Halippa

[15] Legile №50 и 51, Monitorul oficial, nr.17 din 21 ianuarie 1945. P. 415.

[16] http://ro.wikipedia.org/wiki/Eugen_Cristescu

[17] http://ro.wikipedia.org/wiki/Gheorghe_Potopeanu

[18] http://en.wikipedia.org/wiki/Vasile_Atanasiu

[19] http://en.wikipedia.org/wiki/Alexandru_Batcu

[20] Jandarmeria romana. № 3/2008. P. 13; Revista%20Jandarmeria%20Romana%20nr%203.pdf

[21] <http://www.idee.ro/holocaust/pdf/solutionarea.pdf>

[22] Подробнее см.: Шорников П.М. Цена войны. С. 96–98.

[23] Подробнее см.: Шорников П.М. Цена войны. С. 99–101.

[24] Comisia Internationala pentru studierea Holocaustului in Romania. Raport final. – Bucuresti. POLIROM. 2005. P. 319, 320.

[25] Ibid., P. 321.

Научно-популярное издание

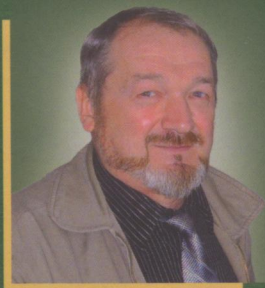
Николай Вадимович Бабилунга

Бессарабия под румынским правлением
История края в жизнеописании его оккупационных
правителей в первой половине XX в.

Компьютерная верстка, дизайн обложки: *М.Н. Грибиненко*
Редактор-корректор: *Ю.С. Якунина*

Подписано в печать 18.06.2020. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,7. Тираж 100 экз. Заказ № 1206.

Отпечатано на ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»
Государственной службы средств массовой информации ПМР,
3200, г. Бендеры, ул. Пушкина, 52.

БАБИЛУНГА
НИКОЛАЙ
ВАДИМОВИЧ

Историк. Профессор, специалист в области истории Молдавии, истории Приднестровья, истории России.

Академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, член-корреспондент Академии социальных технологий и местного самоуправления, отличный работник народного образования Приднестровской Молдавской Республики, заслуженный работник народного образования ПМР, дважды лауреат Государственной премии ПМР в области науки.

Румынские оккупанты вообще не считали местное население Бессарабии за людей, равных себе. И если русских они ненавидели, но боялись, евреев ненавидели, но пытались использовать для личного обогащения, то молдаванам оставалось лишь голое презрение и ничем не прикрытая ненависть, возвращенная на спеси, на чувстве собственного превосходства и первородного величия. Об этом честно писал известный румынский поэт, историк и публицист Скарлат Каллимаки в 1935 г.: «С момента румынской оккупации и до сих пор Бессарабия характеризуется как колония с местным населением низшей расы, отсюда и исходит необходимость применения методов, специфичных для руководства колонией».